

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 5, № 4, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СЧЕТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД В РОССИИ
МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

ОЦЕНКА ТРАНСФЕРТОВ ВРЕМЕНИ ВНУТРИ ДОМОХОЗЯЙСТВ
ИРИНА КАЛАБИХИНА, ЖАДРА ШАЙКЕНОВА

ГОРОДА-МИЛЛИОННИКИ НА КАРТЕ СМЕРТНОСТИ РОССИИ
АЛЕКСЕЙ ЩУР

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА
МАРИНА КОЛОСНИЦЫНА, ОЛЬГА КУЛИКОВА

ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ
ИРИНА ЦАПЕНКО

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ООН
В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ СТРАН В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ
САЛАВАТ АБЫЛКАЛИКОВ

Переводные статьи

ДЕМОГРАФИЯ СТЕНЫ ТРАМПА
ДАДЛИ ПОСТОН мл., ПИТЕР МОРРИСОН

Рецензии

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ РАКУРС
Рецензия на книгу «Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах»
ВЛАДИМИР МУКОМЕЛЬ

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ В ЕВРОПЕ
Рецензия на книгу «A demographic perspective on gender, family and health in Europe»
ОЛЬГА ИСУПОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.И. КУЗЬМИН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
М.С. САВОСКУЛ
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Заместитель главного редактора – Никита Владимирович МКРТЧЯН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. KUZMIN
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
M. SAVOSKUL
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Deputy Editor-in-Chief - Nikita V. MKRTCHYAN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

**All manuscripts are obligatory peer-reviewed.
Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Декабрь 2018, Т.5, №4

Оригинальные статьи

- МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СЧЕТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД В РОССИИ** **6-35**
Михаил Денисенко, Владимир Козлов
- ОЦЕНКА ТРАНСФЕРТОВ ВРЕМЕНИ ВНУТРИ ДОМОХОЗЯЙСТВ** **36-65**
Ирина Калабихина, Жадра Шайкенова
- ГОРОДА-МИЛЛИОННИКИ НА КАРТЕ СМЕРТНОСТИ РОССИИ** **66-91**
Алексей Щур
- СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА** **92-124**
Марина Колосницына, Ольга Куликова
- ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ** **125-149**
Ирина Цапенко
- ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ООН В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ СТРАН В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ** **150-164**
Салават Абылкаликов

Переводные статьи

- ДЕМОГРАФИЯ СТЕНЫ ТРАМПА** **165-170**
Дадли Постон мл., Питер Моррисон

Рецензии

- НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ РАКУРС**
Рецензия на книгу «Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах» **171-185**
Владимир Мукомель
- ГЕНДЕР, СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ В ЕВРОПЕ**
Рецензия на книгу «A demographic perspective on gender, family and health in Europe» **186-193**
Ольга Исупова

CONTENTS
December 2018, 5(4)

Original papers

GENERATIONAL ACCOUNTS AND DEMOGRAPHIC DIVIDEND IN RUSSIA	9-35
<i>Mikhail Denisenko, Vladimir Kozlov</i>	
AN ESTIMATION OF HOUSEHOLD TIME TRANSFERS WITHIN HOUSEHOLDS	36-65
<i>Irina Kalabikhina, Zhadra Shaikenova</i>	
CITIES OF OVER A MILLION PEOPLE ON THE MORTALITY MAP OF RUSSIA	66-91
<i>Aleksei Shchur</i>	
OVERWEIGHT: SOCIOECONOMIC FACTORS AND CONSEQUENCES	186-193
<i>Marina Kolosnitsyna, Olga Kulikova</i>	
FOR FRESH APPROACHES TO THE SOCIO-CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS	125-149
<i>Irina Tsapenko</i>	
USING THE WORLD POPULATION POLICIES DATABASE TO STUDY INTERNAL MIGRATION POLICY	150-164
<i>Salavat Abylkalikov</i>	

Translated papers

THE DEMOGRAPHY OF TRUMP'S WALL	165-170
<i>Dudley L. Poston Jr., Peter A. Morrison</i>	

Reviews

DEMOGRAPHIC ETHNIC POLICY: A NEW PERSPECTIVE Review of the book «A multi-ethnic city. Problems and prospects of cultural diversity management in the large cities»	171-185
<i>Vladimir Mukomel</i>	
A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE ON GENDER, FAMILY AND HEALTH IN EUROPE Review of the book «A demographic perspective on gender, family and health in Europe»	186-193
<i>Olga Isupova</i>	

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СЧЕТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД В РОССИИ

МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

В предлагаемой статье представлена современная методология оценки вклада отдельных возрастных групп в производство и распределение национального дохода – национальные трансфертные (межпоколенческие) счета. Экономический жизненный цикл человека делится на стадии, которые определяются соотношением трудового дохода и потребления. В средних возрастах получаемый доход превышает текущее потребление. Возникает избыток или профицит ресурсов, который идет на покрытие дефицита дохода для обеспечения потребления в младших и старших возрастных группах. Оценки дефицита или профицита в отдельных возрастах выполнены для российского населения по состоянию на 2013 г. на основе построенных по результатам обследований и административных источников возрастных профилей доходов и потребления. Дается оценка изменений дефицита жизненного цикла на перспективу при разных сценариях демографического развития. Возрастные профили доходов и потребления были использованы для оценки эффективной экономической поддержки и влияния демографических изменений в России на темпы экономического роста в ближайшем будущем.

Ключевые слова: *жизненный цикл, национальные трансфертные счета, доход, потребление, старение, эффективная экономическая поддержка, демографический дивиденд.*

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия мир переживает значительные демографические изменения, которые проявляются в снижении рождаемости, увеличении продолжительности жизни, интенсивной международной миграции и, как следствие, в трансформации возрастного состава населения. В одних странах, в которых демографический переход близок к завершению или завершился, идет процесс демографического старения. Устойчивое увеличение доли лиц в старших возрастах в общей численности населения является вызовом для этих стран, социальные институты которых сформировались в период «демографической молодости». В других странах, где рождаемость начала снижаться сравнительно недавно, увеличивается доля молодых трудоспособных возрастов и сокращается доля детей. При прочих равных условиях подобная оптимизация возрастной структуры может привести к получению демографического дивиденда, как это было недавно в Китае или других странах Юго-Восточной Азии.

Михаил Борисович Денисенко (mdenissenko@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Владимир Александрович Козлов (vakozlov@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья подготовлена в рамках прикладного проекта НИУ ВШЭ ТЗ 148 «Включение России в систему международных сопоставлений по национальным поколенческим счетам».

Статья поступила в редакцию в октябре 2018 г.

По некоторым оценкам, демографический дивиденд в Восточной Азии объясняет от одной четвертой до двух пятых экономического роста в 1980-1990-х годах [Bloom, Canning, Sevilla 2003: 45]. Но возможен и такой вариант развития, при котором бедные страны не успеют воспользоваться возможностями, которые предоставляет демографический переход, и извлечь демографический дивиденд до того, как начнется процесс старения населения.

Найти ответы на демографические вызовы – значит преодолеть возможные проблемы и конфликты, с одной стороны, и реализовать открывающиеся возможности для развития, с другой. В этом состоит одна из главных задач социально-экономической политики. Но для ее обоснования и реализации необходимо корректно измерять последствия изменений в возрастном составе населения. Поиск таких индикаторов является одной из важных задач экономико-демографических исследований. Однако принятые в современном мире стандартные индикаторы экономического развития разрабатываются в основном по отношению ко всему населению и не отражают вклад отдельных возрастных групп или поколений в совокупное производство и потребление. Если данные о возрастных характеристиках потребления, доходов, производительности труда в ряде стран систематически собираются и разрабатываются, то о закономерностях перераспределения доходов и ресурсов между поколениями известно недопустимо мало. Трансфертные системы, функционирование которых опосредовано институтом семьи, государством или рынком, под влиянием упомянутых выше демографических изменений сегодня сами находятся в состоянии реформирования.

Интерес к оценке последствий демографических изменений в России за последние годы существенно вырос. Многие вопросы, связанные с организацией образования, социального обеспечения и здравоохранения, нерешенные в прошлом, в условиях усиливающегося процесса старения грозят обостриться в уже недалеком будущем. Кроме того, интерес к экономико-демографической тематике повышают продолжающееся сокращение численности населения в рабочих возрастах, ускоренное увеличение доли лиц в старших и на этом фоне вероятное усиление миграционных потоков. Таким образом, задача построения адекватных индикаторов, отражающих последствия старения населения в России, представляется крайне важной в самое ближайшее время.

В данной статье мы остановимся на двух индикаторах, которые позволяют оценить влияние изменений в возрастном составе населения на экономическое развитие, и представим их оценки для Российской Федерации. Речь идет о показателе «дефицит жизненного цикла» (life cycle deficit) и о показателе «эффективная экономическая поддержка» (effective economic support). Оба этих показателя получили свое обоснование в рамках новой методологии анализа перераспределения ресурсов между поколениями – системы национальных трансфертных (межпоколенческих) счетов. В статье кратко рассматриваются базовые положения методологии их построения. Эта часть работы дополняется оценками ряда показателей системы национальных трансфертных счетов для России за 2013 г. В завершающей части представлены оценки дефицита жизненного цикла и эффективной экономической поддержки, которые отражают влияние изменений в возрастном составе населения России на экономику страны в ближайшем будущем.

Начинается же статья кратким обзором истории включения возрастных структур в экономические модели.

ВОЗРАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Многочисленные исследования роли возрастного состава и его изменений в экономическом развитии со временем объединились в направление, которое получило название «Экономика поколений» (Generational economy). Согласно одному из определений, экономика поколений изучает: 1) социальные институты и экономические механизмы, посредством которых поколения или возрастные группы производят, потребляют, перераспределяют и сберегают ресурсы; 2) экономические потоки между поколениями или возрастными группами; 3) явные и неявные контракты, которые управляют межпоколенческими потоками; 4) доходы и потребление отдельных поколений и возрастных групп [Lee, Mason 2011: 7]. Начальный период в истории исследований по данной тематике отличался тем, что работы, выполненные демографами, в основном оставались неизвестными экономистам, как и работы ученых из бывших социалистических стран были *terra incognita* для их западных коллег.

Возникновение «Экономики поколений» как научного направления в западной литературе связывают с именами двух нобелевских лауреатов – Пола Самуэльсона и Франко Модильяни.

Макроэкономика поколений начинается с работы Самуэльсона и предложенной им модели «пересекающихся поколений» (*overlapping generation*) [Barro, Sala-i-Martin 2004: 252]. В своем исследовании равновесной нормы процента П. Самуэльсон предположил, что жизнь населения делится на два периода: трудовой (в возрасте от 20 до 65 лет) и пенсионный (в возрасте от 65 лет и старше). В трудовом периоде одна часть средств уходит на потребление (в том числе детей), а другая часть – на сбережения для обеспечения потребления в старости. В старших возрастах человек потребляет за счет своих сбережений, а также за счет возврата предоставленных когда-то кредитов более молодым поколениям. Потребление сбережений П. Самуэльсон назвал «трансфертами во времени» [Samuelson 1958: 471].

Впоследствии модель пересекающихся поколений усложнилась, в нее включались разные формы межпоколенческих трансфертов. В качестве примера приведем несколько исследований. Так, в следующей после П. Самуэльсона заметной работе еще один нобелевский лауреат Питер Даймонд [Diamond 1965], используя эту модель, показал значимость национального долга и солидарной пенсионной системы для оптимизации уровня потребления в обществе. В свою очередь Р. Барро, обращаясь к модели пересекающихся поколений, высказал гипотезу, что внутрисемейные трансферты нейтрализуют перераспределительные эффекты общественных трансфертов [Barro 1974]. В 1978 г. У. Артур и Дж. Макниколл объединили демографические модели возрастной структуры и модель пересекающихся поколений Самуэльсона. Это позволило им установить значимость темпов роста и возрастного состава населения для объемов

сбережений и межпоколенческих трансфертов [Arthur, McNicoll 1978]. В 1988 г. вышла коллективная монография «Экономика изменений возрастной структуры в развитых странах», в которой затрагиваются разные аспекты старения населения: экономический рост, когортные эффекты в размерах заработков, влияние на рынок труда и на сектор домашних хозяйств, демографические особенности пенсионных систем и др. [Lee, Arthur, Rodgers 1988]. Особенно отметим главу Р. Уиллиса, который попытался интегрировать микроэкономические модели жизненного цикла индивидуума и домохозяйства, демографического поведения в модель пересекающихся поколений [Willis 1988].

Работа Ф. Модильяни и Р. Брамберга положила начало микрооснованиям экономики поколений. В ней была сформулирована концепция экономического жизненного цикла и обоснован тезис о взаимосвязи уровня потребления, сбережений и трансфертов между поколениями [Modigliani, Brumberg 1954]. Проблемы межпоколенческих взаимодействий через призму концепции жизненного цикла рассматривались во многих исследованиях. Так, например, М. Фельдстейн, опираясь на модель экономического жизненного цикла, одним из первых предположил, что общественные пенсионные программы уменьшают склонность к сбережениям [Feldstein 1974: 910]. Л. Котликофф и Л. Саммерс [Kotlikoff, Summers 1981], обратившись к возрастным профилям заработков и потребления, установили, что важным фактором сбережений и накопления богатства являются межпоколенческие трансферты, которые осуществляются, по их мнению, с целью поддержки детей или родителей. Несколько иную точку зрения высказал на этот счет один из авторов концепции экономического жизненного цикла Ф. Модильяни, который утверждал, что желание поддержать уровень потребления после выхода на пенсию объясняет накопление сбережений и капитала в США [Modigliani 1988].

Вместе с тем следует отметить, что еще в первой четверти XX века выдающимся русским ученым А. Чаяновым была высказана и реализована идея построения поколенческих экономических балансов на основе возрастных профилей производства и потребления [Чаянов 1989]. Изучая бюджеты крестьянских хозяйств, он установил тесную взаимосвязь между фазами жизненного цикла крестьянской семьи, размерами ее хозяйственной деятельности и потребления, выявил вклад отдельных поколений в развитие крестьянских хозяйств на отдельных фазах его жизненного цикла.

В Европе в то же время, что и в США, также шаг за шагом шел процесс анализа влияния демографических изменений на экономическое развитие. Так, идеи французской экономико-демографической школы относительно межпоколенческих взаимодействий, последствий старения населения в 1960-х годах были обобщены в работе А. Сови «Общая теория населения» [Сови 1977]. Необходимо отметить уникальные для своего времени (1960-1970-е годы) работы венгерского демографа Э. Валковича [1971]. Для оценки влияния возрастных структур он предложил метод экономических возрастных пирамид. По результатам обследований он определял возрастные профили доходов и потребления в Венгрии, а на их основе – периоды дефицита или избытка ресурсов на отдельных этапах жизненного цикла. Возрастные пирамиды или структуры исчислялись путем умножения полученных повозрастных показателей на численность населения соответствующих возрастных групп. Сравнение экономических пирамид за ряд лет позволяет оценить эффект

изменения возрастной структуры на совокупные показатели производства, потребления, сбережений и др.

В 1970-1980-х годах австралийский демограф Дж. Колдуэлл, основываясь на идеях А. Чаянова, развивал теорию демографического перехода, ключевым элементом которой стал анализ направлений потоков благ между поколениями [Caldwell 1982]. Межпоколенные отношения в традиционном обществе складывались в пользу старших возрастов, поскольку система межродственной поддержки была направлена в их сторону, а экономическая активность начиналась в детском возрасте. Согласно результатам ряда исследований Дж. Колдуэлла и его последователей, экономическая ценность детей благодаря «чистому потоку благ» от них для родителей была высокой. Трансфертная система перераспределения ресурсов традиционного общества, сложившаяся в условиях высокой смертности, обеспечивала высокую рождаемость.

В СССР в 1986 г. была опубликована работа Е. Андреева и Л. Дарского, посвященная экономико-демографическим процессам в реальных поколениях [Андреев, Дарский 1986]. Основываясь на модели стабильного населения, а также на некоторых идеях Б. Урланиса [Урланис 1971; 1976], они оценили объемы произведенных и потребленных благ разными поколениями в зависимости от темпов прироста производительности труда, уровня смертности и темпов прироста населения. Андреев и Дарский показали, что возможна ситуация отрицательного экономического баланса поколений, т.е. превышения потребления над объемом произведенных благ. Это обусловлено тем, что период трудовой деятельности в 1970-1980-е годы уменьшался вследствие удлинения периода обучения и развития системы пенсионного обеспечения. Они соглашались с Урланисом, что систематический отрицательный баланс поколений необязательно связан с уменьшением национального богатства. Этот баланс может покрываться за счет других поколений, в том числе более молодых, имеющих более высокую производительность. При этом баланс гипотетического поколения остается положительным. Понятие баланса здесь фактически соответствует понятию дефицита жизненного цикла, принятого в зарубежной литературе.

Результаты многочисленных и многолетних исследований, в конечном итоге, привели ученых к заключению, что задачи оценки последствий демографических изменений для экономики и государственной политики следует решать посредством балансовых уравнений перераспределения ресурсов между поколениями (возрастными группами), сочетающих в себе аналитические методы демографии и экономической теории. Работа по созданию межпоколенческих балансов в рамках системы национальных счетов началась в 1980-х годах. Заслуга по созданию современной системы принадлежит американцам – демографу Рональду Ли и экономисту Эндрю Мэйсону [D'Albis, Moosa 2015]. Так, еще в 1980 г. Р. Ли обобщил наработки исследователей за двадцатилетний период. Там же он предпринял одну из первых попыток оценки влияния изменений в возрастной структуре через межпоколенные трансферты на экономический рост [Lee 1980]. Э. Мэйсон в своей работе 1988 г. показал ценность межпоколенческого подхода для изучения сбережений [Mason 1988]. В 1994 г. Р. Ли, анализируя последствия старения населения, попытался объединить модели воспроизводства населения с экономическими моделями и исследовательскими темами, в том числе с моделями пересекающихся поколений, оптимального роста населения, сбережений и жизненного цикла, с

бухгалтерией поколений (о ней будет сказано ниже), а также с изучением реакции населения на введение общественных трансфертных программ и др. [Lee 1994].

В своих последующих работах Р. Ли и Э. Мэйсон развили методiku построения и анализа балансов (счетов) экономических потоков с учетом возрастного состава населения. Ими была высказана идея построения возрастных балансов бюджетов времени. Впоследствии эта идея была реализована в рамках исследовательского проекта «Национальные трансфертные счета». Возрастные профили потребления и доходов в дальнейшем использовали для построения моделей накопления капитала и перераспределения богатства, развития системы. Используя возрастные профили налогов и льгот, Р. Ли и Ш. Тулджапуркар [Lee, Tuljapurkar 2000] построили долговременный прогноз финансового развития системы социального обеспечения в США в условиях демографического старения, а Р. Ли и Т. Миллер оценили долговременные фискальные последствия иммиграции для США [Lee, Miller 2000]. Группа исследователей (А. Бомье, Р. Ли и др.) определила, какие из поколений 1850-2090 гг. рождения в США являются выигравшими, а какие проигравшими в результате перераспределения ресурсов через канал общественных межпоколенческих трансфертов [Bommier et al. 2010].

Широкий научный и общественный интерес к оценке последствий демографических изменений, а также результаты многочисленных научных изысканий привели к тому, что в 2002 г. под научным руководством Р. Ли и А. Мэйсона был запущен международный проект по разработке методологии построения системы национальных межпоколенческих (трансфертных) счетов и их применению. В число первых участников проекта помимо развитых стран (США, Франция, Япония) входили и развивающиеся страны (Бразилия, Индонезия, Тайвань, Чили), которые столкнулись с быстрыми изменениями в рождаемости, смертности и возрастном составе населения. Первоначально проект поддерживался Национальным институтом старения США. Но спустя несколько лет к поддержке проекта присоединился Фонд ООН по проблемам народонаселения, затем Еврокомиссия, Центр по развитию международных исследований Канады, Отдел народонаселения секретариата ООН. В настоящее время в проекте участвует 94 страны, включая Россию¹.

В конце 1990 - начале 2000-х годов американский демограф Дэвид Блум с коллегами показали, что «чудо» быстрого экономического роста стран Азии (Китай, Таиланд, Тайвань, Южная Корея) во многом объясняется изменениями в возрастном составе населения [Bloom, Williamson 1998; Bloom, Canning, Malaney 2000; Bloom, Canning, Sevilla 2003]. В результате быстрого падения уровня рождаемости увеличилась доля лиц в трудоспособных возрастах и уменьшилась демографическая нагрузка. Полученный выигрыш был назван демографическим дивидендом. С тех пор понятие «демографический дивиденд» стало одним из центральных в экономико-демографических исследованиях [Ли, Мэйсон 2006]. Новые подходы к его оценке, а также к оценке коэффициентов поддержки с учетом возрастных особенностей получения дохода и потребления были разработаны в рамках системы национальных трансфертных счетов [Prskawetz, Sambt 2014; Mason et al. 2017].

¹ Россию представляет Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Отметим, что помимо национальных трансфертных счетов, к которым обращаются авторы данной статьи, существуют и другие методы оценки перераспределения ресурсов между поколениями. Например, в начале 1990-х годов американские экономисты и демографы Л. Котликофф, А. Ауэрбах и Дж. Гокхейл для оценки последствий демографического старения и финансовой эффективности действующих государственных программ, перераспределяющих доходы между поколениями (в первую очередь пенсионных программ), предложили метод так называемой межпоколенной бухгалтерии (Generational Accounting) [Kotlikoff 1992; Auerbach, Gokhale, Kotlikoff 1994]. В 2013 г. в Институте экономической политики имени Е.Т. Гайдара было проведено экономико-демографическое исследование текущего и перспективного состояния государственных финансов в России «Оценка бюджетного разрыва в РФ» при участии Л. Котликофф². По оценке специалистов, действующая фискальная политика не может обеспечить устойчивость бюджетной системы в течение длительного срока во многом из-за старения населения, которое будет вызывать рост расходов на пенсионное обеспечение и медицинские услуги. В итоге бюджетный разрыв, по которому и оценивалась устойчивость государственных финансов, в России к 2015 г. должен был возрасти до 11,8-14,1%. Но проблема была не только в старении населения, но и в вероятном снижении доходов бюджета от экспорта углеводородов (эффект примерно в 2 раза сильнее демографического).

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ СЧЕТА

Экономическую систему можно представить в виде потоков благ между людьми и различными институтами, среди которых важное место занимают потоки между поколениями или межпоколенческие трансферты. Однако в главной системе описания и анализа макроэкономических процессов в странах мира – системе национальных счетов (СНС)³ – перераспределение ресурсов между возрастными группами (поколениями) не отражается. Таким образом, эта система никак не увязана с эпохальными демографическими изменениями, которые происходят на рубеже XX и XXI веков как в развитых (демографическое старение), так и развивающихся (снижение рождаемости) странах мира. Авторами идеи увязать СНС с демографическими процессами являются уже упоминавшиеся экономист Эндрю Мэйсон и демограф Рональд Ли. В итоге ими была разработана концепция построения Национальных трансфертных (межпоколенческих)

² Сайт проекта: URL: <http://www.iep.ru/ru/ocenka-byudzhethnogo-razryva-v-rf-russia-s-fiscal-gap.html>. Основные результаты были опубликованы позднее в статье [Горюнов и др. 2015].

³ Система национальных счетов возникла около 50 лет тому назад в наиболее развитых в экономическом отношении странах в связи с потребностью в информации, необходимой для анализа состояния экономики, формирования экономической политики и принятия мер по регулированию рыночной экономики. Концептуально эта система гармонизирована с платежным балансом и рядом других разделов макроэкономической статистики. Суть СНС сводится к формированию обобщающих показателей развития экономики на различных стадиях процесса воспроизводства и взаимной увязке этих показателей между собой. Каждой стадии воспроизводства (стадии производства, первичного распределения доходов, вторичного распределения доходов, использования на конечное потребление и накопление и др.) соответствует специальный счет или группа счетов. В системе национальных счетов отражаются счета потоков, т.е. движение потоков товаров, услуг и доходов через все стадии (от производства до использования), а также изменение нефинансовых активов и финансовых активов и обязательств (См.: [Система национальных счетов 2012]).

счетов (National Transfer Accounts или сокращенно NTA), которые в своей полной форме представляют собой системное и комплексное отображение существующих экономических потоков как потоков между возрастными группами [Lee, Mason 2011; United Nations 2013].

Внешне система национальных трансфертных счетов в полной форме представляет собой распределение ряда показателей национальных счетов по однолетним возрастным группам. Но между системами СНС и NTA имеются различия. В частности, единицей анализа в межпоколенческих счетах является индивид, а не домохозяйство. Хотя в рамках домохозяйств осуществляется совместное потребление, но все же, по мнению авторов NTA, в значительной части случаев потребление носит индивидуальный характер. Вместе с тем существуют экономические потоки, которые прямо не могут быть распределены по возрастным группам: а) потоки между институтами, например, между корпорациями и государством; б) ряд потоков общественных благ, например, расходы на оборону, государственный аппарат, судебную систему; в) многие потоки, которые в статистике увязываются не с индивидуумом, а с домохозяйствами. На практике при построении национальных трансфертных счетов для распределения этих потоков между возрастными группами прибегают к разного рода предположениям и/или моделям.

Социальные институты в концепции национальных трансфертных счетов выступают исключительно как посредники обменов между возрастными группами. Например, прибыль фирмы рассматривается через призму возраста их собственника, трансферты правительства – через возраст налогоплательщиков и получателей разного рода пособий и льгот. Всего выделяется три группы институтов: 1) частные институты: корпорации, домохозяйства, некоммерческие организации; 2) общественные или государственные институты; 3) остальной мир, с которым связан приток или отток благ из-за рубежа.

В системе трансфертных счетов используются категории «трудовой доход» и «доход от активов», которые не определены в системе национальных счетов, но определяются на их основе. Согласно методологии построения трансфертных счетов, трудовой доход, доход от капитала и потребление оцениваются до выплат налогов и субсидий на продукты и производство.

Согласно методологии построения национальных трансфертных счетов, трудовой доход является источником ресурсов для потребления. В отличие от национальных счетов, все остальные формы индивидуальных доходов (рента, проценты, пенсии и др.) попадают в категорию реаллокаций, т.е. являются результатом перераспределения ресурсов с целью удовлетворения настоящего или будущего потребления. Трудовой доход в свою очередь распадается на две компоненты: оплата труда наемных работников (включая разного рода бонусы от работодателя, например, стоимость социального пакета) и доход от самозанятости. Доход от самозанятости исчисляется как две трети от смешанного дохода в национальных счетах.

Центральным моментом концепции национальных трансфертных счетов является экономический жизненный цикл, который отражает прежде всего особенности возрастных моделей потребления и получения дохода. На отдельных этапах жизненного цикла (в детстве и юности, в средних и старших возрастах) материальные потребности человека и возможности их удовлетворения, создаваемые его трудом, могут не совпадать.

Так возникает дефицит ресурсов для потребления на этапах детства и старости и их избыток (профицит) – в средних возрастах. Этот дефицит покрывается с помощью механизмов перераспределения (реаллокации) ресурсов от возрастных групп, в которых имеется их избыток, в возрастные группы, в которых имеется их недостаток, в форме межпоколенческих трансфертов и передачи ресурсов на основе активов (asset-based reallocations) [United Nations 2013: 26, 31]. Механизмы перераспределения и соответствующие потоки ресурсов в зависимости от институтов, между которыми они осуществляются, подразделяются на частные и общественные.

Межпоколенческие трансферты представляют собой материальные ресурсы или услуги, переданные безвозмездно от представителей старшего поколения младшему (нисходящие трансферты) и от младшего поколения старшему (восходящие трансферты). Категория «трансферты» в системе национальных трансфертных счетов трактуется очень широко. В них включаются все безвозмездные потоки благ между индивидами, включая социальные выплаты и услуги от государства, налоговые платежи и отчисление на социальное страхование, трансферты между домохозяйствами и внутри домохозяйств. Следует заметить, что аналогов последних двух видов трансфертов в системе национальных счетов нет, и они оцениваются по другим источникам информации. Учет трансфертов внутри домохозяйств и подходы для их оценки – одно из важных научно-практических нововведений, получивших обоснование в рамках концепции национальных трансфертных счетов.

Возрастное перераспределение на основе активов реализуется во времени в виде накопления сбережений и их расходования, а также доходов от активов по мере перехода человека в старшую возрастную группу. Так, сбережения делаются на протяжении всей трудовой жизни, а расходуются после выхода на пенсию. В юности человек получает кредиты на образование, за которые расплачивается после окончания университета. Покупка облигаций, акций, товаров длительного пользования, жилья, земли, страховки, потребительские кредиты и др. – все это примеры перераспределения на основе активов.

Экономические потоки в системе НТА помимо того, что подразделяются на общественные и частные, также распределяются по основным целям потребления и назначения трансфертов: образование, здравоохранение, государственные пенсии и др.

Фактически система национальных межпоколенческих счетов призвана ответить на вопрос, каким образом покрывается дефицит, возникающий на разных стадиях жизненного цикла. Экономический жизненный цикл выражается следующим балансовым уравнением, увязывающим основные потоки системы межпоколенческих счетов (формула 1):

$$C(a) - Y^l(a) = Y^a(a) - S(a) + \tau^+(a) - \tau^-(a), \quad (1)$$

The diagram shows the equation $C(a) - Y^l(a) = Y^a(a) - S(a) + \tau^+(a) - \tau^-(a)$ with three curly braces underneath. The first brace is under $C(a) - Y^l(a)$ and points to a box labeled 'Дефицит жизненного цикла'. The second brace is under $Y^a(a) - S(a)$ and points to a box labeled 'Перераспределение на основе активов'. The third brace is under $\tau^+(a) - \tau^-(a)$ and points to a box labeled 'Нетто-трансферты'.

где:

a – возраст;

$C(a)$ – потребление;

$Y^l(a)$ – трудовой доход;

$Y^a(a)$ – доход от активов;

$S(a)$ – сбережения;

$\tau^+(a)$ – полученные трансферты;

$\tau^-(a)$ – переданные трансферты.

Положительное значение этого равенства свидетельствует о дефиците ресурсов в данном возрасте, отрицательное – об их избытке или профиците. Следует отметить, что оценки национальных трансфертных счетов строятся за отдельные календарные годы, а возрастные распределения экономических показателей интерпретируются в терминах условных поколений. Но в последнее время по мере накопления информации предпринимаются попытки построения трансфертных счетов для реальных поколений [Temple, Rice, McDonald 2017].

АГРЕГИРОВАННЫЕ ТРАНСФЕРТНЫЕ СЧЕТА

Построение национальных трансфертных счетов начинается со сбора статистической информации по трем направлениям:

- 1) численность возрастных групп населения страны. Если трансфертные счета строятся для отдельных социально-демографических групп (половых, образовательных, город-село, мигранты и др.), то в таких случаях необходим возрастной состав этих групп;
- 2) национальные счета, содержащие базовую информацию об экономических потоках, которые будут распределяться по возрасту. На основе показателей национальных счетов рассчитываются агрегированные показатели (макроконтроллеры) доходов, потребления, трансфертов, доходов от активов и сбережений межпоколенческих счетов;
- 3) национально-репрезентативные обследования домашних хозяйств и административные источники информации (налоговые службы, казначейство, министерство образования и др.). По данным из этих источников оцениваются возрастные профили экономических показателей (в расчете на душу населения) для распределения по возрастным группам (поколениям) агрегированных показателей и окончательного построения трансфертных счетов.

Опираясь на соответствующие источники данных, авторы статьи предприняли попытку построить национальные трансфертные счета и оценить дефицит жизненного цикла в России за 2013 г. Этот год был выбран неслучайно для начала работы по созданию системы НТА: этот год был последним перед финансово-экономическим кризисом, начавшимся в конце 2014 г., и введением режима санкций по отношению к России со стороны западных стран. Также принимался во внимание и тот факт, что с 2011 г. Росстат перешел на модернизированную методологию построения национальных счетов [Система национальных счетов 2012; Национальные счета России 2013].

На первом этапе были оценены значения агрегированных показателей (макроконтроллеры) потоков ресурсов в системе национальных трансфертных счетов⁴. Результаты оценки представлены в таблице 1. По аналогии с системой национальных счетов и в зависимости от задействованных институтов эти результаты оформлены в виде следующих счетов:

- счет жизненного цикла;
- счет общественного перераспределения благ между возрастными группами;
- счет частного перераспределения благ между возрастными группами⁵.

В данной статье основное внимание уделено счету жизненного цикла. Его компоненты (возрастные профили доходов и потребления) позволяют перейти к уточненным оценкам коэффициентов поддержки и демографического дивиденда, отражающих влияние изменений в возрастном составе населения России на ее экономическое развитие.

ПОСТРОЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ПРОФИЛЕЙ

Далее главной задачей становится распределение агрегированных показателей потоков по поколениям, т.е. получение так называемых возрастных профилей макропоказателей системы национальных трансфертных счетов. Профили строятся по однолетним возрастным группам. Эта задача решается в два действия.

Первое заключается в том, что по данным обследований или административных источников, содержащих информацию о возрасте респондентов или пользователей услугами, строятся первичные возрастные профили, отражающий уровень душевого потребления, трудовых доходов, трансфертов или сбережений. Как отмечалось выше, в обследованиях значительная часть информации привязывается не к индивидам, а к домохозяйствам, в которых они проживают. В связи с этим возникает проблема перехода от оценок по домохозяйствам к индивидуальным оценкам, поскольку единицей наблюдения в межпоколенческих счетах является индивид. Для решения этой проблемы

⁴ Детальная методика перехода от СНС к НТА изложена в Руководстве по построению и анализу национальных трансфертных счетов [United Nations 2013].

⁵ В таблице 1 отсутствуют оценки объемов трансфертов между домохозяйствами и внутри них, которые не учитываются в СНС. Они выполняются по результатам обследований. В настоящее время ведется работа по уточнению модели этих трансфертных потоков.

часто используются два подхода: 1) членам домохозяйств присваиваются потребительские веса или все приписывается главе домохозяйств (например, налоги или доход с ренты); 2) используются статистические методы (регрессии) для распределения той или иной величины между членами домохозяйств.

Таблица 1. Агрегированные показатели (макроконтроллеры) системы национальных трансфертных счетов России в 2013 г., млрд руб.

Счет дефицита (+) / профицита (-) жизненного цикла		Счет перераспределения общественных ресурсов		Счет перераспределения частных ресурсов	
название	объем	название	объем	название	объем
Дефицит жизненного цикла	3 473	Общественное перераспределение	1 224	Частное перераспределение	2249
Потребление	43 010	Чистые общественные трансферты:	245	Чистые частные трансферты:	-543
Общественное потребление:	13 552	на образование: приток	1 817	между домохозяйствами: приток	Нет в СНС
услуг образования	1 817	на образование: отток	1 817	между домохозяйствами: отток	Нет в СНС
услуг здравоохранения	2 050	на здравоохранение: приток	2 051	внутри домохозяйств: приток	Нет в СНС
иное	9 684	на здравоохранение: отток	2 051	внутри домохозяйств: отток	Нет в СНС
Частное потребление:	29 458	на пенсии: приток	5 250	Частное перераспределение на основе активов:	2 793
услуг образования	244	на пенсии: отток	5 250	чистые доходы от капитала	10 946
услуг здравоохранения	1 173	другие в натуральной форме: приток	9 684	вмененные доходы собственников жилья	5 287
иное	28 041	другие в натуральной форме: отток	9 684	чистые доходы от собственности	-5 107
Трудовой доход:	39 536	другие в денежной форме: приток	3 595	чистые частные сбережения	8 333
оплата труда наемных работников	11	другие в денежной форме: отток	3 350		
доход от самозанятости	5 725	Перераспределение в форме активов	979		
		чистые доходы от капитала	-51		
		чистые доходы от собственности	2 981		
		чистые общественные сбережения	1 951		

Источник: Построено авторами совместно с сотрудниками института «Центр развития» НИУ ВШЭ А.Г. Назаровой и А.В. Чернявским.

Для построения первичных возрастных профилей использовали следующие источники данных:

- обследования домохозяйств (для получения профилей доходов, частного потребления, в том числе услуг здравоохранения): Российский мониторинг экономического

положения и здоровья НИУ ВШЭ (РМЭЗ), Обследование доходов населения и участия в социальных программах Росстата;

- опрос НИУ ВШЭ в рамках Мониторинга экономики образования «Обследования в образовательных организациях, реализующих программы различных ступеней обучения» (для получения профилей частного потребления услуг образования);
- административные данные (для получения возрастных профилей пользователей общественными услугами систем здравоохранения и образования): Федеральное Казначейство, Фонд обязательного медицинского страхования, Министерство образования.

Для оценки общественного потребления, отличающегося от образования и здравоохранения отсутствием явной возрастной составляющей (оборона, содержание госаппарата, охрана общественного порядка и др.), использовали предположение о его равномерном распределении в расчете на человека по возрастным группам. Подобный подход применялся при построении трансфертных счетов, например, в США.

Второе действие заключается в преобразовании первичных профилей в профиль, соответствующий полученным ранее макроконтроллерам (агрегированный показатель, полученный из национальных счетов). Новый, вторичный, профиль и является непосредственной частью национальных трансфертных счетов. Эта задача решается с помощью введения специального коэффициента пропорциональности Θ , который «подгоняет» значения первичных профилей к значениям макроконтроллеров. Коэффициент пропорциональности рассчитывается как отношение величины макроконтроллера к агрегированной оценке величины этого же показателя, рассчитанного как сумма произведений численности возрастных групп на соответствующее значение показателя в расчете на душу населения из первичного профиля (формула 2):

$$\Theta = \frac{X}{\sum x(a)N(a)}, \quad (2)$$

где:

a – возраст;

$N(a)$ – численность населения в возрасте a ;

X – макроконтроллер;

$x(a)$ – возрастной первичный профиль показателя X (в расчете на душу населения).

Умножая коэффициент пропорциональности (2) на показатели первичного возрастного профиля, получаем возрастной профиль национальных трансфертных счетов (НТА) в расчете на душу населения (3) для заданного значения агрегированных показателей доходов, потребления или перераспределения благ. Умножая найденные подушевые показатели на численность населения, можно получить распределение агрегированных доходов или потребления по всем возрастным группам (4):

$$\bar{x}(a) = \theta x(a), \quad (3)$$

$$\bar{X}(a) = \bar{x}(a)N(a), \quad (4)$$

где:

$\bar{x}(a)$ – возрастной профиль НТА (в расчете на душу населения);

$\bar{X}(a)$ – агрегированный профиль НТА в возрасте a .

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ В РОССИИ

Показатели экономического жизненного цикла можно изучать на микроуровне (поведение индивидуума) и агрегировано – на макроуровне. На макроуровне важнейшим фактором, определяющим особенности жизненного цикла, является возрастная структура населения. Изменения в возрастной структуре ведут к тому, что увеличивается численность той или иной возрастной группы иждивенцев или работников. В зависимости от того, как меняется возрастная структура, население производит или потребляет больше или меньше ресурсов.

Построенные возрастные модели (профили) трудового дохода, потребления и дефицита жизненного цикла для России приведены на рисунке 1. Агрегированные показатели трудовых доходов и потребления отражают особенности возрастной структуры населения.

Агрегированные и подушевые оценки трудовых доходов и потребления позволяют оценить дефицит жизненного цикла и его особенности в отдельные периоды жизни людей (рисунок 1). У населения России «бездефицитный период» начинается в 23 года и продолжается до 56 лет. В большинстве развитых стран (таблица 2) из-за более длительного периода обучения «бездефицитный» период начинается позже. В развивающихся странах он начинается позже из-за отсутствия постоянных источников получения доходов и особенностей взаимоотношений с главами домохозяйств. Более поздний выход на пенсию в развитых странах предполагает и более позднее окончание «бездефицитного» периода по сравнению с Россией. В большинстве развивающихся стран, где отсутствует пенсионная система, время окончания «бездефицитного» периода определяется физиологическими возможностями человека – возрастом, до которого в среднем можно трудиться.

В таблице 3 представлена краткая форма счета экономического жизненного цикла национальных трансфертных счетов России. Обращает внимание высокий уровень общественного потребления по отношению к частному в детских возрастах. В общей сложности дефицит жизненного цикла в России в 2013 г. составил 3473 млрд рублей, что составило порядка 4,7% ВВП.

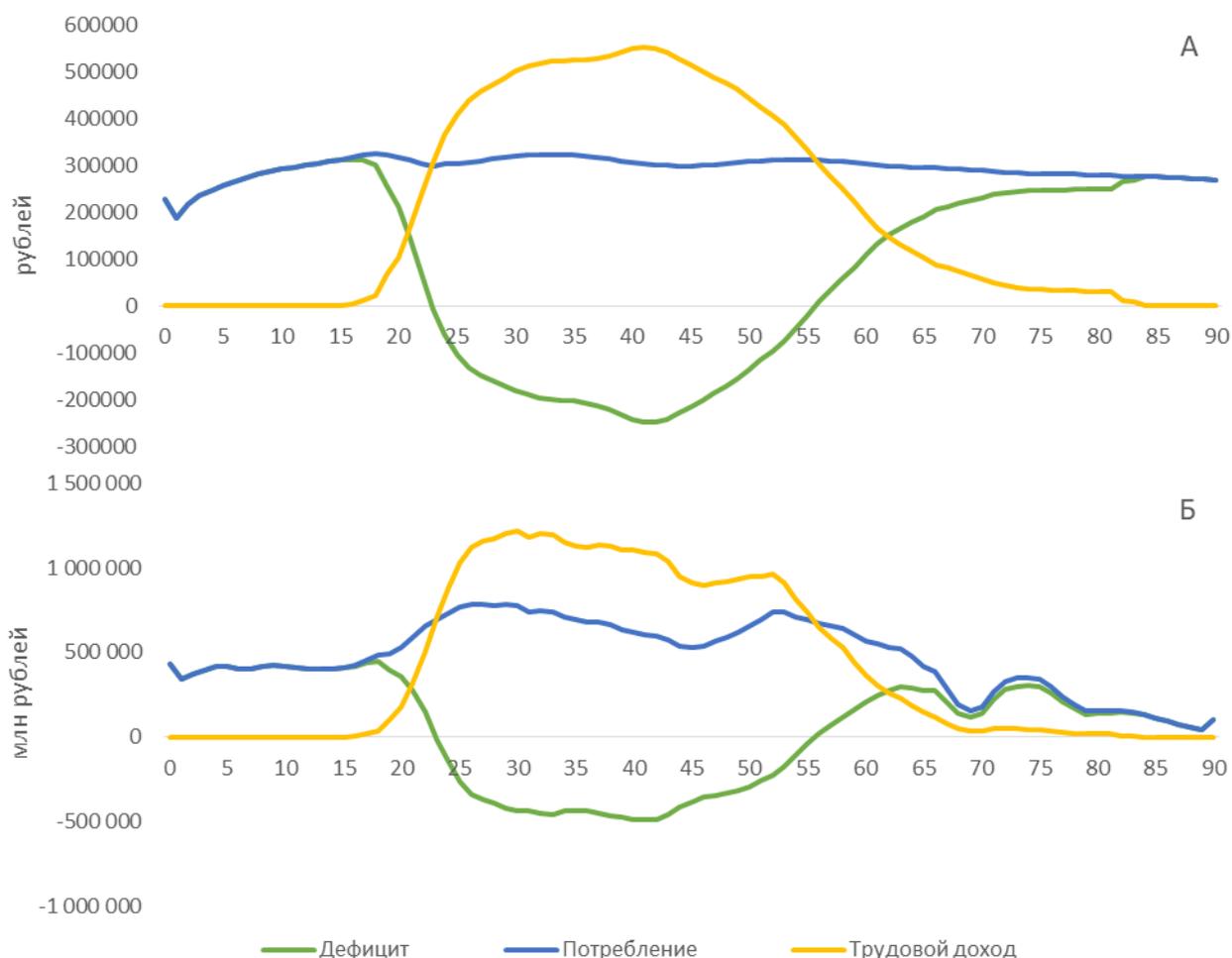

Рисунок 1. Экономический жизненный цикл в России: в расчете на душу населения (А), агрегированный (Б), 2013

Источник: Расчеты авторов.

Таблица 2. Возрастные границы «бездефицитной» стадии жизненного цикла в разных странах мира

Страна (год оценки)	Нижняя граница, годы	Верхняя граница, годы
США (2003)	25	60
Нигерия (2004)	31	62
Германия (2010)	27	57
Мексика (2003)	32	49
Ю. Корея (2000)	23	56
Ю. Корея (2010)	27	55
Россия (2013)	23	55

Источник: NTA Database – URL: <http://www.ntaccounts.org> (дата обращения: 22.12.2018), для России – расчеты авторов.

Одно из важных достоинств NTA состоит в открывающихся возможностях комплексных межстрановых сравнений моделей доходов, потребления и перераспределения ресурсов. Для этого соответствующие показатели необходимо нормализовать. Так, в целях международных сопоставлений возрастные характеристики трудового дохода населения России и сравниваемых стран (рисунок 2) были

нормализованы посредством их деления на средний доход в возрастах от 30 до 49 лет включительно. Результаты этих сопоставлений показывают, что в отличие от развитых стран, а также некоторых развивающихся стран, пик получения максимального дохода в России приходится на возраст около 40 лет. В таких странах, как США или Германия этот пик наблюдается в предпенсионных возрастах. Возрастная модель получения трудового дохода в России 2013 г. напоминает модель для Южной Кореи 2003 г. (рисунок 2).

Что касается частного потребления, за исключением услуг систем здравоохранения и образования, то его также оценивали по результатам названных выше обследований.

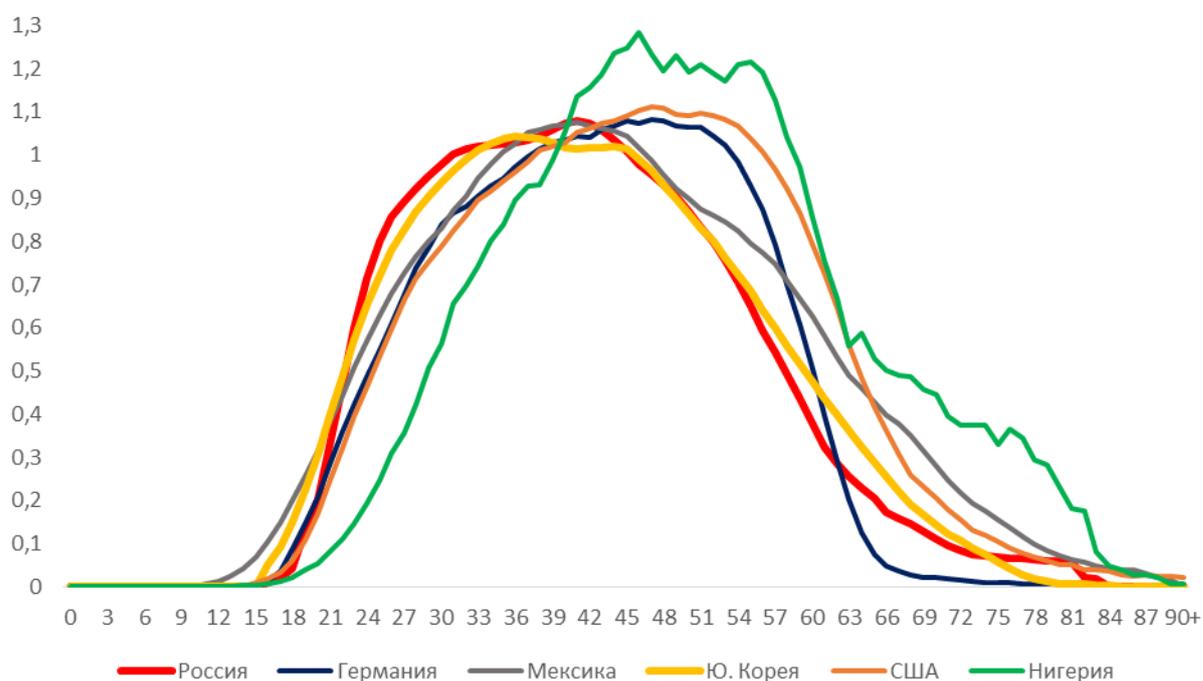

Рисунок 2. Нормализованные показатели дохода (средний доход [30-49 лет] = 1) в расчете на душу населения по некоторым странам мира, 2003-2013

Источник: NTA Database – URL: <http://www.ntaccounts.org> (дата обращения: 22.12.2018), для России – расчеты авторов.

Возрастные профили потребления в расчете на душу населения для некоторых стран мира приведены на рисунке 3. Наивысший уровень потребления в России приходится на юношеские и молодые трудоспособные возраста (рисунок 3 и таблица 2), в развитых странах – на старшие нетрудоспособные возраста, во многом из-за высоких расходов на услуги здравоохранения (как частные, так и государственные). Возрастная модель потребления в России, как и в случае с трудовыми доходами, аналогична южнокорейской модели. Но причины этого сходства нужно еще выяснить.

Таблица 3. Дефицит жизненного цикла, характеристики доходов и потребления по укрупненным возрастным группам, Россия, 2013

Категории	Агрегаты за год, млрд руб.				В расчете на душу населения за год, руб.			
	все	0-19 лет	20-64 лет	65 лет и старше	все	0-19 лет	20-64 лет	65 лет и старше
Дефицит жизненного цикла	3 473	8 303	-9 282	4 452	24 203	275 335	-98 063	238 047
Потребление	43 010	8 320	29 355	5 335	299 706	275 898	310 146	285 255
Общественное потребление	13 552	3 997	7 900	1 656	94 434	132 538	83 463	88 520
Образование	1 817	1 457	360	0	12 662	48 331	3 799	8
Здравоохранение	2 050	504	1 153	393	14 288	16 724	12 180	21 028
Другое	9 684	2 035	6 387	1 262	67 484	67 484	67 484	67 484
Частное потребление	29 458	4 323	21 455	3 680	205 271	143 360	226 683	196 735
Образование	244	218	25	0	1 700	7 245	268	0
Здравоохранение	1 173	142	745	287	8 174	4 702	7 867	15 321
Другое	28 041	3 963	20 685	3 393	195 398	131 413	218 547	181 415
Трудовой доход	39 536	157	38 541	838	275 502	5 219	407 201	44 807
Оплата труда	33 811	149	32 871	792	235 606	4 930	347 291	42 331
Доход от самозанятости	5 725	9	5 670	46	39 896	289	59 910	2 476

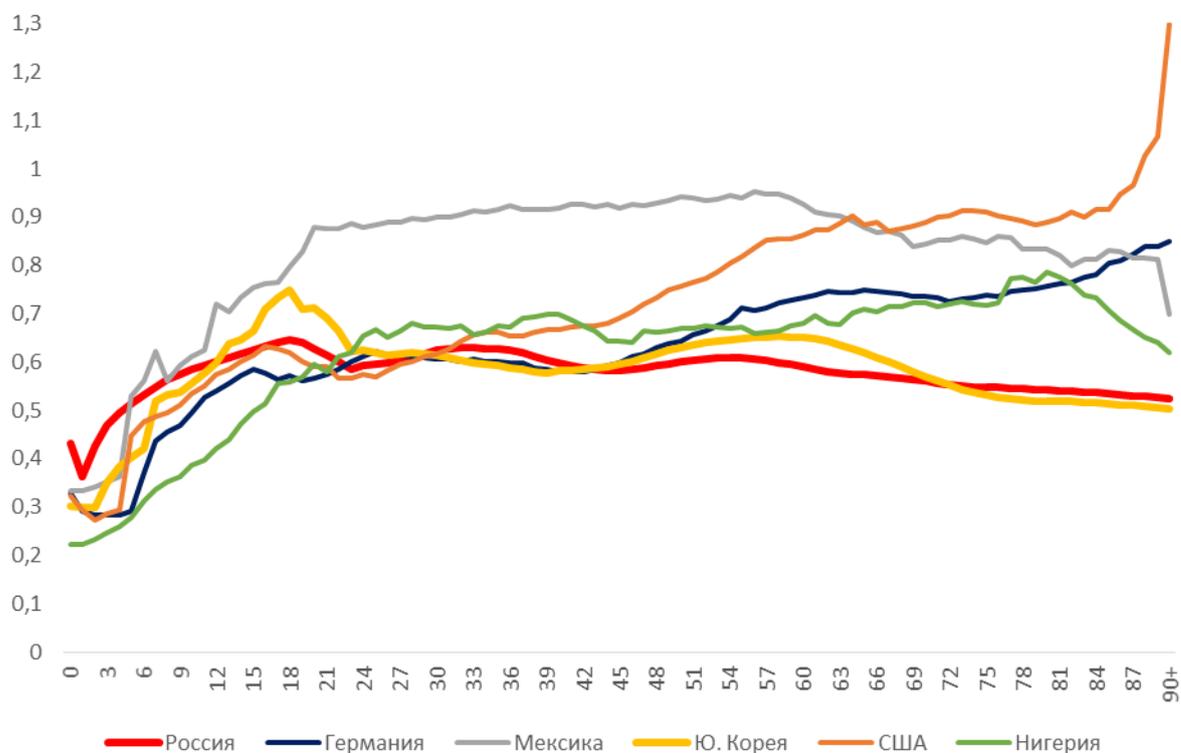

Рисунок 3. Нормализованные показатели потребления в расчете на душу населения (средний доход [30-49 лет] = 1) по некоторым странам мира, 2003-2013

Источник: NTA Database – URL: <http://www.ntaccounts.org> (дата обращения: 22.12.2018), для России – расчеты авторов.

Дефицит жизненного цикла в России до 2050 года в условиях демографических изменений

Увеличение дефицита жизненного цикла при прочих равных условиях означает, что совокупное потребление все больше превышает совокупные трудовые доходы. Потребление молодых и старших поколений обеспечивается увеличивающимися объемами трансфертов или за счет имеющихся активов. В частности, источником этих поступлений могут быть частные сбережения, поступления из государственного бюджета или внешние заимствования. Уменьшение дефицита свидетельствует об обратном: больше ресурсов в форме социальных трансфертов могут быть направлены в образование и здравоохранение, т.е. инвестироваться в человеческий капитал. Для оценки изменения дефицита жизненного цикла с учетом «демографического фактора» использовалось его отношение к ВВП. При разработке перспективных оценок предполагалось, что дефицит жизненного цикла изменяется под воздействием изменения возрастной структуры. Все экономические параметры (производительность труда, структура экономики, распределительные отношения, возрастные профили доходов и потребления и др.) принимали неизменными. Единственное исключение сделано для случая повышения пенсионного возраста, начиная с 2019 г. (в этом случае допускали изменение возрастного профиля доходов).

Дефицит жизненного цикла по отношению к ВВП оценивался за период с 2017 по 2050 г.⁶ В 2017 г. это отношение составило 4,5%. Для оценки влияния изменения возрастного состава России на дефицит жизненного цикла мы обратились к трем вариантам демографического прогноза, выполненного в Институте демографии в 2017 г. В так называемый «низкий» вариант прогноза заложены следующие сценарии:

- 1) медленное снижение смертности по сравнению с уровнем 2017 г.;
- 2) снижение суммарного коэффициента рождаемости до 1,57;
- 3) небольшой миграционный прирост (в 2050 г. – около 100 тыс. человек в год).

При таких сценариях в период с 2018 по 2050 г. доля населения в возрастах от 65 лет и старше увеличивается с 14,5 до 23%, доля детей до 15 лет снижается с 18 до 15%, а доля лиц в рабочем возрастном интервале 15-64 года снижается с 67,5 до 62%. Согласно второму, «среднему» варианту демографического прогноза, уровень рождаемости повышается до двух рождений у одной женщины, продолжительность жизни при рождении возрастает более чем на 5 лет, миграционный прирост в среднем за год составляет 300 тыс. человек. При таких сценариях доля лиц в старших возрастах увеличивается с 14,5 до 22,5%, доля детей до 15 лет держится на уровне 18%, а доля населения в рабочих возрастах снижается до 59,5%. По высокому варианту прогноза суммарный коэффициент рождаемости увеличивается до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения (2,1 рождения на одну женщину). Продолжительность жизни прирастает на 7 лет, ежегодный миграционный прирост к 2050 г. возрастает с 300 тыс. до почти 500 тыс.

⁶ Оценка дефицита жизненного цикла за 2017 г. была выполнена сотрудниками института «Центр развития» НИУ ВШЭ А.Г. Назаровой и А.В. Чернявским в рамках проекта ЦФИ НИУ ВШЭ ТЗ-148 «Включение России в систему международных сопоставлений по национальным поколенческим счетам».

человек. В итоге доля детского населения приближается к 17,7%, доля лиц в старших возрастах составляет 23,8%, а доля лиц в трудоспособных возрастах – 58,5%.

Дефицит жизненного цикла оценивали при условии постоянства возрастных профилей потребления и трудового дохода. При оценке ВВП, как уже говорилось выше, предполагали, что производительность труда постоянна. Поэтому ВВП изменялся только в результате изменения численности занятого населения (оценки выполняли в постоянных ценах). Прогноз занятого населения также был выполнен в Институте демографии в 2017 г. В итоге ВВП (в неизменных ценах) при низком варианте демографического прогноза уменьшится на 24,5%, при среднем варианте – на 18,8%, при высоком варианте – на 15,9%.

Результаты оценок дефицита жизненного цикла по отношению к ВВП представлены в таблице 4. Как видно, в наибольшей степени дефицит увеличивается в случае высокого (оптимистического) варианта демографического прогноза, в наименьшей – наоборот, в результате низкого или наихудшего сценария демографического развития. В этом нет ничего удивительного, поскольку по низкому варианту прогноза доля лиц в рабочих возрастах максимальна среди всех трех вариантов демографического прогноза. Из-за низкой рождаемости в населении уменьшается доля детских возрастов, относительно высокая смертность тормозит рост числа лиц в пенсионных возрастах. В других вариантах благодаря более высокой рождаемости и низкой смертности увеличивается доля иждивенческих групп. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, проводя активную демографическую политику, страна как бы увеличивает дефицит жизненного цикла: требуется больше частных, государственных и, возможно, внешних ресурсов для его покрытия. Но при этом следует помнить, что, в случае низкого варианта демографического прогноза, ВВП (при прочих равных условиях, без учета изменения производительности и инвестиций в капитал) сократится на четверть, в то время как при высоком – только на 15%.

Таблица 4. Отношение дефицита жизненного цикла к ВВП, %

Демографический вариант	Экономический вариант	2017	2025	2035	2050
Низкий	Неизменная производительность		9,4	11,7	13,5
Средний	Неизменная производительность	4,5	10,0	13,7	16,5
Высокий	Неизменная производительность		10,1	13,9	18,0
Средний	Повышение пенсионного возраста		3,8	5,2	7,5

Источник: Расчеты авторов.

Как разрешить этот парадокс? Первое средство – экономический рост. Тем более, что демографические сценарии, заложенные в средний и высокий варианты прогноза, препятствуют (тормозят) убыли населения в трудоспособных возрастах. Предварительные оценки показывают, что в условиях даже умеренного экономического роста прирост дефицита жизненного цикла уменьшится.

Второе решение – повышение пенсионного возраста. Основанием для этого, с демографической точки зрения, служит увеличение продолжительности жизни в старших возрастах, увеличение продолжительности периода обучения и, в результате, удлинение

периода иждивенчества по отношению к рабочему периоду в жизни людей. Для оценки влияния повышения пенсионного возраста использовался средний вариант демографического прогноза, а также прогноз числа занятых, выполненный в Институте демографии в 2017 г. Предполагалось, что пенсионный возраст повышается на год в течение двух лет, начиная с 2019 г., для мужчин до 65 лет, для женщин до 63 лет (в соответствии с первым проектом Правительства РФ, озвученным в июне 2018 г.). При этом допускали изменение возрастного профиля трудовых доходов, поскольку увеличивается период трудовой активности и вместе с ним, соответственно, повышается уровень доходов в новых предпенсионных, а также постпенсионных возрастных группах. Мы предполагаем, что к концу перехода к новому пенсионному возрасту установится новая модель получения доходов. Новая модель задавалась средним профилем для стран, в которых нормативный пенсионный возраст равен 65 годам у мужчин, 60-65 годам у женщин. Предполагалось, что профиль потребления на протяжении всего прогнозного периода остается неизменным. Отношение дефицита жизненного цикла к ВВП заметно уменьшится именно в период повышения пенсионного возраста – до 3,8%. Оно начнет увеличиваться только после прекращения этого процесса. Но и в 2050 г. доля дефицита в ВВП будет относительно небольшой: меньше, чем по другим прогностическим вариантам в 2025 г. Очевидно, что в сочетании с экономическим ростом положительный эффект от повышения пенсионного возраста будет еще большим. Уменьшение дефицита открывает дополнительные возможности для частных и государственных инвестиций в человеческий капитал, а также накопления активов.

КОЭФФИЦИЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИВИДЕНД В РОССИИ ДО 2050 ГОДА

Национальные трансфертные счета, рассматривая экономические показатели через призму возраста, измеряют воздействие возрастной структуры населения на экономическую динамику и макропоказатели. По тенденциям в изменении показателей НТА можно косвенно судить об экономических последствиях демографических сдвигов. В данном разделе мы проиллюстрируем «цену старения общества» для экономики, опираясь на так называемые коэффициенты поддержки.

В исследовательской практике в зависимости от целей исследования используют несколько коэффициентов поддержки. Наиболее распространённым в силу доступности данных для его расчетов является коэффициент *демографической* поддержки, определяемый как отношение числа лиц в рабочих возрастах к числу лиц в иждивенческих возрастах. Коэффициент *экономической* поддержки можно определить как отношение численности занятого (или экономически активного) населения к численности незанятого населения. Большую популярность в силу эвристических возможностей получил коэффициент *эффективной* экономической поддержки. Он является полезным индикатором для оценки влияния демографических изменений на экономический рост и измерения демографического дивиденда. Коэффициент эффективной демографической поддержки интегрирует в себе характеристики возрастной структуры и возрастные профили трудового дохода и потребления.

Для расчета коэффициента эффективной экономической поддержки используют два показателя: эффективного работника и эффективного потребителя [Mason et al 2017: 6]. В качестве последних берут средние значения трудового дохода и потребления на человека в возрастном интервале от 30 до 49 лет включительно. Средние значения рассчитываются как средние арифметические из значений уровней доходов и потребления в однолетних возрастных группах. Эффективное число работников $L(x, t)$ рассчитывается по следующей формуле (5):

$$L(t) = \sum_0^{\omega} \check{y}l(x)P(x, t), \quad (5)$$

$$\check{y}l(x) = yl(x, b)/yl(30 - 49, b),$$

где:

$yl(x, b)$ – трудовой доход на человека в возрасте x и в базовый год b ;

$yl(30-49, b)$ – среднедушевой доход в возрасте от 30 до 49 лет;

$P(x, t)$ - численность населения в возрасте x в момент времени t .

Эффективное число потребителей рассчитывается по аналогичной схеме (формула 6):

$$N(t) = \sum_0^{\omega} \check{c}(x)P(x, t), \quad (6)$$

$$\check{c}(x) = c(x, b)/c(30 - 49, b),$$

где:

$c(x, b)$ – потребление на человека в возрасте x и в базовый год b ;

$c(30-49, b)$ – среднедушевое потребление в возрасте от 30 до 49 лет;

$P(x, t)$ - численность населения в возрасте x в момент времени t .

Коэффициент эффективной поддержки $SR(t)$ рассчитывается как отношение числа эффективных работников к числу эффективных потребителей (формула 7):

$$SR(t) = \frac{L(t)}{N(t)}. \quad (7)$$

Нами были выполнены оценки трех коэффициентов поддержки до 2050 г. (рисунок 4) для среднего варианта демографического прогноза Института демографии НИУ ВШЭ. Как видно, коэффициенты поддержки снижаются. Скорость этого снижения замедлится в силу особенностей изменения возрастной структуры в 2030-х годах. При расчете коэффициента демографической поддержки нижняя граница рабочего возраста определялась возрастом 20 лет, верхняя – 64 года. При расчете эффективной экономической поддержки возрастные профили трудового дохода и потребления не изменялись. Очевидно, что коэффициент демографической поддержки превосходит все остальные. Показатели экономической и эффективной экономической поддержки учитывают тот факт, что часть населения в трудоспособных возрастах не занята или получает небольшой трудовой доход.

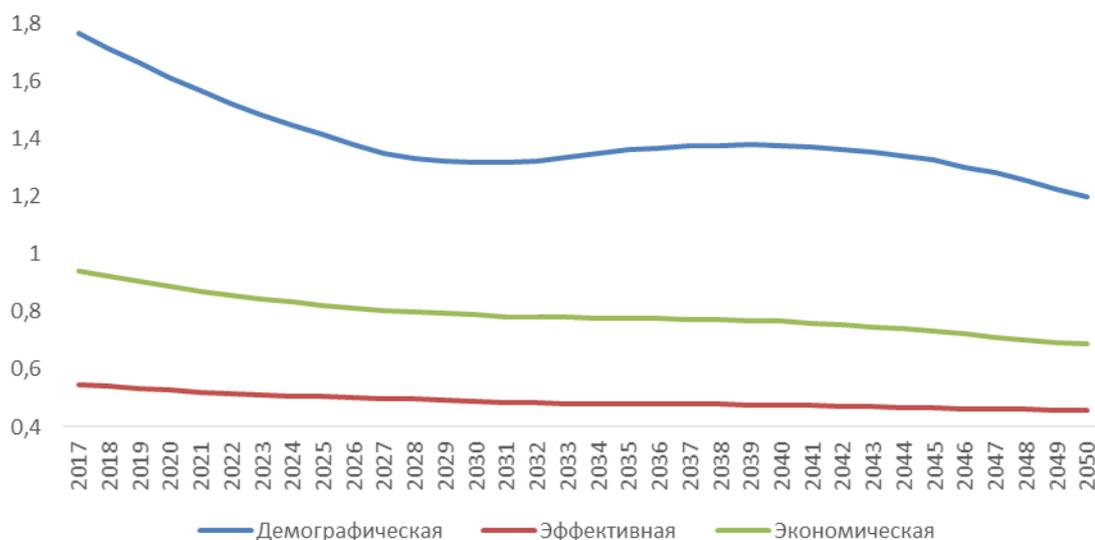

Рисунок 4. Коэффициенты поддержки, Россия, 2017-2050

Источник: Расчеты авторов.

С помощью коэффициента эффективной экономической поддержки можно измерить первый демографический дивиденд и определить его вклад в экономический рост. Первый демографический дивиденд – это выигрыш, который экономика страны может получить в результате оптимизации возрастной структуры из-за снижения иждивенческой (демографической) нагрузки на работающее население в результате снижения рождаемости. Он появляется с увеличением демографической и экономической поддержки и сходит на нет по мере его снижения. Оптимизация возрастной структуры выражается в достижении исторического максимума доли лиц в рабочих возрастах в общей численности населения или исторического минимума демографической нагрузки. Для получения демографического дивиденда необходимы институциональные и экономические условия, обеспечивающие высокую занятость и возможность получения трудового дохода. По оценкам Блума и Уильямсона, около 30% прироста ВВП в Китае и странах Юго-Восточной Азии связано с получением демографического дивиденда [Bloom, Williamson 1998].

Простая модель связывает коэффициент эффективной поддержки с первым демографическим дивидендом (формула 8):

$$\frac{Y(t)}{N(t)} = \frac{Y(t)}{L(t)} SR(t) . \quad (8)$$

В этом уравнении доход на эффективного потребителя равен производительности, измеряемой отношением $Y(t)$ и $L(t)$, и эффекту изменения возрастной структуры, который измеряется коэффициентом поддержки [Mason et al 2017: 7]. Если предположить, что доля трудового дохода в общем доходе не меняется со временем, тогда относительные изменения в трудовом доходе будут совпадать с относительными (в процентном выражении) изменениями в совокупном доходе. В этом случае можно записать данное выражение в виде формулы (9):

$$gr \left[\frac{Y(t)}{N(t)} \right] = gr \left[\frac{Y(t)}{L(t)} \right] + gr[SR(t)], \quad (9)$$

где $gr()$ означает коэффициент прироста величины, а $Y(t)$ – совокупный доход.

Первый демографический дивиденд рассчитывается как коэффициент прироста коэффициента поддержки. Его величина прямо измеряет вклад изменения возрастной структуры в экономический рост. На рисунке 5 представлены оценки прироста коэффициента эффективной поддержки при условии реализации трех демографических прогнозов, а также в условиях повышения возраста выхода на пенсию с 2019 г. Вплоть до начала 2030-х годов возрастная структура населения будет вносить отрицательный вклад в экономическую динамику. В настоящее время из-за негативных изменений в возрастном составе темпы роста снижаются примерно на 1,3-1,5%. При этом в 2019 г. демографический дивиденд, исчисленный вышеназванным методом, достигнет своей минимальной величины. Далее демографический дивиденд будет увеличиваться. Более того, в середине 2030-х годов вклад возрастной структуры может даже стать положительным, так как на рынок труда выйдут сравнительно многочисленные поколения, рожденные в 2007-2016 гг. Наибольший дивиденд получается в условиях низкого демографического прогноза. При его реализации вклад возрастной структуры в экономический рост почти на протяжении всех 2030-х годов будет положительным. Но при этом следует учитывать эффект сокращения численности занятого населения. Как было показано выше, при прочих равных условиях (без учета изменения производительности и инвестиций в капитал) ВВП сократится к 2050 г. по сравнению с 2017 г. почти на четверть. Обращает внимание рост демографического дивиденда в случае повышения пенсионного возраста. Но после окончания этого процесса демографический дивиденд резко снижается, а затем вновь возвращается на прежний тренд. Отклонения от тренда, в частности, связаны с тем, что меняется возрастной профиль трудовых доходов в старших возрастах.

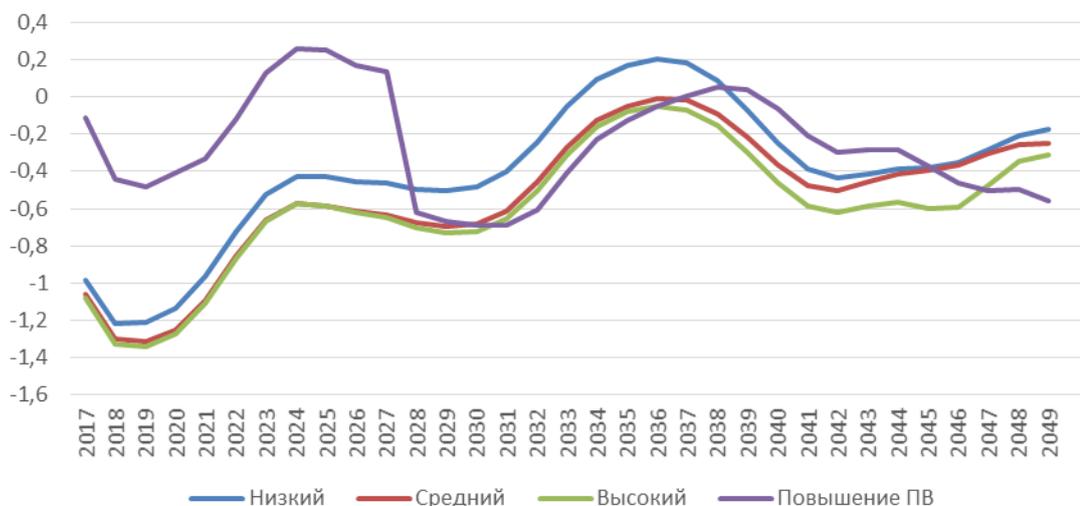

Рисунок 5. Демографический дивиденд для России, 2017-2049, %

Источник: Расчеты авторов.

Второй демографический дивиденд реализуется в случае, если демографические изменения ведут к увеличению производительности работников. В условиях действия разнообразных факторов повышения производительности, Р. Ли и А. Мэйсон основное внимание обратили на увеличение капитала [Ли, Мэйсон 2006; 2017]. Основная идея заключается в том, что, по мере старения населения, обеспечение потребления в пенсионный период в меньшей степени опирается на трудовые доходы и в большей степени – на возрастное перераспределение активов и трансферты. Увеличение объемов трансфертов в старших возрастах прямо не влияет на производительность, но увеличение активов, в том числе сбережений, которыми располагают пожилые люди, может вести к увеличению инвестиций в капитал, а потому и к более высокой производительности. Таким образом, демографические изменения могут способствовать более быстрому экономическому росту. Но для этого население должно активно участвовать в разного рода накопительных проектах, а государство – стимулировать это участие и гарантировать сохранность активов. Без этих условий реализация второго демографического дивиденда в России будет невозможна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс старения населения создает множество вызовов для социальных институтов современного общества, сформировавшихся в период «демографической молодости». При принятии решений в социально-экономической сфере учет демографических изменений крайне важен, а оценка их последствий представляется одним из ключевых направлений современных исследований в экономической демографии. Однако, несмотря на значимость демографического фактора, стандартные показатели экономического развития, принятые в современном мире, долгое время разрабатывались в основном по отношению ко всему населению и не отражают вклад отдельных возрастных групп или поколений в совокупное производство и потребление. Выполненные авторами в рамках данной работы расчеты – первая в России попытка оценки вклада различных возрастных групп в производство и распределение национального дохода с помощью системы национальных трансфертных (межпоколенческих) счетов (НТА). В результате оказались возможными расчеты дефицита жизненного цикла, коэффициентов эффективной поддержки и демографического дивиденда в России до 2050 г.

Национальные трансфертные счета представляют собой современную методологию учета влияния демографического фактора на экономику стран. В частности, они делают возможной оценку непростой роли населения старшего возраста в экономическом развитии как потребителей, производителей, инвесторов, получателей и источников трансфертов и др. Выполнить такую оценку с помощью других методов анализа последствий старения в настоящее время не представляется возможным. В рамках стандартной модели национальных трансфертных счетов экономические потоки распределяются по возрастным группам. Развитие такой модели позволяет дезагрегировать эти потоки также по полу, уровню образования и другим характеристикам населения. Более того, современные подходы к их построению позволяют преодолеть одно из ограничений системы национальных счетов, а именно недоучет услуг, которые домохозяйства производят для

себя. В систему национальных трансфертных счетов нерыночная деятельность членов домашних хозяйств может включаться с помощью показателей использования бюджетов времени в зависимости от возраста. Все это открывает новые перспективы для экономико-демографических исследований в России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность Роберту Галю (Институт демографии, Венгрия) за ценные рекомендации, А.Г. Назаровой и А.В. Чернявскому (Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ) за помощь в оценке агрегированных показателей системы национальных трансфертных счетов для России.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский (1986). Экономико-демографические процессы в реальных поколениях // Демографические процессы и их закономерности / Под ред. А.Г. Волкова М.: Мысль: 10-21.
- Барро Р.Д., Х. Сала-и-Мартин (2004). Экономический рост. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 824 с.
- Валкович Э. (1971). Экономические возрастные пирамиды // Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя М.: Просвещение: 127-149.
- Горюнов Е., Л. Котликофф, С. Синельников-Мурылев (2015). Теоретические основы бюджетного разрыва как показателя долгосрочной фискальной устойчивости и его оценка для России // Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е. Т. Гайдара; № 168Р М. 60 с.
- Ли Р., Э. Мэйсон (2006). Что такое демографический дивиденд? // Финансы и развитие. URL: https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf (дата обращения: 22.12.2018).
- Ли Р., Э. Мэйсон (2017). Цена старения // Финансы и развитие. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2017/03/pdf/lee.pdf> (дата обращения: 22.12.2018).
- Национальные счета России в 2006-2013 годах (2013). Статистический сборник. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения: 22.12.2018).
- Система национальных счетов 2008 (2012). Европейская комиссия, МВФ, ОЭСР, ООН, Всемирный банк. Нью-Йорк. 827 с.
- Сови А. (1977). Общая теория населения. Т.1. М.: Прогресс. 503 с.
- Урланис Б.Ц. (1971). Экономические аспекты демографии // Проблемы демографии / Под ред. Д.Л. Бронера и И.Г. Венецкого. М.: 93-110.
- Урланис Б.Ц. (1976). Народонаселение, исследование, публицистика. М.: Статистика. 255 с.
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. 492 с.

- Arthur W.B., G. McNicoll (1978). Samuelson, population and intergenerational transfers // *International Economic Review*. 241-246.
- Auerbach A.J., J. Gokhale, L.J. Kotlikoff (1994). Generational accounting: a meaningful way to evaluate fiscal policy // *Journal of Economic Perspectives*. 8(1): 73-94.
- Barro R.J. (1974). Are government bonds net wealth? // *Journal of political economy*. 82(6): 1095-1117.
- Bloom D., D. Canning, J. Sevilla (2003). The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change. RAND Corporation. 127 c.
- Bloom D., D. Canning, P. Malaney (2000). Demographic change and economic growth in Asia // *Population and Development Review*. 26 (Suppl.): 257-290.
- Bloom D.E., J.G. Williamson (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia // *World Bank Economic Review*. 12(3): 419 - 455.
- Bommier A., R. Lee, T. Miller, S. Zuber (2010). Who wins and who loses? Public transfer accounts for US generations born 1850 to 2090 // *Population and Development Review*. 36(1): 1-26.
- Caldwell J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. New York: Academic Press. 386 c.
- D'Albis H., D. Moosa (2015). Generational economics and the national transfer accounts // *Journal of Demographic Economics*. 81(4): 409-441.
- Diamond P. (1965). National debt in neoclassical growth model // *The American Economic Review*. 55(5): 1126-1150.
- Feldstein M. (1974). Social security, induced retirement, and aggregate capital accumulation // *Journal of Political Economy*. 82(5): 905-926.
- Kotlikoff L. (1992). *Generational Accounting-Knowing Who Pays, and When, for What we Spend*. New York: Free Press. 261 c.
- Kotlikoff L.J., L.H. Summers (1981). The role of intergenerational transfers in aggregate capital accumulation // *Journal of Political Economy*. 89(4): 706-732.
- Lee R., A. Mason (2011). Population aging and generational economics: key findings // *Population Aging and the Generational Economy* / R. Lee, A. Mason, eds. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing: 3-31.
- Lee R., T. Miller (2000). Immigration, social security, and broader fiscal impacts // *American Economic Review*. 90(2): 350-354.
- Lee R., W. Arthur, G. Rodgers (eds) (1988). *Economics of Changing Age Distribution in Developed Countries*. New York: Oxford University Press. 221 c.
- Lee R.D. (1980). Aiming at a moving target: Period fertility and changing reproductive goals // *Population Studies*. 34(2): 205-226.
- Lee R.D. (1994). The formal demography of population aging, transfers, and the economic life cycle // *Demography of aging*: 8-49.
- Lee R.D., S. Tuljapurkar (2000). Population forecasting for fiscal planning: Issues and innovations // *Demography and Fiscal Policy* / A. Auerbach, R. Lee, eds. Cambridge University Press: 7-57.
- Mason A. (1988). Saving, economic growth, and demographic change // *Population and Development Review*. 14: 113-144.

- Mason A., M. Lee, M. Abrigo, S. Lee (2017). Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York (NY): Population Division, United Nations. 52 с.
- Modigliani F. (1988). The role of intergenerational transfers and life cycle saving in the accumulation of wealth // *Journal of Economic Perspectives*. 2(2): 15-40.
- Modigliani F., R. Brumberg (1954). Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross Section Data // *Post Keynesian Economics*, ed. by K.K.Kurihara. Ruthers University Press New Brunswick New Jersey: 388-436.
- Prskawetz A., J. Sambt (2014). Economic support ratios and the demographic dividend in Europe // *Demographic Research*. 30: 963-1010.
- Samuelson P. (1958). An exact consumption loan model of interest with or without the social contrivance of money // *Journal of Political Economy*. 66(6): 467-482.
- Temple J., J. Rice, P. McDonald (2017). Economics of ageing feature. Ageing and the economic life cycle: The national transfer accounts approach // *Australian Journal of Aging*. 36(4): 271–278.
- United Nations (2013). National Transfer Accounts Manual: Measuring and Analysing the Generational Economy. New-York: United Nations.
- Willis R.J. (1988). Life cycles institutions and population growth: a theory of the equilibrium interest rate in an overlapping generations model // *Economics of Changing Age Distribution in Developed Countries* / R. Lee, W. Arthur, G. Rodgers, eds. New York: Oxford University Press: 106-138.

GENERATIONAL ACCOUNTS AND DEMOGRAPHIC DIVIDEND IN RUSSIA

MIKHAIL DENISENKO, VLADIMIR KOZLOV

The paper presents a modern methodology for estimating the impact of different age groups on the production and distribution of national income, called national transfer (generational) accounts. The human economic lifecycle is divided into stages defined by the ratio of labour income to consumption. In middle ages the gained income is higher than current consumption. The resulting surplus of resources is supposed to cover the income deficit in older and younger age groups. Estimates of the deficit or surplus at different ages are made for the Russian population for 2013 based on the results of age profiles taken from administrative sources and surveys. In the paper we also estimate the projected changes in the lifecycle deficit under different demographic development scenarios. Age profiles of labour income and consumption are used to calculate the effective economic support and the influence of demographic changes in Russia on economic growth rates in the near future.

Key words: economic lifecycle, national transfer accounts, income, consumption, ageing, effective economic support, demographic dividend.

MIKHAIL DENISENKO (mdenissenko@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

VLADIMIR KOZLOV (vakozlov@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE PAPER WAS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORKS OF THE NRU HSE APPLIED RESEARCHES PROJECTS. TZ 148 "THE ENTRANCE OF RUSSIA INTO THE SYSTEM OF INTERNATIONAL COMPARISONS BASED ON NTA"

DATE RECEIVED: OCTOBER 2018.

REFERENCES

- Andreev E.M., L.E. Darsky (1986). Ekonomiko-demograficheskie protsessy v real'nykh pokoleniyakh [Economic and demographic processes in generations] // Demograficheskie protsessy i ikh zakonomernosti [Demographic processes and their patterns] / A.G. Volkov, ed. Moscow: Mysl': 10-21.
- Arthur W.B., G. McNicoll (1978). Samuelson, population and intergenerational transfers // International Economic Review. 241-246.
- Auerbach A.J., J. Gokhale, L.J. Kotlikoff (1994). Generational accounting: a meaningful way to evaluate fiscal policy // Journal of Economic Perspectives. 8(1): 73-94.
- Barro R.D., X. Sala-i-Martin (2004). Ekonomicheskiiy rost [Economic growth]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy. 824 p.
- Barro R.J. (1974). Are government bonds net wealth? // Journal of Political Economy. 82(6): 1095-1117.
- Bloom D., D. Canning, J. Sevilla (2003). The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change. RAND Corporation. 127 p.
- Bloom D., D. Canning, P. Malaney (2000). Demographic change and economic growth in Asia // Population and Development Review. 26 (Suppl.): 257-290.
- Bloom D.E., J.G. Williamson (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia // World Bank Economic Review. 12(3): 419 - 455.

- Bommier A., R. Lee, T. Miller, S. Zuber (2010). Who wins and who loses? Public transfer accounts for US generations born 1850 to 2090 // *Population and Development Review*. 36(1): 1-26.
- Caldwell J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. New York: Academic Press. 386 p.
- Chayanov A. (1989). *Krest'yanskoe khozyaystvo [Peasant economy]*. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Economica. 492 p.
- D'Albis H., D. Moosa (2015). Generational economics and the national transfer accounts // *Journal of Demographic Economics*. 81(4): 409-441.
- Diamond P. (1965). National debt in neoclassical growth model // *The American Economic Review*. 55(5): 1126-1150.
- Feldstein M. (1974). Social security, induced retirement, and aggregate capital accumulation // *Journal of Political Economy*. 82(5): 905-926.
- Goryunov E., L. Kotlikoff, S. Sinelnikov-Murylev (2015). *Teoreticheskie osnovy byudzhethnogo razryva kak pokazatelya dolgosrochnoy fiskal'noy ustoychivosti i ego otsenka dlya Rossii [Theoretical foundations of fiscal gap as a long-term fiscal sustainability indicator and its estimates for Russia]*. Moscow: Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara: 60 p.
- Kotlikoff L. (1992). *Generational Accounting-Knowing Who Pays, and When, for What we Spend*. New York: Free Press. 261 p.
- Kotlikoff L.J., L.H. Summers (1981). The role of intergenerational transfers in aggregate capital accumulation // *Journal of Political Economy*. 89(4): 706-732.
- Lee R., A. Mason (2006). Chto takoe demograficheskiy dividend? [What does it mean demographic dividend?] // *Finansy i razvitie [Finance and Development]*. URL: https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf (accessed: 22.12.2018).
- Lee R., A. Mason (2011). Population aging and generational economics: key findings // *Population Aging and the Generational Economy / R. Lee, A. Mason, eds.* Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing: 3-31.
- Lee R., A. Mason (2017). Tsena stareniya [Cost of aging] // *Finansy i razvitie [Finance and Development]*. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2017/03/pdf/lee.pdf> (accessed: 22.12.2018).
- Lee R., T. Miller (2000). Immigration, social security, and broader fiscal impacts // *American Economic Review*. 90(2): 350-354.
- Lee R., W. Arthur, G. Rodgers (eds) (1988). *Economics of Changing Age Distribution in Developed Countries*. New York: Oxford University Press. 221 p.
- Lee R.D. (1980). Aiming at a moving target: Period fertility and changing reproductive goals // *Population Studies*. 34(2): 205-226.
- Lee R.D. (1994). The formal demography of population aging, transfers, and the economic life cycle // *Demography of aging*: 8-49.
- Lee R.D., S. Tuljapurkar (2000). Population forecasting for fiscal planning: Issues and innovations // *Demography and Fiscal Policy / A. Auerbach, R. Lee, eds.* Cambridge University Press: 7-57.
- Mason A. (1988). Saving, economic growth, and demographic change // *Population and Development Review*. 14: 113-144.

- Mason A., M. Lee, M. Abrigo, S. Lee (2017). Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York (NY): Population Division, United Nations. 52 p.
- Modigliani F. (1988). The role of intergenerational transfers and life cycle saving in the accumulation of wealth // *Journal of Economic Perspectives*. 2(2): 15-40.
- Modigliani F., R. Brumberg (1954). Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross Section Data // *Post Keynesian Economics*, ed. by K.K.Kurihara. Ruthers University Press New Brunswick New Jersey: 388-436.
- Natsional'nye scheta Rossii v 2006-2013 godakh [National Accounts in Russia in 2006-2013] (2013). Statisticheskii sbornik [Statistical Yearbook]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (accessed: 22.12.2018).
- Prskawetz A., J. Sambt (2014). Economic support ratios and the demographic dividend in Europe // *Demographic Research*. 30: 963-1010.
- Samuelson P. (1958). An exact consumption loan model of interest with or without the social contrivance of money // *Journal of Political Economy*. 66(6): 467-482.
- Sauvy A. (1977). Obshchaya teoriya naseleniya [General population theory]. T.1. [V.1]. Moscow: Progress. 503 p.
- Sistema natsional'nykh schetov 2008 [System of national accounts 2008] (2012). UN, European Commission, IMF, OECD, World Bank. New York. 827 p.
- Temple J., J. Rice, P. McDonald (2017). Economics of Ageing Feature. Ageing and the economic life cycle: The National Transfer Accounts approach // *Australian Journal of Aging*. 36(4): 271–278.
- United Nations (2013). National transfer accounts manual: Measuring and analysing the generational economy. New-York: United Nations.
- Urlanis B.C. (1971). Ekonomicheskie aspekty demografii [Economic aspects of demography] // Problemy demografii [Demographic problems] // D.L. Broner, I.G. Venetskiy, eds. Moscow: 93-110.
- Urlanis B.C. (1976). Narodonaselenie, issledovanie, publitsistika [Population, researches and essays]. Moscow: Statistika. 255 p.
- Valkovics E. (1971). Ekonomicheskie vozrastnye piramidy [Economic age pyramids] // Marksistsko-leninskaya teoriya narodonaseleniya [Marx-Lenin population theory] / D. Valentei, ed. Moscow: Prosveshchenie: 127-149.
- Willis R.J. (1988). Life cycles institutions and population growth: a theory of the equilibrium interest rate in an overlapping generations model // *Economics of Changing Age Distribution in Developed Countries* / R. Lee, W. Arthur, G. Rodgers, eds. New York: Oxford University Press: 106-138.

ОЦЕНКА ТРАНСФЕРТОВ ВРЕМЕНИ ВНУТРИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Ирина Калабихина, Жадра Шайкенова

Статья посвящена исследованию трансфертов времени между членами российских домашних хозяйств, определению роли женщин и мужчин в производстве и потреблении домашних услуг, а также оценке «невидимого» для рыночной экономики домашнего труда. Исследование основано на методологии, разработанной в рамках глобального проекта ООН «Национальные трансфертные счета». На эмпирических данных изучена асимметрия в распределении домашних обязанностей между мужчинами и женщинами, показано, что женщины за сутки, в среднем, производят почти на 3 часа больше временных трансфертов по сравнению с мужчинами. Таким образом, женщины с 20 до 80 лет являются производителями домашних услуг для всех членов семьи. С учетом работы по дому, 8-часовой рабочий день женщин на рынке труда ежедневно может продлеваться почти на 40%. Традиционные выводы о большем вкладе женщин как в экономику заботы, так и в ведение домашнего хозяйства подкреплены оригинальными выводами о наличии возрастных пиков у мужчин и женщин в производстве и потреблении трансфертов времени; построена матрица межпоколенческих и межгендерных трансфертов времени. Оценка «невидимого» для рыночной экономики продукта составила 25,3% ВВП в 2014 г.

Ключевые слова: трансферты времени, бюджеты времени, неоплачиваемый труд, гендерное неравенство, домашний труд, экономика заботы.

ВВЕДЕНИЕ

Время – один из самых ценных ресурсов, которым обладает человек. Обычно экономисты исследовали время, затрачиваемое индивидами на рынке труда, игнорируя тот факт, что большая часть суточного фонда времени распределяется за пределами рынка труда. Так, разработанная во второй половине прошлого века система национальных счетов (СНС) претендует на предоставление всеобъемлющих сводных данных об экономических показателях страны. Миллионы долларов выделяются на сбор регулярных статистических данных о валовом внутреннем продукте (ВВП). ВВП и статистика занятости в настоящее время рассматриваются правительствами и экономистами как основные переменные в анализе экономической и социальной политики. Официальная статистика классифицирует людей как «экономически активных» только с точки зрения их вклада в ВВП. Эти статистические данные игнорируют участие людей в экономике домохозяйства. Человек определяется как «экономически не активный», если он занимается только «домашними обязанностями». Почти все необходимые и затратные по времени, но неоплачиваемые, виды экономической деятельности домохозяйств исключаются из национальных счетов.

Ирина Евгеньевна Калабихина (ikalabikhina@yandex.ru), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

Жадра Канатовна Шайкенова (shaikenova@mail.ru), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в октябре 2018 г.

Таким образом, неоплачиваемая домашняя работа является невидимой и часто считается экономически бесполезной. Учет производительных затрат времени, перераспределяемых между членами домашнего хозяйства вне рынка, позволяет получить более полную оценку потребностей представителей отдельных групп населения, что дает возможность выстроить социальную политику, которая лучше отвечает его реальным потребностям. Учет неоплачиваемого труда домашних хозяйств показывает, как именно распределяются обязанности заботы о пожилых, детях и других уязвимых группах населения между государством и семьей. А рыночная оценка времени, расходуемого в рамках домашнего хозяйства, дает возможность увидеть более полную картину и на реальных данных показать не только роль домохозяйств в создании продуктов и услуг, но также перераспределение нагрузки между членами домашнего хозяйства, которое, в свою очередь, влияет на принятие демографических решений.

Вопрос оценки неоплачиваемого домашнего труда привлекает внимание исследователей еще с первой половины XX века. Экономисты долгое время утверждали, что игнорирование товаров и услуг, создаваемых внутри домохозяйств, приводит к предвзятости в различных областях экономического анализа. Митчелл, Кузнец, Кларк [Mitchell et al. 1921; Kuznets 1944; Clark 1958] отметили, что национальный доход значительно недооценивается, если не учитывать производительную деятельность домашних хозяйств. Смещение оценок производимого в стране продукта при игнорировании роли домохозяйств также подтверждается и теорией распределения времени Г. Беккера [Becker 1965]. Теория распределения времени создавалась с целью дать общее понимание принципов распределения индивидами времени между оплачиваемой и неоплачиваемой деятельностью. Беккером была построена модель потребительского выбора, в которой индивиды рассматривались не только как потребители благ, но также и как производители, использующие время наряду с другими ресурсами при производстве благ и услуг. Данная модель позволила понять, чем обусловлено решение индивидов относительно времени, посвящаемого труду в рамках домохозяйства, и сколько стоит это время.

Советские экономисты в своих работах также подчеркивали важность учета времени, расходуемого на производство товаров и услуг внутри домашних хозяйств. Так, С.Г. Струмилин [1957] выдвигает положение об общественной стоимости воспроизводства рабочей силы, подчеркивая, что о ней нельзя составить представление без учета домашнего труда. Г.А. Пруденским [1972] была разработана классификация видов деятельности, которая включала рабочее и внерабочее время, которое, в свою очередь, делилось на внерабочее время, связанное с работой; время удовлетворения физиологических потребностей; время на домашний труд и удовлетворение других бытовых потребностей и, наконец, собственно свободное время. Г.А. Пруденский подчеркивал, что не только рабочее, но и внерабочее время (домашний труд, удовлетворение физиологических потребностей, образование, общественная деятельность и отдых) имеет важное значение для функционирования общества. Исследования советского времени показали, что домашнему труду отводится значимая часть времени населения. Так, согласно данным исследований бюджетов времени семей рабочих, проводившихся в СССР в период 1922–1934 гг., время, расходуемое на домашний труд,

составляло 12 часов в неделю для мужчин и 36,5 часа для женщин [Социология в России 1996]. В 1920-30-е годы прошло около 50 обследований бюджетов времени, затем наблюдался спад в 1940-1950-е годы (14 обследований), подъем в 1960-1970-е годы (109 обследований) и вновь спад в 1990-е (менее 10 обследований). Основные обследования проходили в Институте социологии РАН и в ЦСУ/ Госкомстате РСФСР [Патрушев, Артемов, Новохацкая 2001]. Последние обследования бюджетов времени силами государственного статкомитета в России были в 1990 и 2010 гг. – с большим интервалом и по разным методикам [Итоги... 2010].

Учет неоплачиваемого труда и в современной России остается одной из важных задач. По мнению Г.П. Гвоздевой, в результате игнорирования неоплачиваемого труда происходит недооценка общего общественного продукта, а экономический вклад многих людей, особенно женщин, не получает должного признания и вознаграждения [Гвоздева 2000].

При анализе неоплачиваемого труда в 2000-е годы многие исследователи основываются на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ). В РМЭЗ объединены наблюдения за 22 года проведения мониторинга, начиная с 1994 г., собрана информация о структуре доходов и расходов, материальном благосостоянии, работе и миграционном поведении, здоровье и структуре питания, об образовательном поведении и досуге и др.¹

Большое внимание в рамках анализа неоплачиваемого труда в России уделяется распределению обязанностей по ведению домашнего хозяйства между мужчинами и женщинами. К примеру, в работе [Deloach, Hoffman 2002] авторы анализируют распределение домашних обязанностей между мужчинами и женщинами и приходят к выводу о существовании неравенства: российские женщины затрачивают гораздо больше времени в рамках ведения домашнего хозяйства и меньше времени на оплачиваемую работу по сравнению с мужчинами. Проблема неравенства в распределении обязанностей в рамках ведения домашнего хозяйства также рассматривается в работе Лефмарк [Löfmark 2007], где автор на основе данных РМЭЗ выявляет ряд факторов, которые влияют на распределение домашних обязанностей между партнёрами. Так, по мнению автора статьи, на распределение обязанностей в рамках ведения домашнего хозяйства значимое влияние оказывает наличие детей в возрасте до 12 лет. Кроме того, есть ряд параметров, которые большее влияние оказывают на долю работ по дому, выполняемую женщинами, и меньше влияют на долю мужчин, в частности, доход домашнего хозяйства и доля каждого из партнёров в нем. Также интересным представляется результат, согласно которому уровень образования мужчин значимо влияет на распределение домашних обязанностей между партнёрами, в то время как уровень образования женщин такого влияния не оказывает.

Современные оценки продукта, производимого внутри домашних хозяйств, показывают, что неоплачиваемые затраты времени составляют значимую часть ВВП стран. Так, в работе Хэмдэда [Hamdad 2003] было рассчитано, что рыночная стоимость неоплачиваемой работы в Канаде в 1998 г. составила 297 млрд долл. США или около 33%

¹ URL: <https://www.hse.ru/flms/> (дата обращения: 19.11.2018).

ВВП Канады за этот год. По оценкам американских ученых [Landefeld, Fraumeni, Vojtech 2009], доля неоплачиваемого труда в США составила 20% от ВВП за 2004 г. Для европейских стран данный показатель колеблется от 24% в Латвии до 57% в Германии [Giannelli, Mangiavacchi, Piccoli 2011].

Полученные различными авторами оценки стоимости неоплачиваемого труда заставляют задуматься над тем, как именно распределяются продукты и услуги, производимые вне рынка. В соответствии с Международной классификацией видов деятельности для статистики использования времени [ICATUS 2016], все время, расходуемое внутри домохозяйства, можно разделить на следующие основные группы:

- время, расходуемое на заботу о близких (экономика заботы):
 - забота о пожилых / воспитание детей в рамках домашнего хозяйства;
 - забота о пожилых / воспитание детей в рамках расширенного домашнего хозяйства;
- время, расходуемое на ведение домашнего хозяйства;
- волонтерская работа на локальную общину.

Неформальный уход является жизненно важным компонентом межпоколенческих трансфертов, с точки зрения как воспитания детей, так и поддержки пожилого населения. Экономика заботы представляет собой отдельную огромную область исследования, включающую вопросы воспитания детей и роли родителей на различных этапах развития ребенка, вопросы обмена финансовыми и временными трансфертами между взрослыми детьми и их пожилыми родителями и многое другое. Именно по этой причине в данном исследовании разграничено время, расходуемое на заботу о близких, и время, расходуемое населением на ведение домашнего хозяйства. Все эти временные затраты на данный момент не получают рыночной оценки, однако занимают значительную часть жизни каждого человека. В связи с этим рассмотрим основные вопросы, которые встают перед исследователями, и методики, которые ими используются в части оценки неоплачиваемого домашнего труда индивидов.

При анализе времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и заботу о близких, почти все авторы, независимо от фокуса исследования, подчеркивают важность гендерных ролей в распределении обязанностей в рамках домохозяйства. Во многих странах бремя домашней работы остается главным образом на женских плечах, несмотря на растущую активность женщин на рынке труда. Хохшильд [Hochschild 1989: 322] ввел термин «застопорившаяся революция», чтобы описать ситуацию, при которой более высокий уровень занятости женщин не приводит к росту ответственности мужчин за ведение домашнего хозяйства и заботу о детях и престарелых родственниках. Макдональд утверждал, что гендерная революция не завершена, пока гендерное равенство не распространится и в семье [McDonald 2000]. Баланс гендерного неравенства в домохозяйстве и в общественных институтах сменяется балансом гендерного равенства в них. Но данная смена проходит болезненно и в социальном, и в демографическом контексте из-за отставания распространения гендерного равенства в домохозяйстве, как свидетельствует концепция гендерного перехода, согласно которой, несмотря на растущую экономическую активность женщин, роль мужчин в выполнении обязанностей по дому не меняется вплоть до последней (третьей) стадии гендерного перехода [Калабихина 2011: 42-

48]. Хотя эта ситуация практически универсальна, степень гендерных различий в распределении труда варьируется в разных странах в соответствии с режимом социального обеспечения, семейной политикой и политикой в области занятости, системой налогообложения и пособий, а также социальными нормами. Гендерное неравенство в распределении времени также заметно меняется в течение жизни человека. Несколько исследований [Anxo et al. 2007; Apps, Rees 2005] показали, что значимые гендерные различия в распределении времени в разных странах связаны со сроками наступления ключевых событий в течение жизненного цикла человека. К примеру, возраст, в котором юноша/девушка покидает родительский дом, влияет не только на образование союзов и рождение детей, но и на жизнь его/её родителей. Активная роль женщин как в рамках ведения домашнего хозяйства, так и на рынке труда создает для них так называемое «двойное бремя». Гендерный разрыв в распределении времени может зависеть от институционального и социального контекста, в частности, от характеристик системы отпусков по уходу за ребенком, наличия и стоимости услуг по уходу за детьми или нуждающимися взрослыми, наличия и распространенности гибких форм занятости [Lewis 1992]. Женщины больше мужчин склонны к неполной занятости (рисунок 1), которая позволяет им выполнять домашние обязанности, не уходя с рынка труда.

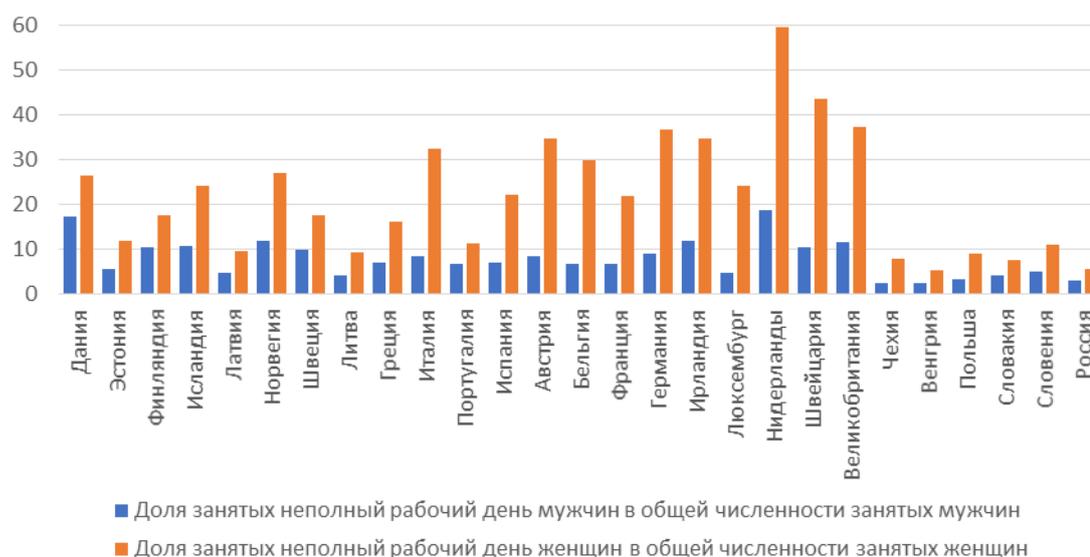

Рисунок 1. Доля мужчин и женщин, занятых неполный рабочий день, в некоторых странах, 2016, %

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных ОЭСР. URL: http://stats.oecd.org/BrandedView.aspx?oecd_bv_id=lfs-data-en&doi=data-00305-en (дата обращения: 12.03.2018).

Время, затрачиваемое на неоплачиваемую работу, значительно варьируется в зависимости от страны. К примеру, итальянки, в среднем, тратят на домашние дела на всех этапах жизненного цикла от 12 до 51 часа в неделю – намного больше, чем шведские женщины, которые уделяют ведению домашнего хозяйства от 8 до 29 часов в неделю. Женское время, потраченное на неоплачиваемую работу, увеличивается с образованием брачных союзов. Кроме того, вполне ожидаемым стало увеличение затрат времени женщин при наличии детей дошкольного возраста. В целом женщины сокращают свое участие в

ведении домашнего хозяйства только тогда, когда они живут одни на заключительном этапе своего жизненного цикла. Мужчины обычно тратят меньше времени на работу по дому, более того, затраты времени на ведение домашнего хозяйства остаются довольно низкими на протяжении практически всей жизни. Количество часов, которые они тратят на работу по дому, значительно возрастает только после выхода на пенсию. Кроме того, было выявлено, что мужчины старше 60 лет уделяют больше времени неоплачиваемой работе, чем молодые люди, даже если у последних есть дети дошкольного возраста [Anxo et al. 2007].

Во всех странах на всех этапах жизненного цикла существует гендерный разрыв во времени, посвященном домашним делам. Во Франции и в Италии гендерный разрыв увеличивается с образованием брачных союзов. Гендерные различия чрезвычайно велики для итальянцев на всех этапах жизненного цикла, в частности в случае семейной пары с детьми: итальянские женщины работают в среднем на 40 часов в неделю больше, чем их мужья, тогда как в Швеции этот разрыв составляет всего 11 часов. Эти различия между странами объясняются, в первую очередь, существующими социальными нормами, семейной политикой государства, режимами занятости. Благодаря активной политике в установлении равенства между мужчинами и женщинами в сфере занятости, Швеция² имеет на данный момент самый низкий гендерный разрыв в распределении времени, тогда как Италия с более традиционной моделью семьи – самый высокий [Vargha, Gál, Crosby-Nagy 2017].

Тенденции, выявленные исследователями в распределении домашних обязанностей между членами семьи, присущи и российским домашним хозяйствам. В связи с этим интересным представляется анализ распределения времени, расходуемого женщинами и мужчинами на ведение домашнего хозяйства и заботу о близких в России. Новизна данного исследования заключается в том, что впервые на российских данных мы используем метод Национальных счетов трансфертов времени (НТТА), который позволяет построить половозрастные профили производства и потребления внутридомохозяйственных трансфертов времени. Несмотря на то, что показатели Национальных счетов трансфертов времени в последние годы стали активно используемым инструментом анализа объемов неоплачиваемого труда во многих западных странах [Albertini, Kohli, Vogel 2007; Dukhovnov, Zagheni 2015; Leopold, Raab 2010], расчетов на основе российских данных на данный момент нет. Мы также построим матрицу межпоколенных и межгендерных трансфертов для определения связей между производителями и потребителями времени: кто для кого производит больше временных трансфертов в домохозяйствах.

Данная работа структурирована следующим образом: в первом разделе рассматривается использованная методология оценки трансфертов времени, во втором дается описание данных, в третьем разделе приведены основные результаты изучения распределения «домашнего» времени в России и сделана оценка его рыночной стоимости.

² Швеция является одной из стран с самым низким общим гендерным разрывом среди всех стран мира и находится на втором месте по величине GEM (Gender Empowerment Measure Index) [Human Development Report 2006].

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ТРАНСФЕРТОВ ВРЕМЕНИ

Способы рыночной оценки времени, посвященного ведению домашнего хозяйства и заботе о близких

На данный момент нет единого подхода к рыночной оценке производимого внутри домашних хозяйств продукта. Согласно Фицджеральду [Fitzgerald 1990], существует два основных подхода к оценке продукта, производимого внутри домохозяйств:

1. прямой;
2. косвенный:
 - a) оценка альтернативных издержек;
 - b) оценка функциональных издержек.

Прямой подход предполагает получение рыночной оценки объема товаров и услуг, который был произведен домашним хозяйством в отчетном периоде. Основная предпосылка данного подхода состоит в том, что, в среднем, качество продукта домохозяйств и рыночных компаний одинаково. Однако данное предположение неочевидно. С одной стороны, фирмы по определению нанимают «профессионалов» для выполнения своей работы. С другой стороны, домашние хозяйства потребляют собственные продукты и услуги и, следовательно, имеют прямой стимул для поддержания качества. Кроме того, прямой способ оценки довольно затруднителен с точки зрения доступности данных. В своей статье Фицджеральд [Fitzgerald 1990] основывается на данных собственного опроса, в котором он собрал данные не только по затратам времени на выполнение домашних обязанностей, но также по объему произведенного в результате продукта. Данный подход действительно имеет ряд достоинств, в частности, он позволяет учесть затраты не только трудовых ресурсов, но и капитальных, которые заложены в рыночной цене продукта. Однако производительность домашних хозяйств не равна производительности рыночных фирм. Как правило, профессионалы выполняют работу гораздо быстрее членов домохозяйств, хотя такие виды деятельности, как уход за ребенком или выполнение работы по дому, требующей особых знаний владельца дома, эффективнее выполняются внутри домашнего хозяйства [Fitzgerald 1990].

Косвенные методы оценки продукта домохозяйств заключаются в получении рыночной оценки времени, затрачиваемого членами домохозяйств. В случае метода альтернативных издержек рыночной ценой единицы времени выступает заработная плата члена домашнего хозяйства, выполнившего работу по дому. Данный метод основывается на предположении, что человек, выполняя свои домашние обязанности, полностью или частично отказывается от рыночной занятости, которая бы приносила ему доход в размере заработной платы.

При оценке методом функциональных издержек все время делится по видам деятельности (мытьё посуды, уборка помещений и др.) и для каждого вида деятельности определяется своя рыночная цена единицы затраченного времени. В научной литературе выделяют три способа оценки времени, затрачиваемого на тот или иной вид деятельности [Webber 2017]:

- универсальная оценка;
- специализированная оценка;
- гибридная оценка.

При универсальной оценке в качестве стоимости единицы времени используется заработная плата домработниц, выполняющих практически всю работу по дому. Специализированная оценка предполагает использование рыночных зарплат соответствующих специалистов: время, затраченное на мытье посуды, оценивается по ставке посудомойки; работы в саду – по ставке садовника и так далее. Гибридная оценка сочетает в себе первые две.

Однако и косвенный метод оценки продукта домашних хозяйств также имеет свои недостатки. Оценка по альтернативной стоимости, как правило, приводит к завышению стоимости домашнего труда, особенно в случае высококвалифицированных членов домашнего хозяйства. Функциональная оценка основывается на том же предположении, что и прямая оценка стоимости домашнего труда, а именно на равенстве производительности членов домохозяйств и специалистов (домработниц или специалистов в отдельных областях), что, как показано в работе [Fitzgerald 1990], неверно. Различные подходы в оценке дают различный результат. Так, труд американских домохозяйств при оценке по альтернативной стоимости составляет 60% от ВВП, при специализированной оценке – 24%, в случае универсальной оценки – 20% [Landefeld, Fraumeni, Vojtech 2009].

Методология оценки трансфертов времени

В связи с пониманием того факта, что ведение домашнего хозяйства занимает значительную часть времени и усилий, перед исследователями встал вопрос: как распределяется продукт, производимый внутри домашних хозяйств? Кто является основным производителем, а кто потребителем продуктов ведения домашнего хозяйства? Пытаясь ответить на эти и многие другие вопросы, связанные с распределением трансфертов времени, Дж. Донховер [Donehower 2014] разработала методологию расчета Национальных счетов трансфертов времени (НТТА; далее – Методология) в рамках проекта ООН «Национальные трансфертные счета» (НТА). Оценка временных трансфертов согласно методологии НТТА состоит из нескольких шагов:

1. определить источник информации;
2. определить список видов деятельности, относящихся к производительной деятельности внутри домашних хозяйств;
3. распределить затраты времени между потребителями временных трансфертов;
4. определить уровни рыночных заработных плат в соответствии с видами деятельности для получения рыночной оценки затрат времени.

1. Определение источника информации

В Методологии закреплены основные критерии отбора источника информации:

- опрос должен быть репрезентативен на национальном уровне;
- информация должна быть представлена в разрезе каждого члена домашнего хозяйства;

- должна содержаться информация об основных характеристиках каждого индивида (возраст, пол);
- должна содержаться информация о распределении времени как в будние, так и в выходные дни;
- должна содержаться информация о распределении времени хотя бы одного члена домашнего хозяйства;
- общее количество распределяемых часов должно стремиться к 24.

2. Определение списка видов деятельности, относящихся к производительной деятельности домашних хозяйств

В расчет трансфертов времени включаются те виды деятельности, которые были бы включены в национальный доход, если бы они выполнялись за заработную плату, а не за счет нерыночной рабочей силы. Один из способов определить, соответствует ли данный вид деятельности этому стандарту, – критерий третьей стороны (“third party criterion”), т.е. может ли операция быть выполнена кем-то другим за плату [Reid 1934: 424]. Таким образом, время, потраченное на сон, прием пищи, спорт и досуг, не будет учтено в расчете, однако любые операции по ведению домашнего хозяйства или уходу будут включены в расчет.

Согласно методологии НТТА в расчет включается лишь время, затраченное на производительную деятельность домашних хозяйств, не включенную в ВВП. Так, в расчет не включается время, затраченное на производство в семейных предприятиях; неоплачиваемый труд, который уже включен в расчет ВВП, к примеру, ведение собственного подсобного хозяйства³.

Таким образом, общий список видов деятельности, которые должны быть включены в расчет трансфертов времени согласно Методологии, следующий:

1. уборка;
2. стирка белья (включая шитье, ремонт одежды);
3. кулинария (приготовление пищи и напитков);
4. обслуживание и ремонт;
5. уход за газонами и садами;
6. управление домохозяйством (включая финансы, планирование и др.);
7. уход за животными (не ветеринарный уход);
8. покупка товаров и услуг;
9. уход за детьми;

³ В границы производства (при расчете ВВП) включается также производственная деятельность домашних хозяйств. Она охватывает производство всех товаров независимо от того, проданы они или нет, включая сельскохозяйственную продукцию, полученную в личных подсобных хозяйствах, строительство своими силами и различные услуги, реализованные на сторону, в том числе торговые, посреднические и др. Услуги, производимые домашними хозяйствами для собственного потребления (домашние услуги), не включаются в границы производства, кроме условно исчисленной стоимости услуг, предоставленных в связи с проживанием владельцев в собственных жилищах. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 10.06.2018).

10. уход за пожилыми;
11. передвижения (связанные с деятельностью по уходу и закупкой товаров и услуг).

В данном исследовании рассмотрены трансферты времени, распределяемые в пределах одного домашнего хозяйства. Таким образом, виды деятельности, классифицируемые как волонтерство или оказание неоплачиваемой помощи другим домохозяйствам, в рамках данного исследования не рассматриваются. Такое ограничение связано с неопределенностью выгодополучателя при распределении произведенных трансфертов времени. В методологии нет четких рекомендаций, как именно распределять временные ресурсы в таком случае [Donehower 2014], потому этот вопрос требует дополнительной проработки и выявления ключевых характеристик домашнего хозяйства и индивидов для корректного распределения трансфертов времени между потребителями, что выходит за рамки текущего исследования. Основываясь на Методологии, нами были отобраны виды деятельности, которые относятся к категориям «Уход за детьми» и «Уход за пожилыми».

3. Распределение затрат времени между потребителями временных трансфертов

В первую очередь, согласно Методологии, необходимо рассчитать половозрастные профили затрат времени на ведение домашнего хозяйства. Для этого предлагается рассчитать среднее значение затраченного на домашнее производство времени в разрезе половозрастных групп.

Вторым шагом необходимо рассчитать половозрастные профили потребления времени, для этого нужно разделить все виды деятельности, выбранные ранее для анализа, на две группы: общие и направленные на определенные возрастные группы. К общим относится вся деятельность, бенефициарами которой выступают все члены домашнего хозяйства (уборка, готовка и прочее). Время, затраченное на такие виды деятельности, разделяется между всеми членами домохозяйства в равных долях, т.е. все потребляют равные части, в том числе и производитель данного блага. С видами деятельности, направленными на определенные возрастные группы, все немного сложнее, потребителями здесь выступают только представители соответствующих возрастных групп. Так, время, затраченное на уход за детьми, будет потреблено лишь членами домашнего хозяйства младше 18 лет.

После распределения производства и потребления домашнего продукта и услуг необходимо проверить, что отток (производство) трансфертов времени соответствует притоку (потреблению), т.е. в сумме все потоки дают ноль.

4. Определение уровня рыночных заработных плат в соответствии с видами деятельности для получения рыночной оценки затрат времени

Для определения рыночной стоимости единицы времени в рамках расчета трансфертов времени используется специализированная оценка, которая, как мы обсуждали ранее, предполагает использование данных по заработной плате соответствующих специалистов.

Таким образом можно получить рыночную оценку стоимости выполнения каждой отдельной задачи по ведению домашнего хозяйства.

Согласно данной методике, используются данные по заработной плате до выплаты налогов, так как, если бы члены домохозяйства захотели отдать одну из своих задач на аутсорсинг, то цена, которую они в таком случае заплатили, была бы равна заработной плате наемного работника до выплаты налогов. Кроме того, согласно этой методике, для получения справедливой оценки домашнего труда необходимо скорректировать среднюю заработную плату на все выплаты и социальные отчисления, которые несет работодатель.

Описание использованных данных⁴

В данном исследовании использованы результаты Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением (далее – Опрос), проведенного Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации в период с 12 по 28 апреля 2014 г. [Выборочное наблюдение... 2015].

В Опросе принимало участие 10 тыс. домохозяйств, которые являются резидентами всех субъектов Российской Федерации. Согласно материалам Опроса, данные репрезентативны в целом по России, городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по отдельным социально-демографическим группам населения.

Единицей наблюдения выступают лица в возрасте 12 лет и более, проживающие в частных домохозяйствах, отобранных для проведения Опроса. Опрос включает данные о затратах времени в следующих основных сферах деятельности: трудовая (оплачиваемая) деятельность, обучение в образовательных организациях, ведение собственного подсобного хозяйства, выполнение домашних обязанностей, уход за близкими, досуг.

При осуществлении Опроса использована модель многофазной выборки с реализацией на последней фазе двухступенчатого отбора. На каждой стадии формирования выборки применяли вероятностный отбор. В качестве основы для формирования выборки использован ежегодно актуализируемый информационный массив территориальной выборки многоцелевого назначения на базе информационного массива Всероссийской переписи населения 2010 г. Для распределения общего объема выборки (определяется в соответствии с теоретическими положениями выборочного метода) использована модель непропорционального размещения в рамках каждой из выделенных аналитических областей (городское и сельское население). Единицей отбора являлось жилое помещение (адрес домохозяйства). Единицами наблюдения были домохозяйства и члены домохозяйств в возрасте 12 лет и более.

Данные собирали посредством сочетания следующих методов:

- экспедиционный, при котором опрос и фиксирование ответов респондентов по программам вопросников наблюдения осуществлен специально обученными

⁴ На основе информации Росстата о Выборочном наблюдении использования суточного фонда времени населением.

работниками (интервьюерами) методом «лицом к лицу» по месту проживания респондентов в составе отобранного для наблюдения домохозяйства;

- саморегистрация респондентами информации о затратах времени на занятия различными видами деятельности в дневниках использования времени на протяжении 24 часов (от 4.00 утра дня наблюдения до 4.00 дня проведения опроса по индивидуальному вопроснику) с последующим сбором данных интервьюерами и кодированием полученной информации на основе классификатора видов деятельности для выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением.

При сборе данных использовали следующие инструменты:

- вопросник для домохозяйства;
- индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 15 лет и более;
- дневник использования времени для лиц в возрасте 12-14 лет;
- дневник использования времени для лиц в возрасте 15 лет и более.

На каждом этапе проведения Опроса ответственные сотрудники проводили контрольные процедуры, направленные на обеспечение качества предоставляемых данных. В частности, при сборе Дневников интервьюер обязан был просмотреть их на предмет полноты записей, правильности регистрации затрат времени и четкости записей, что в дальнейшем необходимо для качественного их кодирования. На этапе формирования электронной базы данных ответственный сотрудник осуществлял 100%-ю визуальную проверку правильности заполнения всех форм обследования, поступивших от интервьюеров. В случае обнаружения ошибок на этом этапе вносили изменения в бумажные носители на основе результатов запросов, адресованных интервьюеру. Во избежание ошибок, возникающих на этапе ввода данных, применяли специально разработанные программы контроля, позволяющие проверить соблюдение правил и логики заполнения форм обследования, содержащихся в соответствующих инструкциях, и провести дополнительный логический контроль данных. Ошибки, выявленные на этом этапе, исправляли также на основе поступающих от интервьюеров ответов на запросы.

Помимо контрольных процедур, приведённых выше, в рамках проведения Опроса на региональном уровне с непосредственным участием работников регионального и федерального уровней осуществляли следующие контрольные мероприятия:

- контрольные интервью, в ходе которых проводили сверку адресов фактически посещенных домохозяйств со списком адресов домохозяйств, направленных интервьюеру, а также соответствия зарегистрированных ответов респондентов и их фактических ответов, полученных при контрольном интервьюировании. Контрольные интервью проведены и по телефону (по ограниченному кругу вопросов);
- контрольные опросы, проведение интервьюером опросов и сбора информации по Дневникам использования времени в присутствии проверяющего лица.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка времени, расходуемого на выполнение работы по дому

На основе данных Опроса были отобраны виды деятельности, которые, в первую очередь, соответствуют критерию третьей стороны, а также относятся к одной из следующих категорий:

1. уборка;
2. стирка белья (включая шитье, ремонт одежды);
3. кулинария (приготовление пищи и напитков);
4. обслуживание и ремонт;
5. уход за газонами и садами;
6. управление домохозяйством (включая финансы, планирование и др.);
7. уход за животными (не ветеринарный уход);
8. покупка товаров и услуг;
9. передвижения (связанные с деятельностью по уходу и закупкой товаров и услуг).

Из анализа было исключено время, затрачиваемое на уход за детьми и пожилыми людьми, так как эти виды деятельности будут подробнее рассмотрены в следующем разделе. Полный список видов деятельности приведен в Приложении.

Основываясь на Методологии [Donehower 2014], все затраты времени, относящиеся к анализируемым в данном разделе видам деятельности, были равномерно распределены между всеми членами домашнего хозяйства, включая индивида, затратившего время. Таким образом были получены объемы потребления каждого члена домашнего хозяйства. Просуммировав все произведенные (сколько времени индивид передал своим домочадцам в виде произведённых товаров и услуг) и потребленные (сколько времени индивид получил от домочадцев) трансферты времени, получили объемы производства и потребления трансфертов времени. Просуммировав объемы произведённых и потребленных трансфертов времени (временных трансфертов) в разрезе половозрастных групп, получили совокупные половозрастные профили распределения чистых трансфертов времени. Под чистыми трансфертами времени (временными трансфертами) в данном случае понимается разница между потребленными и произведенными индивидом трансфертами времени. Усреднив объемы производства и потребления трансфертов времени в рамках половозрастных групп, получили их удельные половозрастные профили (рисунок 2).

Как можно видеть на рисунке 2, начиная с 20 и вплоть до 80 лет женщины совокупно производят трансфертов времени больше, чем потребляют, таким образом обеспечивая потребности в домашних услугах не только детей и пожилых, но и мужчин. Также следует отметить наличие двух пиков в женском профиле распределения трансфертов времени. Первый пик приходится на женщин в возрасте от 24 до 36 лет, что соответствует времени рождения детей и при прочих равных приводит к росту объема домашних обязанностей, лежащих на плечи молодых мам. Второй пик соответствует женщинам в возрасте от 53 до 60 лет, что объясняется выходом на пенсию, и, как следствие, увеличением объема свободного времени, которое женщины расходуют в том числе и на выполнение обязанностей по дому. Чистыми потребителями трансфертов времени женщины становятся

лишь на заключительном этапе жизни (после 80 лет), что соответствует результатам некоторых зарубежных исследований [Апхо et al. 2007].

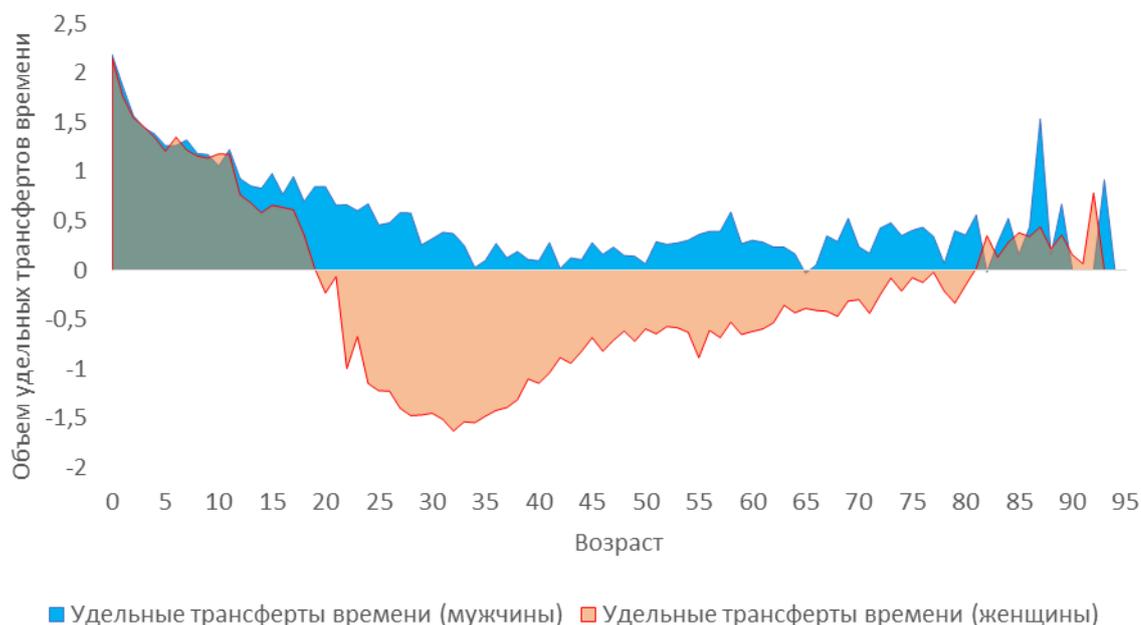

Рисунок 2. Удельные половозрастные профили распределения чистых трансфертов времени, расходуемого на выполнение работы по дому, часы за сутки на одного представителя половозрастной группы

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных [Выборочное наблюдение... 2015].

Мужчины на протяжении практически всей жизни остаются потребителями трансфертов времени. Как видно на рисунке 2, хотя удельные временные трансферты мужчин практически никогда не спускаются в отрицательную область (область производства трансфертов времени), мужчины в зрелом возрасте после 33 лет заметно увеличивают производство трансфертов времени, приближаясь к своему уровню потребления, что на графике приближает их к нулевому значению. Растущее вовлечение мужчин в производство домашних благ и услуг может объясняться наступлением определенных жизненных этапов: вступление в брак, рождение детей/внуков и первые годы их жизни, старение родителей, выход на пенсию и др. Кроме того, следует обратить внимание на более раннее по сравнению с женщинами наступление пиков потребления трансфертов времени в самых старших возрастах (это может быть следствием меньшей продолжительности жизни мужчин по сравнению с женщинами, статистические погрешности малочисленных совокупностей наступают в более ранних возрастах). Разница между временными трансфертами, производимыми женщинами и мужчинами одного возраста, может достигать двух часов в сутки, что говорит о том, что женщины в день на домашнюю работу расходуют почти на 2 часа больше мужчин.

В таблице 1 представлена матрица частостей распределения трансфертов времени, отражающая долю (процент) от случаев потребления представителями определенной половозрастной группы потребителей трансфертов времени (столбцы) трансфертов времени, произведенных представителями той или иной половозрастной группы (строки).

К примеру, в ячейке 1:1 значение 14,8% означает, что в 14,8% случаев трансферты, произведенные мужчинами в возрасте от 0 до 19 лет, были потреблены представителями той же половозрастной группы (их домочадцами мужского пола в возрасте от 0 до 19 лет). Заливка ячеек таблицы 1 отражает относительную величину показателей: от красной заливки для минимального значения (в нашем случае 0,00%) до зеленой заливки для максимального значения (48,8%).

Таблица 1. Матрица частостей распределения трансфертов времени от производителей потребителям временных трансфертов, %

	Возраст	Потребители (мужчины)					Потребители (женщины)				
		0-19	20-39	40-59	60-79	80+	0-19	20-39	40-59	60-79	80+
Производители (мужчины)	0-19	14,8	11,4	18,6	1,1	0,2	13,5	19,4	17,6	2,6	0,7
	20-39	23,3	2,4	4,4	1,9	0,1	21,9	32,3	10,0	3,3	0,3
	40-59	15,7	8,6	0,4	0,8	0,3	14,5	13,5	39,8	5,0	1,4
	60-79	5,8	8,5	3,2	0,0	0,0	4,9	8,6	18,9	48,8	1,3
	80+	2,5	3,8	11,3	1,3	0,0	3,8	5,0	13,8	33,8	25,0
Производители (женщины)	0-19	15,7	12,8	16,0	1,6	0,1	12,4	20,8	16,8	3,4	0,5
	20-39	26,8	25,5	8,3	1,8	0,1	25,4	1,8	6,8	3,3	0,2
	40-59	15,1	14,4	34,4	5,8	0,4	13,9	11,0	0,5	3,1	1,5
	60-79	8,5	10,1	11,8	37,6	2,1	8,2	12,1	7,1	0,5	1,9
	80+	7,9	7,3	20,3	6,2	14,1	4,5	7,9	21,5	9,6	0,6

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных [Выборочное наблюдение... 2015].

Как видим, чаще всего потребителями домашних услуг и продуктов выступают дети, причем предоставляют им данные услуги женщины и мужчины в возрасте от 20 до 39 лет, которые вероятнее всего являются их родителями или опекунами, а также провайдерами трансфертов времени для возрастной группы от 0 до 19 лет выступают женщины и мужчины в возрасте от 40 до 59 лет, которые, вероятно, приходятся им бабушками и дедушками. Следует отметить, что трансферты времени часто распределяются между супругами: высокие значения показателей на диагоналях правого верхнего и левого нижнего квадрантов. Кроме того, из таблицы 1 видно, что женщины старше 60 лет чаще получают помощь в ведении хозяйства в сравнении со своими ровесниками мужского пола, однако также важно отметить тот факт, что женщины в возрасте 80+, несмотря на свой преклонный возраст, часто являются провайдерами домашних услуг для своих детей: мужчин и женщин в возрасте 40-59 лет.

Данные таблицы 2 отражают размер трансфертов времени (в часах за сутки), потребленных представителями определённой половозрастной группы (столбцы) и произведенных представителями той или иной половозрастной группы (строки). К примеру, в ячейке 1:1 значение 0,13 означает, что 0,13 часа за сутки трансфертов времени было произведено мужчинами в возрасте от 0 до 19 лет и потреблено представителями той же половозрастной группы (их домочадцами мужского пола в возрасте от 0 до 19 лет). Заливка ячеек таблицы 2 отражает относительную величину показателей: от красной заливки для минимального значения (в нашем случае 0,11%) до зеленой заливки для максимального значения (1,89%).

Таблица 2. Матрица распределения потоков трансфертов времени от производителей потребителям временных трансфертов, часы

Возраст	Потребители (мужчины)					Потребители (женщины)					
	0-19	20-39	40-59	60-79	80+	0-19	20-39	40-59	60-79	80+	
Производители (мужчины)	0-19	0,13	0,16	0,17	0,13	0,31	0,16	0,17	0,17	0,21	0,11
	20-39	0,36	0,38	0,33	0,34	0,23	0,37	0,39	0,39	0,37	0,27
	40-59	0,42	0,47	0,74	0,49	0,57	0,44	0,46	0,59	0,60	0,80
	60-79	0,48	0,54	0,61	НД	НД	0,50	0,51	0,73	0,84	0,71
	80+	0,54	1,41	0,49	0,29	НД	0,21	0,19	0,46	0,76	0,82
Производители (женщины)	0-19	0,23	0,28	0,25	0,25	0,26	0,24	0,21	0,25	0,17	0,26
	20-39	0,94	0,91	0,73	0,60	0,71	0,93	0,49	0,57	0,62	0,60
	40-59	0,77	0,78	0,90	0,92	1,08	0,74	0,69	0,54	0,66	0,86
	60-79	0,69	0,84	1,02	1,13	1,18	0,62	0,71	0,72	0,75	1,30
	80+	0,36	0,55	0,75	1,05	0,98	0,49	0,43	0,52	0,69	1,89

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных [Выборочное наблюдение... 2015].

Примечание: НД – нет данных.

Учет объемов передаваемых трансфертов меняет общую картину. В частности, если с точки зрения показателей таблицы 1 (частостей), профили распределения трансфертов времени, производимых мужчинами и женщинами, практически идентичны, то с точки зрения абсолютных показателей, представленных в таблице 2, очевидно, что основным источником временных трансфертов в контексте работы по дому являются женщины. В среднем, каждая женщина независимо от возраста передает за день около часа временных трансфертов своему ровеснику мужского пола (диагональ левого нижнего квадранта) и еще почти час старшим членам домашнего хозяйства: мужчинам и женщинам в возрасте 80+. Еще одной группой потребителей трансфертов времени, расходуемого на ведение домашнего хозяйства, являются дети (возрастная группа 0-19 лет), которым женщины в возрасте от 20 до 39 лет передают почти час в день. Также важно отметить роль старшего поколения женщин в помощи в ведении домашнего хозяйства. Так, женщины в возрасте от 40 до 79 лет передают своим детям (возрастная группа 20-39 лет) и внукам (возрастная группа 0-19 лет) около 0,75 часа или 45 минут в день.

Что касается домашнего труда мужчин, то из таблицы 2 видно, что с возрастом мужчины все больше времени уделяют домашнему хозяйству. Основными потребителями трансфертов времени, произведенных мужчинами, выступают их ровесницы женского пола и пожилые члены домашнего хозяйства.

Оценка времени, расходуемого на заботу о близких

Забота о близких составляет значительную часть жизни каждого из нас: время, проведенное с ребенком, или время, затраченное на помощь пожилым родственникам, играет огромную роль не только для нас, но и для дорогих нам людей. Известно, что семья является самым ранним агентом социализации ребенка, стиль воспитания сильно влияет на развитие у детей навыков выстраивания отношений и на успехи в школе. В частности, анализ данных Британского когортного исследования (BCS) [Layard et al. 2014] показал, что уровень удовлетворенности жизнью людей в возрасте 34 лет в значительной степени обусловлен

когнитивными и некогнитивными навыками, развитыми в детстве.

Кроме того, крайне важно признать экономическую ценность неформального ухода за пожилыми людьми, поскольку такие формы семейных обязательств быстро становятся все более распространенными среди взрослых трудоспособного возраста, особенно женщин [Bianchi 2011]. Следует отметить тот факт, что получение образования, продвижение в рабочем статусе и карьере могут быть отложены, если ожидается, что взрослые дети будут обеспечивать уход за пожилыми родителями, которые находятся в плохом физическом или психическом состоянии [Choi 2011]. В контексте оказания неоплачиваемых услуг пожилым членам домашнего хозяйства важно упомянуть о том, что пожилые люди, получая временные трансферты, зачастую выступают одним из источников финансовых ресурсов для своих детей и внуков. В частности, в ряде европейских исследований было подтверждено, что взрослые дети в основном получают финансовые трансферты от своих родителей, тогда как в свою очередь дети поддерживают своих родителей посредством трансфертов времени [Szydlik 2004, Attias-Donfut 2000]. В работе Леопольда [Leopold, Raab 2010] было показано, что такой обмен времени и денег имеет место не только в долгосрочной перспективе (дети помогают родителям, понимая, что они в разные периоды своей жизни уже получили или еще могут получить финансовую помощь от родителей), но и в краткосрочной. На основе данных Европейского опроса здоровья, старения и выхода на пенсию (SHARE), было также доказано и обратное: дети, ухаживающие за родителями, получали большую финансовую поддержку по сравнению с их сестрами и братьями, уделявшими родителям меньше времени. Однако подобный комплексный межпоколенческий обмен материальными и временными ресурсами выходит за рамки данного исследования.

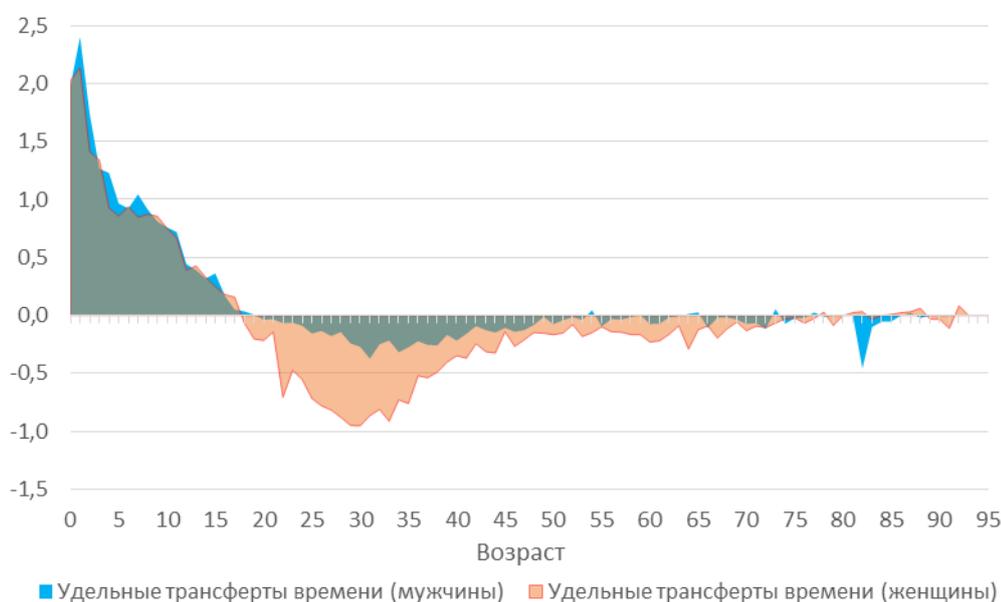

Рисунок 3. Удельные половозрастные профили распределения чистых трансфертов времени, расходуемого на заботу о близких, часы за сутки на одного представителя половозрастной группы

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных [Выборочное наблюдение... 2015].

На основе данных Опроса были рассчитаны профили распределения удельных трансфертов времени в разрезе пола и возраста (рисунок 3). Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это разница в объеме трансфертов, произведенных в рамках экономики заботы и ведения домашнего хозяйства. На наш взгляд, почти двукратный разрыв в значениях связан со спецификой исследуемой деятельности. Забота о детях или пожилых, как правило, выделяется как отдельное действие наряду с основным – выполнением обязанностей по дому, что может повлиять на распределение часов в дневнике респондента. При этом продукт выполнения обязанностей по дому распределяется между всеми членами домохозяйства, в том числе детьми и пожилыми.

Как мы видим на рисунке 3, женщины гораздо более склонны посвящать свое время заботе о близких по сравнению с мужчинами. Женщины в день на заботу о близких могут тратить почти на час больше своих ровесников мужского пола. Как и в случае трансфертов, производимых при выполнении работы по дому, для женского профиля характерно наличие пика в возрасте 24-36 лет. Увеличение нагрузки на женщин в возрасте 24-36 лет, на наш взгляд, связано с рождением детей, первыми годами их жизни, старением старших родственников (родителей, бабушек/дедушек) и, как следствие, возникновением необходимости физического ухода за пожилыми людьми. Пик производства женщинами трансфертов в рамках экономики заботы совпадает с наступлением пика в производстве временных трансфертов при ведении домашнего хозяйства, что говорит о наличии повышенной нагрузки на женщин трудоспособного возраста.

Разрыв во времени, уделяемом уходу за близкими людьми, между мужчинами и женщинами, который мы получили в результате наших расчетов, является распространенным явлением. Многие исследователи наблюдали, что именно женщины большую часть времени занимаются организацией неформального ухода. Данные Висконсинского исследования [Bianchi 2011] показывают, что американские женщины предоставляют гораздо больше часов неоплачиваемой помощи пожилым и детям, чем мужчины. Это оказывает значительное давление на решение о занятости женщин и может снизить качество их жизни и повлиять на решение о вступлении в брак [Riley, Bowen 2005]. По данным [Anxo et al. 2007], в США гендерный разрыв во времени, уделяемом уходу за детьми, постоянно расширяется. Из-за высокой стоимости формального ухода за детьми матери чаще, чем отцы или другие члены семьи, вынуждены отказываться от оплачиваемой работы в пользу ведения домашнего хозяйства и ухода за близкими. По мнению одних исследователей [Brandt, Haberkern, Szydlik 2009], данное явление объясняется специфической для женщин склонностью к заботе о других членах семьи. По мнению других [Темкина, Роткирх 2002], такое распределение времени – результат гендерного контракта женщин и мужчин с государством, сложившегося на базе патриархального общественного устройства, существовавшего достаточно длительный исторический период.

Экономическая оценка трансфертов времени

В этом разделе приведены результаты экономической оценки произведенных трансфертов времени, полученной косвенным методом. С использованием удельных половозрастных профилей производства и данных Росстата о численности населения в разрезе

половозрастных групп были построены совокупные профили производства трансфертов времени для всего населения России за 2014 г. На основе полученных профилей с использованием различных оценок стоимости времени были рассчитаны оценки неоплачиваемого труда россиян на 2014 г. (таблица 3).

Таблица 3. Экономическая оценка трансфертов времени, произведенных в рамках экономики заботы и ведения домашнего хозяйства

	Оценка 1		Оценка 2		Оценка 3		Оценка 4	
	сумма, трлн руб.	доля от ВВП, %	сумма, трлн руб.	доля от ВВП, %	сумма, трлн руб.	доля от ВВП, %	сумма, трлн руб.	доля от ВВП, %
Ведение домашнего хозяйства	16,6	21,0	16,3	20,6	3,1	3,9	15,5	19,6
Экономика заботы	3,4	4,3	3,3	4,2	0,6	0,8	3,1	3,9
ИТОГО	20,0	25,3	19,7	24,8	3,7	4,7	18,6	23,5

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных [Выборочное наблюдение... 2015].

Первая и вторая оценки стоимости трансфертов времени в таблице 3 представляют альтернативную стоимость времени, затраченного на ведение домашнего хозяйства и уход за близкими людьми. В качестве стоимости единицы времени были использованы статистические данные с сайта Росстата⁵ по средней заработной плате в разрезе возрастных групп (оценка 1), а также по средней заработной плате по уровню образования (оценка 2). Данные о возрасте и уровне образования каждого индивида, вошедшего в выборку, содержатся в материалах Опроса. Зная среднюю стоимость единицы времени индивида в зависимости от его возраста или уровня образования, а также объем трансфертов времени, который он(а) произвел(а) в рамках ведения домашнего хозяйства и экономики заботы, мы смогли рассчитать стоимость произведенных трансфертов времени. Время, расходуемое на производство трансфертов времени, было рассчитано на основе данных Опроса и для оценки экономического эффекта экстраполировано на все население России за 2014 г. Таким образом, альтернативная стоимость времени составила от 19,7 до 20,0 трлн руб., что соответствует примерно 24,8-25,3% ВВП за 2014 г.

При расчете универсальной оценки 3 мы использовали показатель МРОТ (минимальный размер оплаты труда), который в 2014 г. составил 5554 руб. в месяц. При использовании показателя МРОТ в качестве цены времени, расходуемого на ведение домашнего хозяйства, универсальная оценка стоимости времени составила 3,7 трлн руб., что соответствует примерно 4,7% ВВП за 2014 г.

Для расчета специализированной оценки 4 использованы статистические данные с сайта Росстата по заработной плате по видам экономической деятельности. Специализированная оценка времени, расходуемого на ведение домашнего хозяйства и заботу о детях и пожилых, составила 18,6 трлн руб., что соответствует примерно 23,5% ВВП за 2014 г.

⁵ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 19.11.2018).

Выбор оценки стоимости единицы времени, как мы видим из таблицы 3, во многом определяет результат оценки произведенных трансфертов времени. Использование в данном исследовании нескольких разных оценок неоплачиваемого труда домашних хозяйств: от МРОТ до оценок, учитывающих индивидуальные характеристики индивида (возраст, уровень образования) или виды осуществляемой деятельности, – позволяет показать, что даже если оценивать эту «скрытую» для рыночной экономики деятельность индивидов по минимальной стоимости (МРОТ), все равно она составляет довольно значительную часть ВВП России. На наш взгляд, более справедливая оценка производимых трансфертов времени составляет от 23,5 до 25,3% от ВВП России за 2014 г.

Данная оценка сопоставима с аналогичными показателями для других стран, в частности, доля неоплачиваемого труда в США составила 20% от ВВП за 2004 г. [Landefeld, Fraumeni, Wojtech 2009], для европейских стран данный показатель колеблется от 24% в Латвии до 57% в Германии [Giannelli, Mangiavacchi, Piccoli 2011]. Кроме того, если сравнить полученные результаты с данными советского периода [Социология в России 1996], по которым в период 1922–1934 гг. время, расходуемое на домашний труд, составляло 12 часов в неделю для мужчин и 36,5 часа для женщин, то по нашим оценкам аналогичные показатели за 2014 г. составляют около 10,5 часа для мужчин и 24,5 часа для женщин трудоспособного возраста. Данное сравнение, учитывая разницу методик сбора данных, не совсем корректно, однако позволяет увидеть общие тенденции. В частности, сокращение объемов неоплачиваемого труда мужчин и женщин может объясняться использованием трудосберегающих технологий в домохозяйстве и развитием сектора услуг в экономике; более существенное сокращение неоплачиваемого труда женщин по сравнению с мужчинами может быть связано с изменением гендерных ролей внутри семьи и перераспределением времени на домашнюю работу. Возможно, мужчины стали тратить больше времени на домашнюю работу не только во второй половине жизни, но и по выходным дням [Калабихина 2004; Итоги... 2010]. Однако все эти вопросы требуют более детальной проработки и анализа, в первую очередь, по причине различий в методологии сбора информации о бюджетах времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением Российской Федерации позволил понять, что производство благ и услуг внутри домашних хозяйств является значимой частью экономики страны, составляя по разным оценкам от 3,9 до 21,0% годового ВВП. Экономика заботы также играет значительную роль, составляя от 0,8 до 4,3% от ВВП России за 2014 г. или в среднем около 0,5 часа в день. Таким образом, оценка «невидимого» для рыночной экономики продукта составляет до 20,0 трлн руб. или 25,3% ВВП за 2014 г. Такая оценка сопоставима с данными исследований в развитых странах.

Традиционные выводы о большем вкладе женщин как в экономику заботы, так и в ведение домашнего хозяйства подкреплены оригинальными выводами о наличии возрастных пиков у мужчин и женщин в производстве и потреблении трансфертов времени и о межпоколенческих и межгендерных трансфертах.

Матрица производителей и потребителей времени в домашнем хозяйстве (времени на ведение домашнего хозяйства) позволила сделать следующие выводы. В среднем каждая женщина независимо от возраста передает за день около часа временных трансфертов своему ровеснику мужского пола и еще почти час старшим членам домашнего хозяйства: мужчинам и женщинам в возрасте 80+. Еще одной группой потребителей трансфертов времени, расходуемого на ведение домашнего хозяйства, являются дети (возрастная группа 0-19 лет), которым женщины в возрасте от 20 до 39 лет передают почти час трансфертов времени в день. Также важно отметить роль старшего поколения женщин в помощи в ведении домашнего хозяйства: женщины в возрасте от 40 до 79 лет передают своим детям (возрастная группа 20-39 лет) и внукам (возрастная группа 0-19 лет) около 0,75 часа или 45 минут в день.

Что касается домашнего труда мужчин, то с возрастом мужчины все больше времени уделяют домашнему хозяйству. Основными потребителями трансфертов времени, произведенных мужчинами, выступают их ровесницы женского пола и пожилые члены домашнего хозяйства.

Принимая во внимание тот факт, что, согласно Постановлению Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. №946 "Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения", опросы использования суточного фонда времени населением с 2019 г. будут проводиться 1 раз в 5 лет и будут охватывать уже 45 тыс. домашних хозяйств, данное исследование имеет также и некоторую методологическую ценность. В частности, наши результаты могут быть использованы при составлении временных рядов при анализе тенденции и эффективности проводимых мер социально-демографической политики. Показатели Национальных счетов трансфертов времени являются удобным инструментом анализа потенциальных последствий демографических процессов. Профили производства и потребления трансфертов времени, рассчитанные в рамках Национальных счетов трансфертов времени, дают возможность выявить группы населения, испытывающие дефицит ресурсов, а также группы населения, обеспечивающие собственное потребление и выступающие донорами времени для других членов домохозяйства. Национальные счета трансфертов времени позволяют наглядно представить возможные последствия принятия тех или иных решений в области социально-демографической политики и тем самым дают возможность оперативно реагировать на изменение структуры и потребностей населения.

В будущих исследованиях мы планируем рассмотреть детерминанты распределения бюджетов времени в домохозяйствах по данным 2014 г., а также проследить, как меняется распределение времени в домашнем хозяйстве и факторы, определяющие это распределение, по данным 2019 г. Один из интересующих нас частных вопросов: в какой степени снижение участия женщин в домашнем труде связано с ростом использования трудосберегающих технологий, а в какой степени – с ростом эгалитарности в семейных отношениях, т.е. замещением женского домашнего труда мужским. Второй вопрос связан с отсутствием пиков у женщин и мужчин в старших возрастах в производстве трансфертов времени в рамках экономики заботы. Возможно, в домохозяйствах с маленькими детьми помощь старшего поколения в уходе за внуками и внучками осуществляется посредством

увеличения затрат времени на ведение домохозяйства, а не напрямую увеличением экономики заботы. Отдельное направление исследования – междомохозяйственные трансферты времени (в рамках расширенной семьи, члены которой проживают в разных домохозяйствах).

ЛИТЕРАТУРА

- Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением Российской Федерации (2015). Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (дата обращения: 12.03.2018).
- Гвоздева Г.П. (2000). Неоплачиваемый труд как фактор адаптации россиян в период кризиса // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 1. 1: 55-68.
- Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением (2010). М.: ФСГС: 7-78.
- Калабихина И.Е. (2004). Время на домашнюю работу: факторы нагрузки // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004-2006 гг.». М.: ТЕИС
- Калабихина И.Е. (2011). Гендерный переход и качество жизни // Уровень жизни населения регионов России. 8: 42–48.
- Патрушев В.Д., В.А. Артемов, О.В. Новохацкая (2001). Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 6: 112-120.
- Пруденский Г.А. (1972). Проблемы рабочего и внерабочего времени. М.: Наука. 335 с.
- Социология в России (1996). Учебник / Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство «На Воробьевых». 700 с.
- Струмилин С. Г. (1957). Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат. 735 с.
- Темкина А.А., А. Роткирх (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 11: 4-14.
- Albertini M., M. Kohli, C. Vogel (2007). Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns – different regimes? // Journal of European Social Policy. 17: 319-334.
- Anxo D., L. Flood, L. Mencarini, A. Pailhé, A. Solaz , M.L. Tanturri (2007). Time allocation between work and family over the life-cycle: A comparative gender analysis of Italy, France, Sweden and the United States // IZA DP. 3193: 1-35.
- Apps P., R. Rees (2005). Gender, time use and public policies over the life-cycle // IZA. 1855: 1-36.
- Attias-Donfut C., F.-C. Wolff (2000). Complementarity between private and public transfers // The Myth of Generational Conflict / S. Arber, C. Attias-Donfut, eds. London: Routledge: 47–68.
- Becker G.S. (1965). A theory of the allocation of time // The Economic Journal. 75(299): 493-517.
- Bianchi S.M. (2011). Family change and time allocation in American families // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 638: 21–44.

- Brandt M., K. Haberkern, M. Szydlik (2009). Intergenerational help and care in Europe // *European Sociological Review*. 25(5): 585–601.
- Choi H. (2011). Parents' health and adult children's subsequent working status: A perspective of intergenerational transfer and time allocation // *Journal of Family and Economic Issues*. 32(3): 493–507.
- Clark C. (1958). The economics of housework // *Bulletin of the Oxford institute of Statistics*: 205-211.
- Deloach S.B., A.L. Hoffman (2002). Russia's second shift: is housework hurting women's wages? // *Atlantic Economic Journal*. 30(4): 422-32.
- Donehower G. (2014). Incorporating gender and time use into NTA: Estimating NTA and national time transfer accounts by sex. URL: <http://www.ntaccounts.org/web/nta/show/Gender,%20Time%20use> (дата обращения: 12.03.2018).
- Dukhovnov D., E. Zagheni (2015). Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex // *Population and Development Review* 41(2): 183–206.
- Fitzgerald J. (1990). Measuring the value of household output: a comparison of direct and indirect approaches // *Review of Income and Wealth*. Series 36. 2: 129-141.
- Giannelli G., L. Mangiavacchi, L. Piccoli (2011). GDP and the value of family caretaking: How much does Europe care? // *Applied Economics*. 44(16): 2111- 2131.
- Hamdad M. (2003). Valuing households' unpaid work in Canada, 1992 and 1998: Trends and sources of change // *Statistics Canada Economic Conference*: 1-14.
- Hochschild A. (1989). *The Second Shift. Working Parents and the Revolution at Home* // New York: Viking. 322 p.
- Human Development Report (2006). *Beyond scarcity: Power, poverty and the global water crisis*. United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/267/hdr06-complete.pdf> (accessed: 29.09.2018).
- ICATUS (2016). United Nations Statistics Division. *International Classification of Activities for Time Use Statistics 2016*.
- Kuznets S., L. Epstein, E. Jenks (1944). *National Income and its Composition* // National Bureau of Economic Research. 388 p.
- Landefeld J.S., B.M. Fraumeni, C.M. Vojtech (2009). Accounting for household production: A prototype satellite account using the American time use survey // *Review of Income and Wealth*. Series 55(2): 205–225.
- Layard R., A. Clark, F. Cornaglia, N. Powdthavee, J. Vernoit (2014). What predicts a successful life? A life-course model of wellbeing // *Economic Journal*. 124: 720-738.
- Leopold T., M. Raab (2010). Intergenerational exchange of time and money: Short-term reciprocity in parent-child relationships // *National Council on Family Relations*: 105-119.
- Lewis J. (1992). Gender and the development of welfare regimes // *Journal of European Social Policy*. 2(3): 159-173.
- Löfmark M.H. (2007). Gender and time allocation differences in Taganrog, Russia // *International Journal of Time Use Research*. 4. 1: 69-92.
- McDonald P. (2000). Gender equity in theories of fertility transition // *Population and Development Review*. 26(3): 427-439.

- Mitchell W., W.I. King, F.R. Macaulay, C.W. Knauth (1921). Income in the United States: its Amount and Distribution // National Bureau of Economic Research. 154 p.
- Reid M. (1934). Economics of Household Production // New York: Wiley. 424 p.
- Riley L.D., C.P. Bowen (2005). The sandwich generation: Challenges and coping strategies of multigenerational families // The Family Journal. 13(1): 52–58.
- Szydlik M. (2004). Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence // European Sociological Review. 20: 31–45.
- Vargha L., R.I. Gál, M.O. Crosby-Nagy (2017). Household production and consumption over the life cycle: National time transfer accounts in 14 European countries // Demographic Research. 36(32): 905-944. URL:<https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/32/36-32.pdf> (дата обращения: 29.09.2018).
- Webber D. (2017). Measuring and valuing unpaid household service work // Workshop on Gender Statistics (Belgrade, Serbia, 27-28 November): 1-35.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Список видов деятельности, вошедших в анализ**

Группа видов деятельности (согласно Методологии)	Код вида деятельности (согласно Опросу)	Наименование вида деятельности (согласно Опросу)
1. Уборка	K_1280	Уборка помещений
2. Стирка белья (включая шитье ремонт одежды)	K_634	Прядение, ткачество, шитье, окончательная отделка текстильных изделий (для себя)
	K_644	Производство текстильных изделий, за исключением одежды (для себя)
	K_654	Изготовление одежды (для себя)
	K_684	Прочие конкретные виды деятельности, связанные с изготовлением текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и сопутствующей продукции (для себя)
	K_1370	Стирка белья
	K_1380	Глажение, прессование белья
	K_1390	Ремонт одежды, чистка и мелкий ремонт обуви
3. Кулинария (приготовление пищи и напитков)	K_1400	Прочие конкретные виды ухода за текстильными изделиями и обувью
	K_524	Производство, обработка и консервирование мяса и мясопродуктов (для себя)
	K_544	Изготовление молочных продуктов (для себя)
	K_554	Обработка и консервирование рыбы и рыбопродуктов (для себя)
	K_564	Переработка овощей и фруктов (для себя)
	K_574	Обработка зерновых (для себя)
	K_594	Производство пива и изготовление других напитков, вина или крепких спиртных напитков (для себя)
	K_604	Выпечка хлеба и производство мучных кондитерских изделий (для себя)
	K_614	Изготовление макаронных изделий, лапши и аналогичных продуктов (для себя)
	K_624	Прочие конкретные виды деятельности, связанные с изготовлением других продуктов питания и напитков (для себя)
	K_1250	Приготовление пищи
K_1260	Мытье посуды	
K_1270	Прочие конкретные виды деятельности, связанные с организацией питания	
4. Обслуживание и ремонт	K_694	Изготовление изделий из древесины, в том числе мебели, фурнитуры, статуэток и других украшений (для себя)
	K_704	Изготовление корзин, плетеных изделий и аналогичных предметов (для себя)
	K_724	Работа по металлу (для себя)
	K_744	Изготовление бумаги и бумажных изделий; изделия кустарных промыслов из бумаги (для себя)
	K_900	Капитальный ремонт дома (для себя)
	K_911	Строительство и ремонт построек для животных и домашней птицы, служебных помещений, полевых ограждений/заборов, построек для хранения сельскохозяйственной продукции, ирригационных сооружений (для себя)
	K_1290	Уборка прилегающих территорий и хозяйственных построек

Группа видов деятельности (согласно Методологии)	Код вида деятельности (согласно Опросу)	Наименование вида деятельности (согласно Опросу)
	K_1310	Отопление и водоснабжение (включая обслуживание печей, котлов, отопительных установок и каминов)
	K_1320	Другие конкретные виды деятельности, связанные с уборкой и содержанием жилых помещений и прилегающей территории
	K_1330	Перестройка собственными силами, обслуживание и ремонт жилых помещений, хозяйственных построек, наружных помещений собственными силами
	K_1340	Установка, обслуживание и ремонт личных вещей и предметов домашнего обихода
	K_1350	Обслуживание и мелкий ремонт транспортных средств
	K_1360	Прочие конкретные виды деятельности, связанные с отделкой, обслуживанием и мелким ремонтом собственными силами
5. Уход за газонами и садами	K_1300	Уход за садом, огородом, газонами и др.
6. Управление домохозяйством (включая финансы, планирование и др.)	K_1410	Прочие виды работ по ведению домашнего хозяйства
	K_1540	Неоплачиваемые бытовые услуги, не отнесенные к другим категориям
7. Уход за домашними животными (не ветеринарный уход)	K_1420	Уход за домашними питомцами
8. Покупка товаров и услуг	K_822	Приобретение материальных ресурсов для производства продукции (изготовления изделий), не являющейся первичной (для себя)
	K_1430	Поиск и приобретение потребительских товаров в торговых точках
	K_1440	Поиск и приобретение товаров длительного пользования в торговых точках
	K_1450	Приобретение товаров через сеть Интернет
	K_1460	Прочие конкретные виды действий, связанные с поиском в магазинах и приобретением товаров
	K_1470	Поиски получение услуг в области ремонта и технического обслуживания
	K_1480	Поиск и получение административных услуг
	K_1490	Поиски личных услуг по уходу /медицинских услуг (не для себя)
	K_1510	Поиски и получение услуг по уходу за детьми
	K_1520	Прочие конкретные виды поиска/использования бытовых услуг
9. Уход за детьми	K_1550	Уход за детьми/физический уход
	K_1560	Обучение, подготовка детей, общение
	K_1570	Сопровождение детей (кроме передвижений)
	K_1580	Присмотр за детьми (пассивный уход)
10. Уход за пожилыми (включая волонтерскую деятельность)	K_1590	Уход за взрослыми/физический уход
	K_1591	Беседы, общение
	K_1600	Сопровождение взрослых (кроме передвижений)
	K_1620	Оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства, не отнесенных к другим категориям
	K_1630	Неоплачиваемая помощь другим домохозяйствам
	K_1640	Организованные общественные услуги

Группа видов деятельности (согласно Методологии)	Код вида деятельности (согласно Опросу)	Наименование вида деятельности (согласно Опросу)
	K_1650	Работа на добровольных началах на организацию (не ориентированная непосредственно на отдельных лиц)
	K_1660	Работа на добровольных началах по линии организаций (непосредственно в интересах отдельных лиц)
	K_1670	Посещение встреч и собраний и прочие социальные виды деятельности
	K_1680	Взаимосвязанные виды деятельности: прочие услуги обществу
	K_1700	Услуги обществу и помощь другим домохозяйствам, не отнесенные к другим категориям
	K_794	Изготовление лечебных и санитарных средств из растительного сырья, лекарственных растений (для себя)
11. Передвижения (связанные с деятельностью по уходу и закупкой товаров и услуг)	K_870	Передвижения, связанные с производством продукции, не являющейся первичной (для себя)
	K_1530	Передвижения, связанные с оказанием неоплачиваемых бытовых услуг
	K_1610	Передвижения, связанные с оказанием неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства
	K_1690	Передвижения, связанные с оказанием услуг обществу и помощи другим домохозяйствам

AN ESTIMATION OF HOUSEHOLD TIME TRANSFERS WITHIN HOUSEHOLDS

IRINA KALABIKHINA, ZHADRA SHAIKENOVA

This article is devoted to the study of the distribution of time transfers in Russian households, the determination of the roles of women and men in the production and consumption of household services, and the assessment of "invisible" domestic labor. The study is based on the methodology developed in the framework of the UN National Transfer Accounts Project. As a result of the research we have found an asymmetry of the household duties distribution function between males and females. An empirical dataset has shown that females produce on average almost 3 hours per day more time transfers than males. Thus, females between the ages of 20 and 80 years old provide housekeeping services for the entire household. When household chores are included, a woman's ordinary 8-hour working day may be up to 40% longer. The traditional conclusions about the greater contribution of women both to the care economy and to housekeeping are supported by original conclusions about the age peaks for men and women in the production and consumption of time transfers. A matrix of intergenerational and intergender time transfers was constructed. The volume of "invisible" domestic labor was 25.3% of GDP in 2014.

Key words: time transfers, time use, unpaid work, gender inequality, housekeeping, the economy of care

IRINA KALABIKHINA (ikalabikhina@yandex.ru), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

ZHADRA SHAIKENOVA (shaikenova@mail.ru), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2018.

REFERENCES

- Albertini M., M. Kohli, C. Vogel (2007). Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns – different regimes? // *Journal of European Social Policy*. 17: 319-334.
- Anxo D., L. Flood, L. Mencarini, A. Pailhé, A. Solaz, M.L. Tanturri (2007). Time allocation between work and family over the life-cycle: A comparative gender analysis of Italy, France, Sweden and the United States // *IZA DP*. 3193: 1-35.
- Apps P., R. Rees (2005). Gender, time use and public policies over the life-cycle // *IZA*. 1855: 1-36.
- Attias-Donfut C., F.-C. Wolff (2000). Complementarity between private and public transfers // *The Myth of Generational Conflict* / S. Arber, C. Attias-Donfut, eds. London: Routledge: 47–68.
- Becker G.S. (1965). A theory of the allocation of time // *The Economic Journal*. 75(299): 493-517.
- Bianchi S.M. (2011). Family change and time allocation in American families // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 638: 21–44.
- Brandt M., K. Haberkern, M. Szydlik (2009). Intergenerational help and care in Europe // *European Sociological Review*. 25(5): 585–601.
- Choi H. (2011). Parents' health and adult children's subsequent working status: A perspective of intergenerational transfer and time allocation // *Journal of Family and Economic Issues*. 32(3): 493–507.

- Clark C. (1958). The economics of housework // *Bulletin of the Oxford institute of Statistics*: 205-211.
- Deloach S.B., A.L. Hoffman (2002). Russia's second shift: is housework hurting women's wages? // *Atlantic Economic Journal*. 30(4): 422-32.
- Donehower G. (2014). Incorporating gender and time use into NTA: Estimating NTA and national time transfer accounts by sex. URL: <http://www.ntaccounts.org/web/nta/show/Gender,%20Time%20use> (дата обращения: 12.03.2018).
- Dukhovnov D., E. Zagheni (2015). Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex // *Population and Development Review* 41(2): 183–206.
- Fitzgerald J. (1990). Measuring the value of household output: a comparison of direct and indirect approaches // *Review of Income and Wealth. Series 36. 2*: 129-141.
- Giannelli G., L. Mangiavacchi, L. Piccoli (2011). GDP and the value of family caretaking: How much does Europe care? // *Applied Economics*. 44(16): 2111- 2131.
- Gvozdeva G.P. (2000). Neoplachivaemyy trud kak faktor adaptatsii rossiyan v period krizisa [Unpaid work as a factor in the adaptation of Russians during a crisis] // *Vestnik NGU [Bulletin of the NSU]. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Series: Socio-Economic Sciences]*. 1. 1: 55-68.
- Hamdad M. (2003). Valuing households' unpaid work in Canada, 1992 and 1998: Trends and sources of change // *Statistics Canada Economic Conference*: 1-14.
- Hochschild A. (1989). *The second shift. Working parents and the revolution at home* // New York: Viking. 322 p.
- Human Development Report (2006). *Beyond scarcity: Power, poverty and the global water crisis*. United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/267/hdr06-complete.pdf> (accessed: 29.09.2018).
- ICATUS (2016). United Nations Statistics Division. *International Classification of Activities for Time Use Statistics 2016*.
- Itogi pilotnogo vyborochnogo obsledovaniya ispol'zovaniya (byudzheta) vremeni naseleniem [Results of a pilot sample of time use survey] (2010). Moscow: Rosstat: 7-78.
- Kalabikhina I.E. (2004). Vremya na domashnyuyu rabotu: faktory nagruzki [Time for homework: load factors] // *Materialy nauchnoi konferentsii [Materials of the scientific conference]. Lomonosovskie chteniya 2004-2006. 12-15 aprelya [Lomonosov readings. April 12-15]*. Moscow: TEIS.
- Kalabikhina I.E. (2011). Gendernyy perekhod i kachestvo zhizni [Gender transition and quality of life] // *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [The standard of living of the population of Russian regions]*. 8: 42–48.
- Kuznets S., L. Epstein, E. Jenks (1944). *National Income and its Composition* // National Bureau of Economic Research. 388 p.
- Landefeld J.S., B.M. Fraumeni, C.M. Vojtech (2009). Accounting for household production: A prototype satellite account using the American time use survey // *Review of Income and Wealth. Series 55(2)*: 205–225.
- Layard R., A. Clark, F. Cornaglia, N. Powdthavee, J. Vernoit (2014). What predicts a successful life? A life-course model of wellbeing // *Economic Journal*. 124: 720-738.

- Leopold T., M. Raab (2010). Intergenerational exchange of time and money: Short-term reciprocity in parent-child relationships // National Council on Family Relations: 105-119.
- Lewis J. (1992). Gender and the development of welfare regimes // Journal of European Social Policy. 2(3): 159-173.
- Löfmark M.H. (2007). Gender and time allocation differences in Taganrog, Russia // International Journal of Time Use Research. 4. 1: 69-92.
- McDonald P. (2000). Gender equity in theories of fertility transition // Population and Development Review. 26(3): 427-439.
- Mitchell W., W.I. King, F.R. Macaulay, C.W. Knauth (1921). Income in the United States: its Amount and Distribution // National Bureau of Economic Research. 154 p.
- Patrushev V.D., V.A. Artemov, O.V. Novokhatskaya (2001). Izuchenie byudzhetov vremeni v Rossii XX v. [Studying time use in Russia in the 20th century] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 6: 112-120.
- Prudenzky G.A. (1972). Problemy rabocheho i vnerabocheho vremeni [Problems of working and nonworking time]. Moscow: Nauka. 335 p.
- Reid M. (1934). Economics of Household Production // New York: Wiley. 424 p.
- Riley L.D., C.P. Bowen (2005). The sandwich generation: Challenges and coping strategies of multigenerational families // The Family Journal. 13(1): 52-58.
- Sotsiologiya v Rossii [Sociology in Russia] (1996). Uchebnik [Textbook] / V.A. Yadov, ed. Moscow: Publishing House "Na Vorobyovyh". 700 p.
- Strumilin S.G. (1957). Problemy ekonomiki truda [Problems of Labor Economics]. Moscow: Gospolitizdat. 735 p.
- Szydlík M. (2004). Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence // European Sociological Review. 20: 31-45.
- Temkina A.A., A. Rotkirch (2002). Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in contemporary Russia] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 11: 4-14.
- Vargha L., R.I. Gál, M.O. Crosby-Nagy (2017). Household production and consumption over the life cycle: National Time Transfer Accounts in 14 European countries // Demographic Research. 36(32): 905-944. URL:<https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/32/36-32.pdf> (accessed: 29.09.2018).
- Vyborochnoe nablyudenie ispol'zovaniya sutochnogo fonda vremeni naseleniem Rossiyskoy Federatsii [Selective supervision of use of daily fund of time by the population] (2015). Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (accessed: 12.03.2018).
- Webber D. (2017). Measuring and valuing unpaid household service work // Workshop on Gender Statistics (Belgrade, Serbia, 27-28 November): 1-35.

ГОРОДА-МИЛЛИОННИКИ НА КАРТЕ СМЕРТНОСТИ РОССИИ

АЛЕКСЕЙ ЩУР

Проблема избыточной смертности в России не теряет своей актуальности. Ситуация осложняется и высоким уровнем пространственного неравенства в здоровье, которое в нашей стране принято измерять на региональном уровне. Данная работа – одна из первых попыток взглянуть на динамику и размах географического неравенства в здоровье в России на субрегиональном уровне через призму противопоставления «центра» (в нашем случае городов-миллионников) и «периферии» (остальной территории страны). Города-миллионники были выбраны не случайно, а исходя из сложившейся в России пространственной иерархии, согласно которой самый высокий уровень социально-экономического развития отмечается в крупнейших городах страны. Более высокому уровню развития человеческого капитала, как правило, соответствует более низкий уровень смертности. Используя данные Росстата, мы рассчитали значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении для российских городов-миллионников за 1989-2016 гг. Полученные результаты показали, что на протяжении последней четверти века поляризация в уровне здоровья между городами-миллионниками и остальной территорией России значительно усилилась, став отображением центростремительных процессов, происходящих в нашем Отечестве в этот период. Будучи центрами притяжения внутренних и внешних мигрантов, города-миллионники, как результат, аккумулируют значительно более образованное население, что, безусловно, является важным преимуществом больших городов над «периферией» не только на экономическом фронте, но и в уровне здоровья их жителей, так как людей с высшим образованием отличает более бережное отношение к своему здоровью. Без решения структурных проблем, сдерживающих социально-экономическое развитие за пределами крупнейших агломераций, едва ли возможна конвергенция в уровне смертности между городами-миллионниками и окружающими их территориями.

Ключевые слова: продолжительность жизни, пространственное неравенство в смертности, города-миллионники, уровень образования, центр и периферия.

ВВЕДЕНИЕ

Неравенство в уровне здоровья, как и любой другой вид социально-экономического, т.е. модифицируемого неравенства, – серьезный вызов, стоящий перед государством и обществом [Шкаратан 2009: 556]. В исследованиях неравенства рассматриваются два основных вида различий: межиндивидуальные и межгрупповые [Andreev et al. 2001]. К последним относят неравенство между социально-демографическими группами (в зависимости от пола, расы, национальности, уровня образования, экономического положения, брачного статуса), а также пространственное (географическое) неравенство – между странами, типами поселений (например, городской и сельской местностью), регионами и другими более дробными единицами административно-территориального деления.

АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЩУР (aschur@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАЛОСЬ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ВЕДУЩИХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «5-100».

Статья поступила в редакцию в августе 2018 г.

Изучение неравенства в смертности особенно актуально для России, отличающейся значительными гендерными различиями в ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), существенной региональной дифференциацией, а также одним из самых значительных в мире (для стран с достоверной статистикой смертности) различий в ОПЖ между образовательными группами [Shkolnikov et al. 2006; Неравенство и смертность... 2000]. При этом Россия по ожидаемой продолжительности жизни при рождении сильно отстает не только от большинства развитых стран, но и от многих развивающихся [WHO Mortality Database 2017]. Уровню экономического благосостояния России должна соответствовать гораздо большая ожидаемая продолжительность жизни [Андреев, Школьников 2018]. В этой связи изучение уровня неравенства в здоровье и объясняющих его факторов должно помочь пролить свет на причины отставания России в уровне продолжительности жизни от других стран и выделить «передовые» группы, способные указать на механизмы снижения смертности для «остального населения».

Отставание России от мировых стран-лидеров по величине ожидаемой продолжительности жизни начало нарастать с конца 1960-х годов и свидетельствовало о накопившихся внутри советской системы структурных противоречиях [Eberstadt 1981; Вишневский, Школьников 1997]. СССР, как и весь «Восточный блок», оказался не готов противостоять новым угрозам, вызванным изменившейся эпидемиологической ситуацией – увеличением роли неинфекционных причин смерти. Причем, в отличие от многих других стран Восточной Европы, в 1990-е годы «молодой» России так и не удалось вступить в новый этап эпидемиологического перехода; более того, в стране произошло серьезное ухудшение состояния здоровья, заставившее некоторых исследователей даже говорить об «обратном эпидемиологическом переходе» [Семенова 2005: 235].

Современный этап снижения смертности в России, начавшийся с середины 2000-х годов, трактуется специалистами по-разному. Часть демографов считает, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни в настоящий период носит восстановительный «компенсационный характер» и пока нет оснований говорить о начале второго эпидемиологического перехода в России [Вишневский 2014]. Другие ученые, напротив, отмечают новые тенденции смертности в стране, которые могут рассматриваться как признаки кардиоваскулярной революции [Grigoriev et al. 2014]. Ответить на вопрос, являются ли происходящие изменения в режиме смертности предвестниками начала второго эпидемиологического перехода, по нашему мнению, может помочь изучение тенденций смертности на территориях, находящихся в авангарде ее снижения в России.

Значительная пространственная поляризация в уровне смертности, особенно в периоды ее резкого подъема или, наоборот, быстрого снижения, отмечалась во многих восточноевропейских странах, которые, так же, как и Россия, во второй половине XX века переживали «кризис смертности». Так, в Литве самая высокая продолжительность жизни в 1988-96 гг. была в крупнейших городах, причем разрыв в уровне смертности между городской и сельской местностью в период социально-экономической трансформации увеличивался [Kalediene, Petrauskiene 2000; Kalediene, Petrauskiene 2004]. Похожая картина наблюдалась и в двух других странах Балтии [Krumins et al 2009]. В Белоруссии, пожалуй, самом близком к России в социально-культурном плане государстве, со второй половины 1990-х годов отмечается ярко выраженная тенденция к дивергенции в уровне смертности

между столицей и всей остальной страной. В этот же период аналогичный процесс имел место и в нашей стране. Анализ смертности на внутрирегиональном уровне, проведенный для Белоруссии Павлом Григорьевым и соавторами, показал, что во всех областных центрах, а также в других крупнейших городах, являющихся отдельными административными единицами второго уровня (аналог российских районов и городских округов), уровень смертности существенно ниже, чем на окружающих их территориях [Grigoriev, Doblhammer-Reiter, Shkolnikov 2013]. Есть все основания полагать, что схожая картина наблюдается и в России.

Исходя из больших размеров России и ее климатического, социально-экономического, этнического и другого разнообразия, отечественные и зарубежные ученые уделяют особое внимание изучению тенденций и масштабов различий в уровне смертности в региональном разрезе [Vasin, Costello 1997; Shkolnikov, Vasin 1994; Vallin et al. 2005; Timonin et al. 2017]. Так, еще в советское время было показано, что в России (РСФСР) существовал юго-западный/северо-восточный градиент смертности [Андреев 1979; Школьников 1987], который остается актуальным и по сей день [Timonin et al. 2017]. Кроме того, как правило, отмечается особое «привилегированное» место на «карте смертности» России Санкт-Петербурга и, особенно, Москвы, тенденции и уровень смертности в которых часто противопоставляются общероссийским [Андреев, Кваша, Харькова 2006; Кваша, Харькова 2009]. При этом Москва и Санкт-Петербург, несмотря на все недавние успехи в снижении смертности, значительно отстают по уровню ожидаемой продолжительности жизни от западных мегаполисов [Андреев, Кваша, Харькова 2016].

Социально-экономическое положение и образовательный состав населения действительно отличают бывшую и нынешнюю столицы России от остальной ее территории, вместе с тем другие крупнейшие населенные пункты страны, в первую очередь города с численностью населения свыше одного миллиона человек, также очень часто рассматриваются как опорные точки модернизации страны, ее образовательные и экономические центры, места притяжения людей [Зубаревич 2010]. В этой связи представляется интересным провести сравнительный анализ основных тенденций смертности в двух столицах, а также в других «нестоличных» городах-миллионниках в сравнении с окружающими их территориями (регионами, административными центрами которых они являются), а также с остальной территорией страны. Это поможет ответить на вопрос, находятся ли крупнейшие города в России в авангарде снижения смертности в ней, а также оценить динамику и размер разрывов в ожидаемой продолжительности жизни между ними и их областями.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Объектом изучения в работе являются города России, в которых численность постоянного населения превышает один миллион человек. Работа основана на данных государственной статистики России за 1989-2016 гг. о распределении умерших по полу и пятилетним возрастным группам (0;1-4; ...85+) для отобранных российских городов, чье население на 1 января 2017 г. превышало один миллион человек. Численность постоянного населения по городам в их административных границах на 1 января 1989-2017 гг. взята по данным

Росстата. Для расчета ожидаемой продолжительности жизни при рождении в городах-миллионниках и в остальной части регионов, административными центрами которых являются города-миллионники, были построены краткие таблицы смертности. Стоит сказать, что, по мнению многих демографов, качество проведения переписей 2002 и 2010 г. в Москве вызывает большие опасения [Андреев 2012; Мкртчян 2012]. Особенно остро стоит проблема завышения численности москвичей в самых старших возрастных группах, что приводит к искажению в большую сторону московских показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении [Папанова и др. 2017]. Следуя работе Папановой с соавторами, для получения более реалистичных оценок ожидаемой продолжительности жизни при рождении мы скорректировали рассчитанные для Москвы таблицы смертности с учетом методологии, используемой в Human Life Table Database. Суть коррекции заключается в модификации a_{85+} путем подбора такого значения a_{85} ($=1/m_{85+}$), которое эмпирически (на основе сравнения всего массива таблиц смертности, построенных для стран с качественной статистикой) соответствовало бы наблюдаемому значению e_0 [Shkolnikov V.M. et al. 2017: Appendix 1].

На 1 января 2017 г. в России было 15 городов с постоянной численностью населения свыше одного миллиона человек¹. Принимая во внимание существенные различия в численности населения между Москвой и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и другими крупнейшими населенными пунктами России, с другой (совокупное население двух столичных городов в последние годы превышает суммарное население всех остальных российских городов-миллионников), представляется обоснованным отдельно рассматривать Москву и Санкт-Петербург и вместе оставшиеся города-миллионники. Для этого нами была введена новая категория – *суммарный город* – совокупность *нестолчных* городов-миллионников (т.е. всех российских городов-миллионников, кроме Москвы и Санкт-Петербурга), все показатели для которого рассчитаны путем сложения чисел умерших и численности населения включенных в него городов.

Все российские города-миллионники, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, являются также и административными центрами различных субъектов федерации (областей, республик и краев), концентрируя в себе значительную часть населения и экономического потенциала соответствующих регионов. Чтобы ответить на вопрос, каков уровень смертности в этих регионах за пределами региональных центров, нами были рассчитаны значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении для этих регионов без учета населения, проживающего в центрах регионов (городах-миллионниках) и смертей, в них зарегистрированных. По аналогии с суммарным городом для удобства сравнения была сконструирована категория *суммарный регион*. Кроме того, нами была рассчитана ожидаемая продолжительность жизни для *остальной территории России*, которая не включала бы население городов-миллионников, а также население

¹ Количество и состав городов-миллионников в России в 1989-2016 гг. претерпевали определенные изменения (Приложение 1). Для сопоставимости во времени в каждый год мы будем рассматривать все пятнадцать городов, даже если не во всех из них в этот период численность населения превышала один миллион человек.

Северокавказского федерального округа (СКФО)², т.е. по сути – для России без «мегаполисов».

Основное ограничение данной работы проистекает из определенного несовершенства методик сбора и обработки официальных данных российской статистикой, которое может привести к проблеме смещения числителя и знаменателя при расчете коэффициентов смертности и, следовательно, при построении таблиц смертности. Так, смерть человека может быть зарегистрирована не только по месту его юридического проживания (где он числится в знаменателе – постоянном населении), но и по месту его смерти. Это особенно актуально для крупных городов как центров притяжения мигрантов, не учтенных статистикой, а также пациентов, приезжающих на лечение в крупные города – административные центры своих регионов или в Москву и умирающих там [Демографическая ситуация... 2006: 264].

Еще острее стоит «проблема знаменателя». Во-первых, межпереписные оценки населения для всех городов-миллионников, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, не пересчитываются от результатов последней переписи, что хорошо видно на графике численности постоянного населения суммарного города за 1989-2017 гг. (Приложение 2). Здесь же можно наблюдать и влияние изменений практики статистического учета на излете советского периода: население Самары, Перми, Нижнего Новгорода, Красноярска, Челябинска, Екатеринбурга на 1 января 1989 г. включало население ЗАТО (суммарно примерно 200 тыс. человек), начиная с 01.01.1990 население ЗАТО исключено из оценок Росстатом постоянного населения этих городов. Другой аспект – качество проведения в России переписей 2002 и 2010 г., особенно в Москве и республиках Северного Кавказа [Андреев 2012] (во многом именно поэтому последние были полностью исключены из нашего исследования); происходит двойной учет одних групп населения (студентов, мужчин призывного возраста) и недоучет других (иностранцев, трудовых мигрантов), злоупотребление административными базами данных, которые не всегда отображают актуальную ситуацию (в первую очередь, они недоучитывают эмиграцию), что приводит в том числе к проблеме «бессмертных пожилых», которую можно отчетливо наблюдать в Москве и Санкт-Петербурге (Приложение 3). Вместе с тем внесенные в ответ на данные ограничения коррективы в методологию исследования несколько снизили влияние этих проблем на полученные результаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На рисунке 1 со второй половины 1990-х годов можно наблюдать значительную дивергенцию ожидаемой продолжительности жизни при рождении между Москвой и Санкт-Петербургом (и в меньшей степени другими городами-миллионниками), с одной стороны, и *остальной территорией России* – с другой. Переломной точкой стал 1994 год³, после которого смертность в крупнейших городах страны (и, особенно, в двух столицах) стала снижаться опережающими темпами. Рост смертности в начале 2000-х годов также

² СКФО не включен в силу ряда причин, касающихся сомнений в качестве данных в округе.

³ Год с самой низкой ОПЖ при рождении в России как минимум за последние полвека.

шел интенсивнее на остальной территории России⁴, что только усилило разрыв в продолжительности жизни между «периферией» и «центром», представленным в нашем исследовании крупнейшими городами с численностью населения свыше одного миллиона человек. Разрыв между максимальным и минимальным значением ожидаемой продолжительности жизни в этот период (1994-2005 гг.) вырос с 1,36 года для мужчин и 1,05 года для женщин до 9,18 (8,98 по скорректированным данным) и 4,67 (4,63) года соответственно (рисунок 1). Особенно значителен отрыв Москвы как от остальной территории страны, так и от других городов-миллионников, включая Санкт-Петербург, смертность в котором в свою очередь остается ниже, чем во всех других рассматриваемых городах. Подъем смертности, имевший место в России в первой половине 2000-х годов, в меньшей степени затронул крупнейшие города страны (как уже отмечалось выше) и почти не затронул Москву, что сильно отличает ее от остальных субъектов РФ⁵.

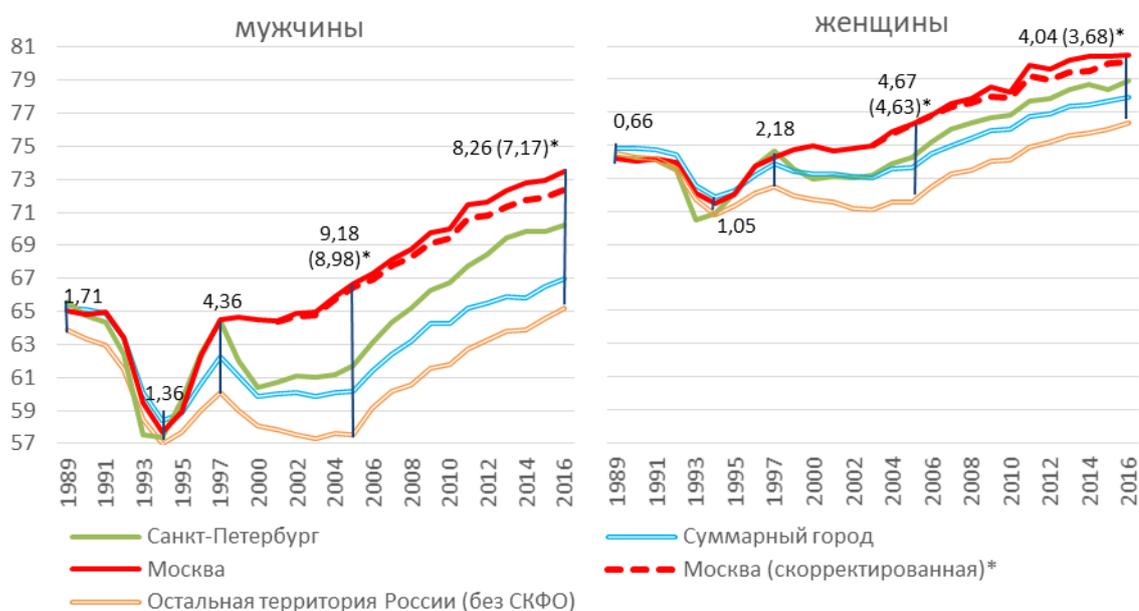

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Москве, Санкт-Петербурге, суммарном городе и на остальной территории России (без СКФО), 1989-2016, годы

Примечание: Вертикальные линии на графике показывают размах между максимальным и минимальным значением в выбранные годы.

Снижение смертности, начавшееся в России в 2004 г., отличается от предыдущих кратковременных периодов ее сокращения своей рекордной (для периода с 1965 г.) длительностью [Shkolnikov et al. 2013]. Однако рост ожидаемой продолжительности жизни, наблюдавшийся в этот период во всех регионах страны, не сопровождался каким-либо значительным сокращением уровня неравенства в смертности между «столицами» (Москвой и Санкт-Петербургом) и остальной территорией России. Вместе с тем самые

⁴ Тогда как рост смертности в начале 1990-х годов был сильнее выражен в крупных городах [Shkolnikov et al 1998: 1995-2011].

⁵ Помимо Москвы, минимальный рост смертности отмечался в северокавказских республиках, а также в «нефтегазовых» округах (ХМАО, ЯНАО).

высокие темпы увеличения продолжительности жизни в 2004-2016 гг. отмечались именно в Санкт-Петербурге, что позволило ему существенно оторваться от *суммарного города* и сократить отставание от Москвы. Кроме того, обращает на себя внимание слабая (относительно как столиц, так и остальной территории страны) динамика ожидаемой продолжительности жизни мужского населения в суммарном городе в 2010-е годы. В большинстве городов-миллионников в этот период перестает снижаться или даже увеличивается смертность от некоторых причин смерти, обусловленных злоупотреблением алкоголем (отравления, циррозы), однако схожие процессы происходят и в России в целом. Что действительно отличает ситуацию в суммарном городе от остальной территории страны в этот период, так это намного более высокий уровень смертности от болезни, вызванной ВИЧ [Щур 2018: 109].

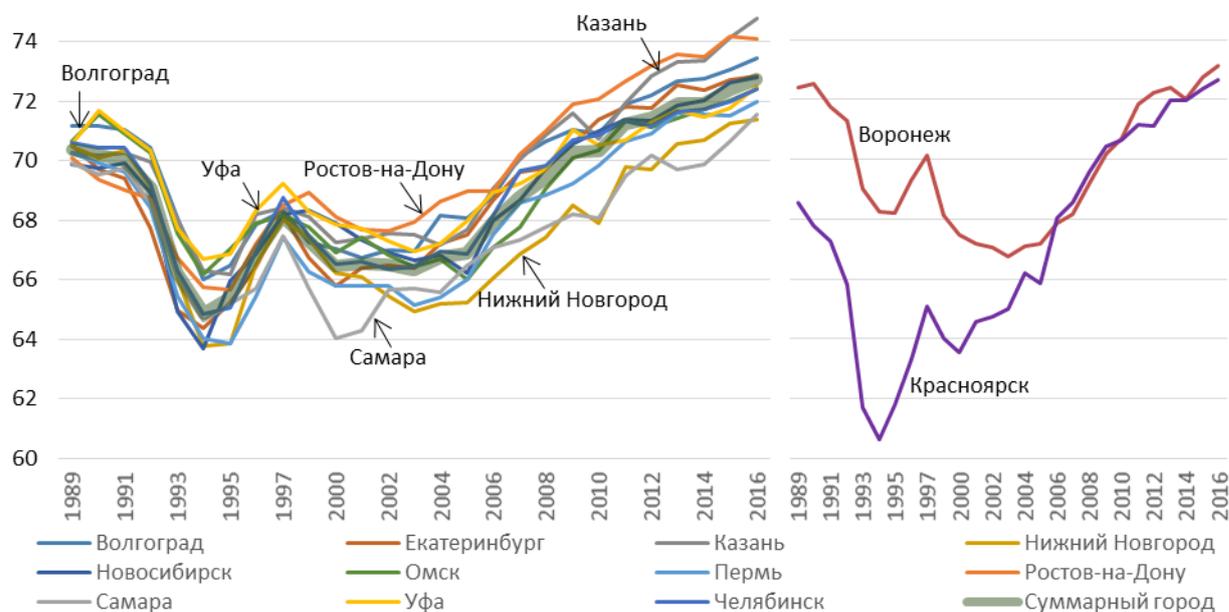

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в городах-миллионниках (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) и суммарном городе, 1989-2016, годы⁶

На рисунке 2 представлена динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в городах-миллионниках за исключением Москвы и Санкт-Петербурга; из него следует, что в исследуемый период для городов-миллионников были характерны те же колебания, что и для России в целом. Тем не менее размах этих колебаний был неодинаков для разных городов, что предопределило увеличение разрыва между максимальным и минимальным значением продолжительности жизни с 1,26 года в 1989 г. до 3,37 года в 2016 г. (величина стандартного отклонения для 11 городов-миллионников⁷ за этот же период выросла с 0,37 года до 1,02 года – Приложение 5). В 1990-е годы самая высокая продолжительность жизни отмечалась поочередно в Волгограде, Уфе и Омске, самая низкая – в Новосибирске, Екатеринбурге, Перми. В 2000-е годы картина поменялась: сложилась группа «аутсайдеров» (Самара и Нижний Новгород), существенно отстающая от

⁶ См. Приложение 4.

⁷ Без Воронежа и Красноярска.

других городов-миллионников, и дуэт лидеров (Казань и Ростов-на-Дону), где уровень смертности значительно ниже общероссийского.

Традиционные факторы, влияющие на уровень смертности, такие как уровень образования населения или уровень социально-экономического развития территории, как будет показано ниже в разделе «Дискуссия», полностью не объясняют различия в ожидаемой продолжительности жизни между российскими городами-миллионниками. Обнаружить какую-либо связь между размером города (численностью его населения) или географическим положением (принадлежностью к тому или иному российскому макрорегиону) и величиной продолжительности жизни также не удалось. Если обратиться к группе городов, в которых в настоящее время фиксируется пониженный (относительно суммарного города) уровень смертности, то их объединяют либо более благоприятные климатические условия (Волгоград, Воронеж, Ростов-на-Дону), либо эти города – среди лидеров по развитию третичного сектора экономики с соответствующей структурой занятости⁸ (Екатеринбург, Новосибирск, отчасти Казань, Ростов-на-Дону).

Отдельно хотелось бы остановиться на сравнении Красноярска и Воронежа. Оба эти города до начала 2010-х годов не были миллионниками, при этом в 1990-е годы по уровню продолжительности жизни они располагались на противоположных полюсах, значительно отличаясь в лучшую (Воронеж) и худшую (Красноярск) сторону от всех других исследуемых городов. В 1994 г. Красноярск по величине ожидаемой продолжительности жизни отставал от Воронежа почти на 8 лет. Но уже к 2006 г. Красноярск по этому показателю обгоняет Воронеж; с тех пор в обоих городах отмечается в целом схожий уровень смертности. Возможное объяснение такого сильного разрыва в продолжительности жизни в начале 1990-х годов и последующего его сокращения до минимума к середине 2000-х годов – различная реакция населения на «шоковую терапию», а также различная глубина и скорость проведения рыночных реформ в «патриархальном» Черноземье, бывшем частью «красного пояса», и в Восточной Сибири (регион нового освоения с большим числом недавних приезжих, оказавшихся особенно уязвимыми к радикальной перестройке социально-экономического строя) [Walberg et al 1998].

На рисунке 3 изображена динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в городах-миллионниках и в остальных населенных пунктах, подчиненных им регионов, в 1989 и 2016 г. За рассматриваемый период различия в продолжительности жизни между «центрами» и «периферией» значительно выросли во всех исследуемых регионах. Если в 1989 г. ожидаемая продолжительность жизни в суммарном городе была на 0,8 года выше, чем в суммарном регионе, то в 2016 г. разрыв увеличился почти до 2,5 лет. Во всех субъектах федерации, представленных на рисунке 3, включая два «столичных региона» (Приложение 6), продолжительность жизни в административных центрах в 1989-2016 гг. росла намного более быстрыми темпами, чем в остальных населенных пунктах. В ряде регионов, таких как Свердловская и Челябинская области, ожидаемая

⁸ Повышена доля занятых умственным трудом («белые воротнички») и понижена доля занятых ручным трудом («синие воротнички»).

продолжительность жизни за пределами региональных центров в 2016 г. все еще не достигала уровня 1989 г.

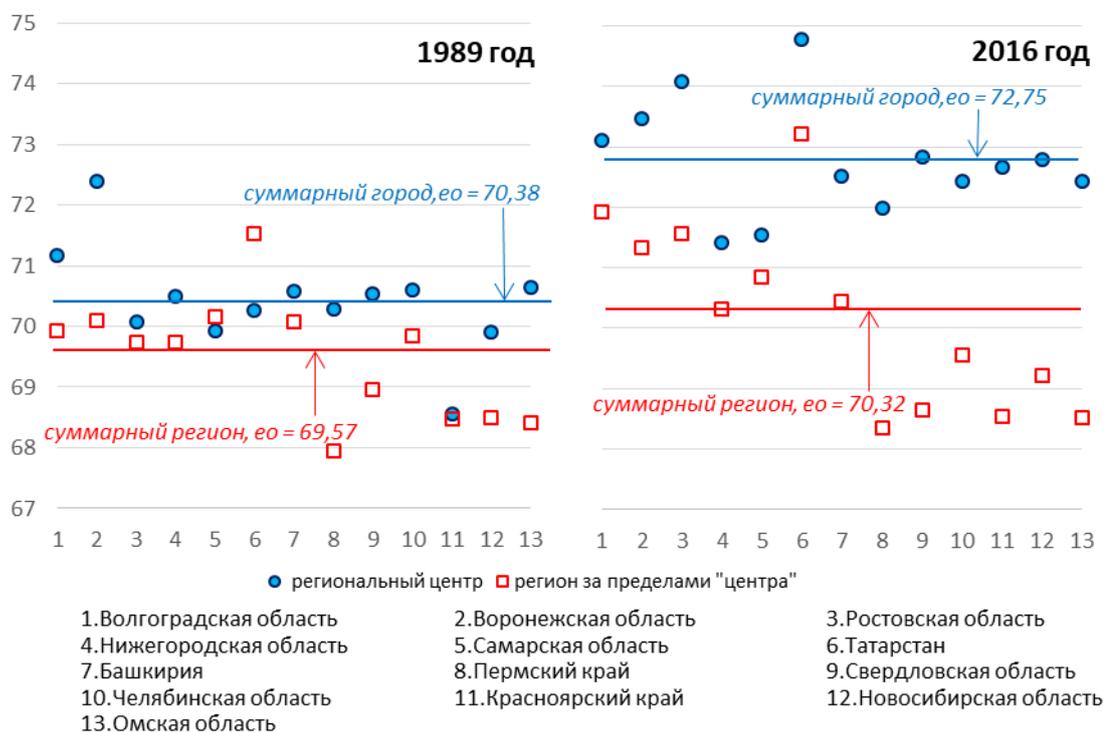

Рисунок 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в городах-миллионниках, на остальной территории их областей, в суммарном городе и суммарном регионе в 1989 и 2016 г., годы

Возможные причины разрыва в продолжительности жизни между городами-миллионниками и окружающими их территориями: различный уровень социально-экономического развития и различный профессионально-образовательный состав населения, неравенство в доступе к современным медицинским технологиям, селекция в результате миграции. Вместе с тем на размах разрыва в ОПЖ могут влиять и другие факторы, определяемые особенностью поселенческой структуры конкретного региона: степень его урбанизированности, доля населения, проживающего в агломерационном поясе административного центра, наличие других крупных городов-центров. Самые сильные различия в продолжительности жизни между «центром» и «периферией» в 2016 г. наблюдались в регионах Урала (Свердловская, Челябинская область, Пермский край) и Сибири (Новосибирская, Омская область, Красноярский край), минимальная разница, как и в 1989 г., фиксируется в Поволжье (Самарская, Нижегородская область).

Дискуссия

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в большинстве городов с численностью населения более одного миллиона человек с конца 1990-х годов выше, чем на остальной территории России. При этом ни один другой российский город-миллионник с начала XXI века не демонстрирует такую же динамику и показатели уровня смертности, как Москва, что подтверждает ее уникальное положение на «карте смертности» России.

Чем же можно объяснить различия в уровне смертности между городами-миллионниками и остальной страной, а также между Москвой и другими крупнейшими российскими городами? Мы сконцентрируем наше внимание на двух факторах: уровне экономического развития (как прокси-показателе уровня жизни) и образовательном составе населения.

Связь между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и уровнем экономического развития, выраженным через объем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, на уровне отдельных территорий (как правило, государств) описывает так называемая кривая Престона, показывающая, что существует прямая зависимость между этими двумя показателями [Preston 2007]. Однако Россия как на уровне всей страны (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, исходя из величины ВВП на душу населения, должна быть существенно выше наблюдаемой), так и на уровне регионов (какая-либо связь между долголетием и экономическими показателями в нашей стране отсутствует) выбивается из этой закономерности [Андреев, Школьников 2018]. Вместе с тем наша страна характеризуется сильной поляризацией экономического пространства, в том числе на субрегиональном уровне. Так, в тринадцати нестоличных городах-миллионниках в 2015 г. проживало 37% суммарного населения регионов, административными центрами которых они являются, при этом в них было произведено 48% совокупного валового регионального продукта (ВРП) этих регионов (Приложение 7). В 2015 г. ВРП на душу населения в одиннадцати из тринадцати рассматриваемых субъектов федерации был выше в центре, чем на остальной территории региона (в 1,4 – 3,2 раза), лишь в Татарстане (добыча и переработка нефти) и Красноярском крае (Норильский никель, Ванкорское нефтегазовое месторождение) наблюдалась обратная ситуация. В среднем ВРП на душу населения в городах-миллионниках был в 1,6 раза выше, чем в населенных пунктах их областей.

На рисунке 4 (левый график) видно, что в 2015 г. самый высокий ВРП на душу населения, значительно превышающий значения в других городах-миллионниках и на остальной территории России, был зафиксирован в Москве, это же справедливо и для величины ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Кроме того, во всех городах-миллионниках валовой городской продукт на душу (ВГП) был выше, чем на остальной территории страны, так же, как и величина продолжительности жизни. Вместе с тем без учета Москвы какая-либо связь на уровне городов-миллионников между величиной валового городского продукта на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении отсутствовала.

На правом графике (рисунок 4) можно наблюдать, помимо городов-миллионников, ВРП на душу населения и ОПЖ при рождении в регионах, административные центры которых – города-миллионники, но без учета последних, т.е. на остальной территории соответствующих областей (и республик). Диаметр круга на графике прямо пропорционален населению региона. Как и на левом графике, на правом видно, что между ВРП (ВГП) на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении существует прямая связь, и это при том, что валовой региональный продукт как показатель уровня экономического развития отнюдь не лишен недостатков (так, доля экономики, приходящейся на малый бизнес, который сложнее охватить статистическим наблюдением, как и доля теневой экономики, может сильно различаться между регионами). С другой

стороны, высокий уровень экономического развития не всегда транслируется в хорошее состояние здоровья населения. Наглядный пример – Красноярский край за пределами региональной столицы, где очень высокий ВРП на душу населения сочетается с очень низкой продолжительностью жизни. Однако в целом нам кажется, что на субрегиональном уровне в России экономическая поляризация (неравенство) между центральными городами и остальной территорией соответствующих областей и вытекающая из этого разница в уровне жизни могут служить одним из объяснений существующего центрально-периферийного разрыва в уровне здоровья (смертности) населения.

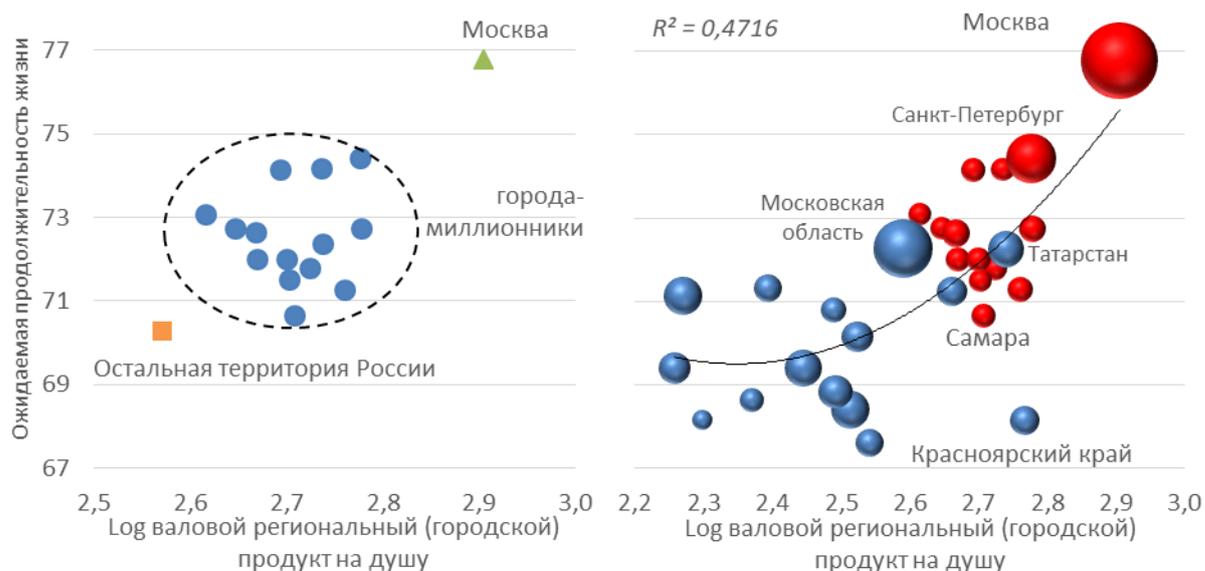

Рисунок 4. Взаимосвязь между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и валовым городским (региональным) продуктом на душу населения (по ППС) в российских городах-миллионниках (красный цвет), на остальной территории их областей (синий цвет) и на остальной территории России, 2015

Благодаря более высокому уровню экономического развития (а значит, и более высокому уровню жизни) почти все города-миллионники в России являются центрами притяжения для внутренних и внешних мигрантов, которые, как правило, в силу селективности (для того чтобы совершить переезд и закрепиться, желательно обладать крепким здоровьем) имеют более низкие показатели смертности, по сравнению как с принимающим («коренным») населением, так и с население тех мест, откуда мигранты происходят [Razum, Zeeb, Rohrmann 2000: 191-192; Marmot, Adelstein, Bulusu 1984: 1455-1457]. Особенно сильно в России это проявляется на субрегиональном уровне (а в случае Москвы и Санкт-Петербурга – и на межрегиональном), когда наиболее целеустремленные, образованные и, главное, здоровые люди с периферии стремятся переехать в столицы или в областной центр, а не вовлеченными в миграцию остаются менее образованные и амбициозные. Все это приводит к отрицательной селекции по уровню здоровья на периферии и к положительной – в административном центре региона. Это, безусловно, способствует укреплению центрально-периферийного неравенства в смертности в России.

Один из важнейших факторов, влияющих на уровень смертности, – образовательный статус. Многочисленные исследования, в том числе в России, показывают, что люди с более

высоким уровнем образования живут дольше, чем с более низким [Shkolnikov et al. 2004; Харькова, Никитина, Андреев 2017; Пьянкова, Фаттахов 2017]. Образовательный градиент также отмечается и в младенческой смертности (в зависимости от образовательного статуса матери) [Cochrane, Ohara, Leslie 1980: 95; Кваша 2008]. Учитывая, что почти все города-миллионники в России еще с советского времени являются крупными университетскими центрами (а в своих регионах – крупнейшими и подчас единственными), а большая часть иногородних студентов стремится остаться по месту получения высшего образования (а если и хотят переехать, то в еще более крупный город, как правило, в столицу или за рубеж), то немудрено предположить, что в крупнейших городах страны в сравнении с остальной территорией России высшее образование имеет повышенная доля населения, чем в значительной степени и можно объяснить различия между ними в уровне смертности. Для проверки этой гипотезы мы обратились к данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в которой содержался вопрос об уровне образования. Нами была рассчитана стандартизованная (по однолетним возрастным группам, стандарт – возрастной состав населения России по переписи 2010 г.) доля лиц в возрасте старше 30 лет (возраст, после которого образовательный статус человека меняется крайне редко), имеющих высшее образование, для всех городов-миллионников, а также для остальных населенных пунктов областей или республик, административные центры которых – города-миллионники и для остальной территории России, суммарного города и суммарного региона. Не указавшие уровень образования были распределены пропорционально между всеми образовательными группами. Полученные результаты представлены на рисунке 5.

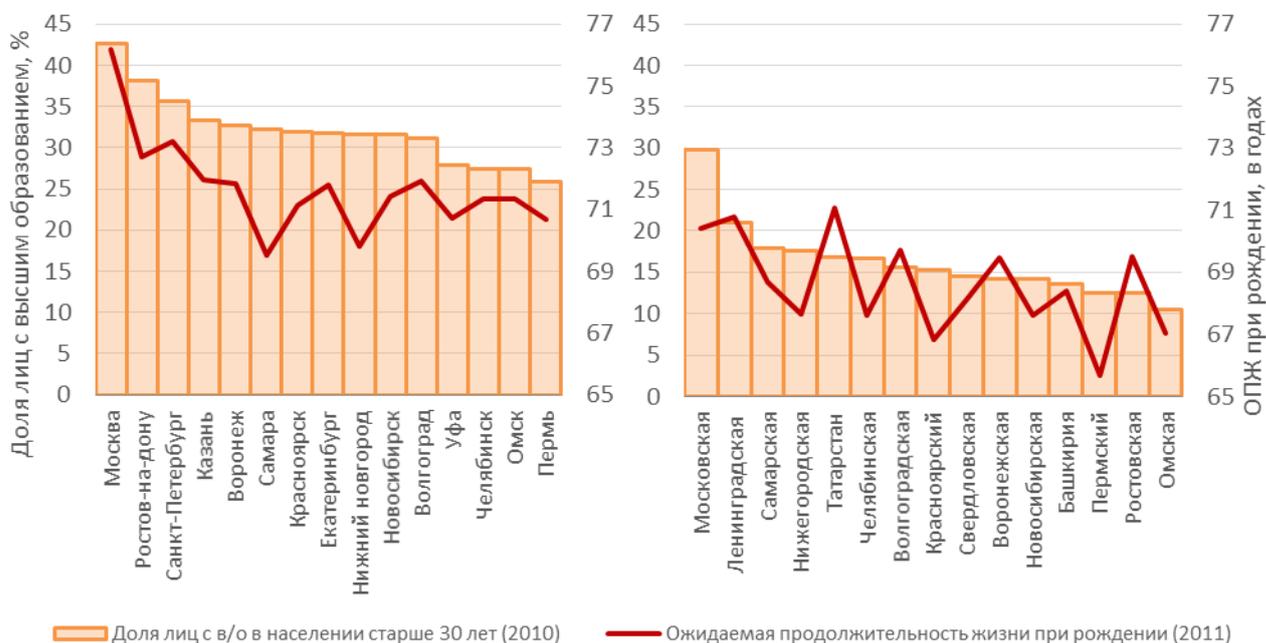

Рисунок 5. Доля лиц в населении старше 30 лет, имеющих высшее образование (левая шкала), и ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2011 г. (правая шкала) в российских городах-миллионниках и на остальной территории соответствующих областей

Действительно, города-миллионники в России отличаются повышенной долей лиц с высшим уровнем образованием (31% в суммарном городе, который, напомним, не включает

Москву и Санкт-Петербург, против лишь 15,5% в суммарном регионе и 19,6% на остальной территории России). Москва, в свою очередь, как и с ВВП на душу населения, по доле лиц с высшим образованием существенно отличается в лучшую сторону от других городов-миллионников. Интересно, что на втором месте по этому показателю оказался Ростов-на-Дону, а не Санкт-Петербург, занявший только третье место. В Ростовской же области самый большой разрыв в уровне «образованности» между центром и остальной территорией области. Отметим также, что в населении Московской области доля лиц, окончивших вуз (почти 30%), выше, чем в четырех из пятнадцати городов-миллионников, при этом в Омской области за пределами Омска лишь один человек из десяти имеет высшее образование.

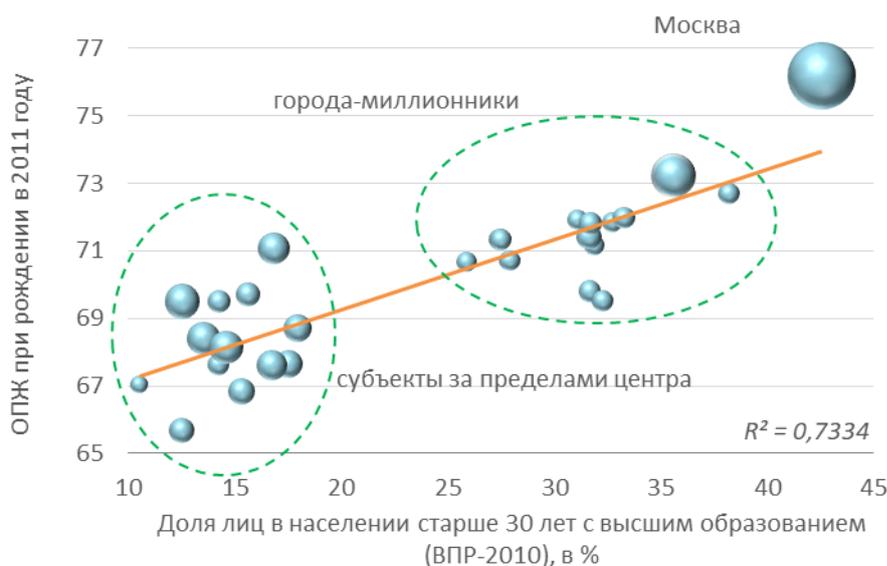

Рисунок 6. Взаимосвязь между ОПЖ при рождении и долей лиц в населении с высшим образованием в российских городах-миллионниках и в их областях за пределами центра

На рисунке 6 отчетливо проявляются три кластера – Москва, остальные города-миллионники, включая Санкт-Петербург, и их области за пределами центра, – которые заметно отличаются друг от друга как по доле в населении старше 30 лет лиц с высшим образованием, так и по величине ожидаемой продолжительности жизни при рождении. При этом связь между образовательной структурой и смертностью оказывается значительно сильнее, чем между смертностью и уровнем экономического развития. В двух городах – Самаре и Нижнем Новгороде – ожидаемая продолжительность жизни при рождении существенно ниже, чем можно было бы ожидать, исходя из их образовательной структуры (высокой доли лиц с высшим образованием). Возможно, в этих городах по сравнению с другими повышена доля лиц с очень низким уровнем образования, также в случае Самары стоит отметить фактор самой высокой из всех городов-миллионников смертности от ВИЧ, а также от внешних причин смерти [Щур 2018: 109]. Интересно, что если для городов-миллионников уровень образования достаточно сильно коррелирует с величиной ОПЖ при рождении, то для их областей за пределами центра этот фактор не имеет большого значения, намного важнее оказывается географический фактор (юго-

западный/северо-восточный градиент смертности) и, возможно, еще этнический (в случае Татарстана и в меньшей степени Башкирии).

Объясняя более высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни при рождении в городах-миллионниках, не стоит пренебрегать и фактором полноты охвата населения медицинским обслуживанием, особенно современными медицинскими технологиями, которая, в силу плотности (размещения) населения и логистики (инфраструктуры), значительно выше в крупнейших агломерациях, нежели за их пределами. Как пример, если в городах-миллионниках все население живет в часовой транспортной доступности от ЧКВ-центров⁹, то для России в целом этот показатель составляет лишь 45% [Timonin et al. 2018]. Представляется, что географическое неравенство в уровне доступности современной медицины – это именно то, на что легче всего повлиять правительственным акторам, в то время как другие (структурные) факторы, такие как различие в уровне экономического развития или в образовательной структуре, а также центрально-периферийное направление миграционных потоков, имеют сильный инерционный характер, и их влияние едва ли вообще может быть полностью устранено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза, уровень неравенства в смертности между российскими городами-миллионниками и остальной территорией России существенно вырос. Отдельно стоит выделить Москву, которая с 2000-х годов по уровню ожидаемой продолжительности жизни при рождении начинает значительно опережать другие российские города-миллионники. Санкт-Петербург занимает промежуточное положение между столицей и «провинциальными» миллионниками, среди которых, в свою очередь, в 2000-е годы выделяются как группа лидеров (Казань и Ростов-на-Дону), так и группа «аутсайдеров» (Нижний Новгород и Самара). Дифференциация городов-миллионников по уровню ожидаемой продолжительности жизни не определяется уровнем их экономического развития (выраженным через валовой городской продукт на душу населения), размером (численностью населения) или географическими координатами, однако можно увидеть некую связь между образовательным составом населения города (долей лиц старше 30 лет, имеющих высшее образование) и продолжительностью жизни в нем. Отрыв городов-миллионников по уровню ОПЖ от «своих» областей не только значительно увеличился в 1989-2016 гг. (в среднем, почти на 2 года), но и, как правило, превышает размер их отрыва от остальной территории страны, т.е. центрально-периферийное неравенство в смертности в России сильнее выражено именно на субрегиональном уровне. Интересно, что юго-западный/северо-восточный градиент смертности, слабо работающий на уровне городов-миллионников, хорошо предсказывает различия в продолжительности жизни в их областях за пределами «центров». Таким образом, максимальный уровень центрально-периферийного неравенства в смертности наблюдается в регионах Урала и Сибири, где

⁹ ЧКВ – чрескожное коронарное вмешательство (по-другому, стентирование) – наиболее эффективный способ лечения ишемической болезни сердца.

очень низкая продолжительность жизни за пределами региональных столиц, в то время как в рассматриваемых регионах европейской части России разница между «центрами» и «периферией» существенно меньше (за исключением столичного московского региона). Основная причина центрально-периферийного неравенства в смертности в России, как нам кажется, – это чрезмерная централизация как на страновом уровне, так и на уровне отдельных регионов, приводящая к концентрации в региональных центрах большей части человеческого капитала всего возглавляемого ими региона, а в Москве – человеческого капитала всей страны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Е.М. Андрееву, С.А. Тимонину, Т.Л. Харьковской и В.М. Школьникову за ценные советы и помощь в подготовке данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М. (1979). Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М.: Статистика: 7-31.
- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21–35.
- Андреев Е.М., В.М. Школьников (2018). Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. 5(1): 6–24.
- Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова (2006). Особые точки на карте смертности // Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: 298–305.
- Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова (2016). Смертность в Москве и других мегаполисах мира: сходства и различия // Демографическое обозрение. 3(3): 39-79.
- Вишневский А.Г., Школьников В.М. (1997). Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. Научные доклады Московского Центра Карнеги, вып. 19. М: Московский Центр Карнеги. 84 с.
- Вишневский А.Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 1(4): 5–40.
- Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития (2006) / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП. 264 с.
- Зубаревич Н.В. (2010). Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 5: 5–19.
- Кваша Е.А. (2008). Дифференциация младенческой смертности по уровню образования матери в регионах России в конце 80-х - середине 90-х годов 20 века // Демоскоп Weekly. 331–332. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0331/analit06.php> (дата обращения: 04.11.2018).

- Кваша Е.А., Т.Л. Харькова (2009). Россияне и москвичи не равны перед лицом смерти // Демоскоп Weekly. 369–370. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0369/tema01.php> (дата обращения: 04.11.2018).
- Мкртчян Н.В. (2012). Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития. Вып. 22. / Под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс: 197–214.
- Неравенство и смертность в России (2000) / Под ред. В.М. Школьников, Е.М. Андреева, Т.М. Малевой. М.: Сигналь. 123 с.
- Папанова Е.К., В.М. Школьников, Е.М. Андреев, С.А. Тимонин (2017). Высокая продолжительность жизни москвичей после 80 лет – реальность или статистический артефакт? // Успехи геронтологии. 6: 826–835.
- Пьянкова А.И., Т.А. Фаттахов (2017). Смертность по уровню образования в России // Экономический журнал ВШЭ. 21(4): 623–647.
- Семенова В.Г. (2005). Обратный эпидемиологический переход в России. М. 235 с.
- Харькова Т.Л., С.Ю. Никитина, Е.М. Андреев (2017). Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. 8: 61–68.
- Шкаратан О.И. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: Олма Медиа Групп. 556 с.
- Школьников В.М. (1987). Географические факторы продолжительности жизни // Известия АН СССР. Серия Географическая. 3(12): 35-44.
- Щур А. (2018). Тенденции смертности в российских городах с численностью населения свыше одного миллиона человек (1989-2016 гг.): маг. дис-я. М.: НИУ ВШЭ.
- Andreev E., V.M. Shkolnikov, T. Valkonen, A. Begun (2001). Measuring inter-group inequalities in length of life // Genus. 57 (3-4): 33-62.
- Cochrane SH., DJ. Ohara, J. Leslie (1980). The effects of education on health. Washington, D.C., World Bank. 95 p. (World Bank Staff Working Paper №405.)
- Eberstadt N. (1981). The health crisis in the USSR // New York Review Books: 23-21. (Reprinted Int J Epidemiol 2006; 35:1384-94.)
- Grigoriev P., F. Meslé, V.M. Shkolnikov, E. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova et al. (2014). The recent mortality decline in Russia: Beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development Review. 40 (1): 107–129.
- Grigoriev P., G. Doblhammer-Reiter, V.M. Shkolnikov (2013). Trends, patterns, and determinants of regional mortality in Belarus, 1990–2007 // Population Studies-A Journal of Demography. 67: 61-81.
- Kalediene R., J. Petrauskiene (2000). Regional life expectancy patterns in Lithuania // European Journal of Public Health. 10(2):101–104.
- Kalediene R., J. Petrauskiene (2004). Socio-economic transition, inequality, and mortality in Lithuania // Economics and Human Biology. 2(1):87–95.
- Krumins J., D. Jasilionis, L. Mall, V. Stankuniene (2009). Changes of geographical mortality differences in the three Baltic countries during the period of socio-economic transformation. Paper presented at the IUSSP 26th International Population Conference, Marrakech.

- Marmot M.G., A.M. Adelstein, L. Bulusu (1984). Lessons from the study of immigrant mortality // *Lancet*. 2: 1455-1457.
- Preston S.H. (2007). The changing relation between mortality and level of economic development // *International Journal of Epidemiology*. 36 (3): 484–90.
- Razum O., H. Zeeb, S. Rohrmann (2000). The ‘healthy migrant effect’ –not merely a fallacy of inaccurate denominator figures // *International Journal of Epidemiology*. 29(1):191–192.
- Shkolnikov V.M. et al. (2017). Methodology Note for the Life Table Database (LTDB). URL: <http://www.lifetable.de/methodology.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).
- Shkolnikov V.M., A.D. Deev, Ø. Kravdal, T. Valkonen (2004). Educational differentials in male mortality in Russia and northern Europe. A comparison of an epidemiological cohort from Moscow and St. Petersburg with the male populations of Helsinki and Oslo // *Demographic research*. 10(1): 1-26.
- Shkolnikov V.M., E. Andreev, D. Jasilionis, M. Leinsalu, O. Antonova, M. McKee (2006). The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 60 (10): 875-881.
- Shkolnikov V.M., E. Andreev, M. McKee, D.A. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004–2010 // *Demographic Research*. 28(32): 917–950.
- Shkolnikov V.M., G.A. Cornia, D.A. Leon, F. Meslé (1998). Causes of the Russian mortality crisis: evidence and interpretations // *World Development*. 26 (11): 1995–2011.
- Shkolnikov V.M., S. Vasin (1994). Spatial differences in life expectancy in European Russia in the 1980s. // *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991* / W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov, eds. London: Routledge: 379–402.
- Timonin S., A. Kontsevaya, M. McKee, D.A. Leon (2018). Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia // *International Journal of Epidemiology*. 47(5): 1594-1602.
- Timonin S., I. Danilova, E. Andreev, V.M. Shkolnikov (2017). Recent mortality trend reversal in Russia: are regions following the same tempo? // *European Journal of Population*. 33(1): 733-763.
- Vallin J., E. Andreev, F. Meslé, V.M. Shkolnikov (2005). Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia // *Demographic Research*. 12 (13): 323–380.
- Vasin, S., C.A. Costello (1997). Spatial, age, and cause-of-death patterns of mortality in Russia, 1988–1989 // *Premature Death in the New Independent States* / J.L. Bobadilla, C.A. Costello, F. Mitchell, eds. Washington, DC: National Academies Press: 66–119.
- Walberg P., M. McKee, V.M. Shkolnikov, L. Chenet, D.A. Leon (1998). Economic change, crime and Russian mortality crisis: a regional analysis // *British Medical Journal*. 317 (7154): 312–318.
- WHO Mortality Database (2017). URL: http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/ (дата обращения: 10.08.2018).

CITIES OF OVER A MILLION PEOPLE ON THE MORTALITY MAP OF RUSSIA

ALEKSEI SHCHUR

The problem of excess mortality in Russia has not lost its relevance. The situation is complicated by the high level of spatial inequality in health, which is usually measured at the regional level in our country. This work is one of the first attempts to look at the dynamics and extent of spatial inequality in health in Russia at the sub-regional level, by contrasting the "center/core" (in our case, represented by the largest Russian cities) with the "periphery" (the rest of the country). Cities with a population of over a million people were chosen based on the spatial hierarchy that exists in Russia, according to which the highest level of social and economic development is concentrated in the largest cities. As a rule, a higher level of development of human capital corresponds to lower mortality. Using data provided by Rosstat we calculated life expectancy at birth for Russian cities with a population of over a million people in 1989-2016. The results fully coincided with our expectations: the polarization in the health level between the largest Russian cities and the rest of the country has significantly increased in the last twenty-five years, which is a reflection of those centripetal processes that have been taking place in our country during this period. Russian cities with a population of over a million people are attractive destinations for both internal and external migrants, and thus acquire among other things a much more educated population. Since people with higher education take better care of their health, having a more educated population is undoubtedly an essential advantage of bigger cities over the periphery when it comes to the overall health level. Without solving the structural problems that restrain social and economic development outside the largest agglomerations, convergence in mortality rates between cities with a population of over a million people and the surrounding territories is hardly possible.

Key words: *life expectancy, spatial inequality in mortality, cities with a population of over a million people, educational level, core and periphery.*

ALEKSEI SHCHUR (aschur@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESEARCH WAS FUNDED UNDER THE STATE SUPPORT PROGRAM OF THE LEADING UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION "RUSSIAN ACADEMIC EXCELLENCE PROJECT 5-100".

DATE RECEIVED: AUGUST 2018.

REFERENCES

- Andreev E., V.M. Shkolnikov, T. Valkonen, A. Begun (2001). Measuring inter-group inequalities in length of life // *Genus*. 57(3-4): 33-62.
- Andreev E.M. (1979). Prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR: differentsial'nyy analiz [Life expectancy in the USSR: differential analysis] // *Prodolzhitel'nost' zhizni: analiz i modelirovanie* [Lifespan: Analysis and Modeling]. Moscow: Statistika: 7-31.
- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perezisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of Russian population censuses and the level of confidence in different sources of information] // *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics]. 11: 21–35.
- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova (2006). Osobyie tochki na karte smertnosti [The special points on the map of mortality] // *Naselenie Rossii 2003–2004* [Population of Russia 2003–2004]. Odinnadtsatyy-dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Eleventh-twelfth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: 298–305.

- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova (2016). Smernost' v Moskve i drugikh megapolisakh mira: skhodstva i razlichiya [Mortality in Moscow and other megacities of the world: similarities and differences] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 3(3): 39-79.
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov (2018). Svyaz' mezhdru urovniami smernosti i ekonomicheskogo razvitiya v Rossii i ee regionakh [The relationship between mortality and economic development in Russia and its regions] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 5(1): 6–24.
- Cochrane SH., DJ. Ohara, J. Leslie (1980). The effects of education on health. Washington, D.C., World Bank. 95 p. (World Bank Staff Working Paper №405.)
- Demograficheskaya situatsiya v Moskve i tendentsii ee razvitiya [The demographic situation in Moscow and its development trends] (2006) / L.L. Rybakovsky, ed. Moscow: TsSP. 264 p.
- Eberstadt N. (1981). The health crisis in the USSR // New York Review Books: 23-21. (Reprinted Int J Epidemiol 2006; 35:1384-94.)
- Grigoriev P., F. Meslé, V.M. Shkolnikov, E. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova et al. (2014). The recent mortality decline in Russia: Beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development Review. 40(1): 107–129.
- Grigoriev P., G. Doblhammer-Reiter, V.M. Shkolnikov (2013). Trends, patterns, and determinants of regional mortality in Belarus, 1990–2007 // Population Studies-A Journal of Demography. 67: 61-81.
- Kalediene R., J. Petrauskiene (2000). Regional life expectancy patterns in Lithuania // European Journal of Public Health. 10(2):101–104.
- Kalediene R., J. Petrauskiene (2004). Socio-economic transition, inequality, and mortality in Lithuania // Economics and Human Biology. 2(1):87–95.
- Kharkova T.L., S.Yu. Nikitina, E.M. Andreev (2017). Zavisimost' prodolzhitel'nosti zhizni ot urovnya obrazovaniya v Rossii [The dependence of life expectancy on the level of education in Russia] // Voprosy statistiki [Issues of Statistics]. 8: 61–68.
- Krumins J., D. Jasilionis, L. Mall, V. Stankuniene (2009). Changes of geographical mortality differences in the three Baltic countries during the period of socio-economic transformation. Paper presented at the IUSSP 26th International Population Conference, Marrakech.
- Kvasha E.A. (2008). Differentatsiya mladencheskoy smernosti po urovnyu obrazovaniya materi v regionakh Rossii v kontse 80-kh - seredine 90-kh godov 20 veka [Differentiation of infant mortality by the level of education of the mother in the regions of Russia in the late 80s - mid 90s of the 20th century] // Demoscope Weekly. 331–332. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0331/analit06.php> (accessed: 04.11.2018).
- Kvasha E.A., T.L. Kharkova (2009). Rossiyanе i moskvichi ne ravny pered litsom smerti [Russians and Muscovites are not equal in the face of death] // Demoscope Weekly. 369–370. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0369/tema01.php> (accessed: 04.11.2018).
- Marmot M.G., A.M. Adelstein, L. Bulusu (1984). Lessons from the study of immigrant mortality // Lancet. 2: 1455-1457.
- Mkrtychyan N.V. (2012). Problemy ucheta naseleniya otdel'nykh vozrastnykh grupp v khode perepisi naseleniya 2010 g.: prichiny otkloneniy poluchennykh dannykh ot ozhidaemykh [Problems of registration of the population of certain age groups during the 2010 census: reasons for deviations of the data from the expected] // Demograficheskie aspekty sotsial'no-

- ekonomicheskogo razvitiya [Demographic aspects of socio-economic development]. Iss. 22. / M.B. Denisenko, ed. Moscow: MAKS Press: 197–214.
- Neravenstvo i smertnost' v Rossii [Inequality and Mortality in Russia] (2000) / V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, T.M. Maleva, eds. Moscow: Signal. 123 p.
- Papanova E.K., V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, S.A. Timonin (2017). Vysokaya prodolzhitel'nost' zhizni moskvicey posle 80 let – real'nost' ili statisticheskiy artefakt? [High life expectancy of Muscovites after 80 years - a reality or a statistical artifact?] // Uspekhi gerontologii [Advances in gerontology]. 6: 826–835.
- Preston S.H. (2007). The changing relation between mortality and level of economic development // International Journal of Epidemiology. 36 (3): 484–90.
- P'yankova A.I., T.A. Fattakhov (2017). Smertnost' po urovnyu obrazovaniya v Rossii [Mortality by level of education in Russia] // Ekonomicheskij zhurnal VSHE [HSE Economic Journal]. 21(4): 623–647.
- Razum O., H. Zeeb, S. Rohrmann (2000). The 'healthy migrant effect'—not merely a fallacy of inaccurate denominator figures // International Journal of Epidemiology. 29(1):191–192.
- Semenova V.G. (2005). Obratnyy epidemiologicheskij perekhod v Rossii [Reverse epidemiological transition in Russia] (2005). Moscow. 235 p.
- Shchur A. (2018). Tendentsii smertnosti v rossiyskikh gorodakh s chislennost'yu naseleniya svyshe odnogo milliona chelovek (1989-2016 gg.) [Mortality trends in Russian cities with a population of over one million people (1989-2016)]: master thesis. Moscow: NRU HSE.
- Shkaratan O.I. (2009). Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii. [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia] Moscow: Olma Media Grupp. 556 p.
- Shkolnikov V.M. (1987). Geograficheskie faktory prodolzhitel'nosti zhizni [Geographical factors of life expectancy] // Izvestiya AN SSSR. Seriya Geograficheskaya [News of the USSR Academy of Sciences. Geographical series]. 3(12): 35-44.
- Shkolnikov V.M., E. Andreev, D. Jdanov, J. Vallin, F. Meslé, C. Boe, J. Wilmoth, S. Gellers-Barkmann (2017). Methodology note for the Life Table Database (LTDB). URL: <http://www.lifetable.de/methodology.pdf> (accessed: 05.11.2018).
- Shkolnikov V.M., A.D. Deev, Ø. Kravdal, T. Valkonen (2004). Educational differentials in male mortality in Russia and northern Europe. A comparison of an epidemiological cohort from Moscow and St. Petersburg with the male populations of Helsinki and Oslo // Demographic research. 10(1): 1-26.
- Shkolnikov V.M., E. Andreev, D. Jasilionis, M. Leinsalu, O. Antonova, M. McKee (2006). The changing relation between education and life expectancy in central and eastern Europe in the 1990s // Journal of Epidemiology and Community Health. 60(10): 875-881.
- Shkolnikov V.M., E. Andreev, M. McKee, D.A. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004–2010 // Demographic Research. 28(32): 917–950.
- Shkolnikov V.M., G.A. Cornia, D.A. Leon, F. Meslé (1998). Causes of the Russian mortality crisis: evidence and interpretations // World Development. 26(11): 1995–2011.
- Shkolnikov V.M., S. Vasin (1994). Spatial differences in life expectancy in European Russia in the 1980s. // Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 / W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov, eds. London: Routledge: 379–402.

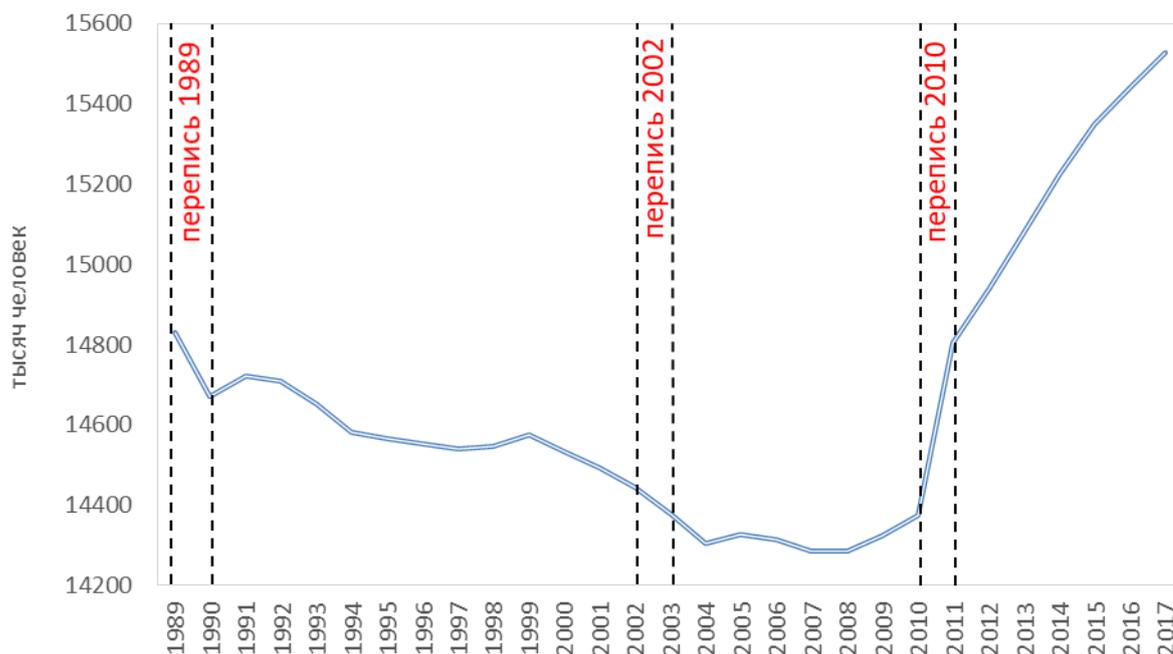
- Timonin S., A. Kontsevaya, M. McKee, D.A. Leon (2018). Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia // *International Journal of Epidemiology*. 47(5): 1594-1602.
- Timonin S., I. Danilova, E. Andreev, V.M. Shkolnikov (2017). Recent mortality trend reversal in Russia: are regions following the same tempo? // *European Journal of Population*. 33(1): 733-763.
- Vallin J., E. Andreev, F. Meslé, V.M. Shkolnikov (2005). Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia // *Demographic Research*. 12(13): 323–380.
- Vasin, S., C.A. Costello (1997). Spatial, age, and cause-of-death patterns of mortality in Russia, 1988–1989 // *Premature Death in the New Independent States* / J.L. Bobadilla, C.A. Costello, F. Mitchell, eds. Washington, DC: National Academies Press: 66–119.
- Vishnevsky A., Shkolnikov V. (1997). Smertnost' v Rossii: glavnye gruppy riska i priority deystviya (Mortality in Russia: main risk groups and priorities of action). *Nauchnye doklady Moskovskogo Tsentra Karnegi* (Scientific reports of the Moscow Carnegie Center), Issue 19. Carnegie Endowment for International Peace: 83 p.
- Vishnevsky A. (2015). Mortality in Russia: the second epidemiological revolution that never was // *Demographic Review*, English selection: 4-33.
- Walberg P., M. McKee, V.M. Shkolnikov, L. Chenet, D.A. Leon (1998). Economic change, crime and Russian mortality crisis: a regional analysis // *British Medical Journal*. 317(7154): 312–318. (accessed: 10.08.2018).
- Zubarevich N.V. (2010). Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala [Cities as centers of economic modernization and human capital] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. 5: 5–19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

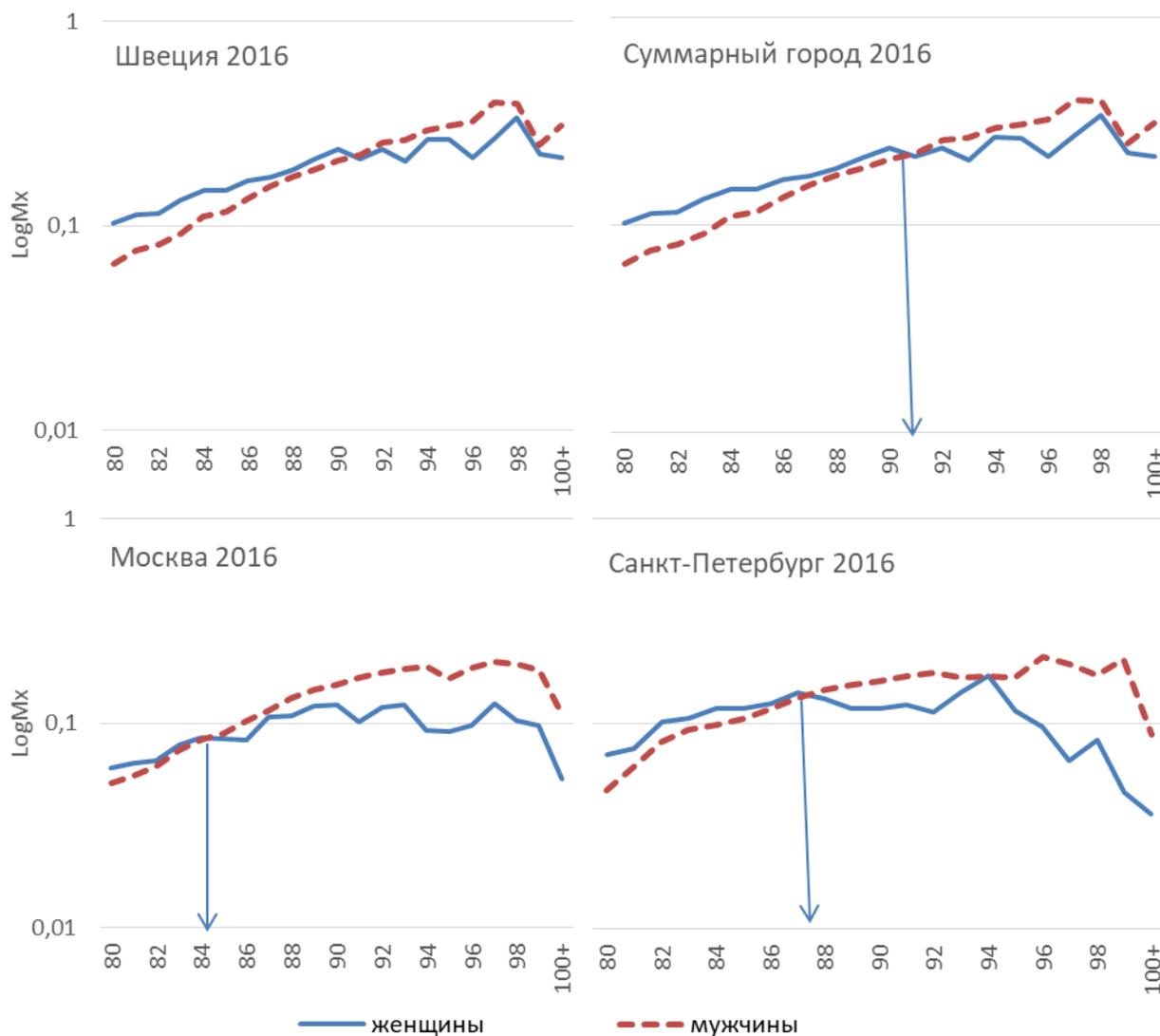
Приложение 1. Среднегодовая численность населения в «нестолличных» российских городах-миллионниках, 1989-2016, тыс. человек

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Волгоград	999	1005	1008	1007	1007	1009	1014	1020	1023	1022	1018	1015	1012	1007	1001	995	989	985	983	981	1000	1020	1019	1018	1018	1017	1016
Воронеж	885	890	890	888	886	885	883	880	876	868	863	858	852	850	849	848	844	840	842	846	914	985	997	1009	1019	1028	1036
Екатеринбург	1333	1307	1310	1305	1297	1295	1298	1299	1301	1304	1300	1298	1295	1290	1296	1306	1312	1319	1328	1338	1348	1365	1387	1404	1420	1436	1450
Казань	1088	1093	1096	1095	1090	1085	1083	1084	1086	1103	1104	1104	1105	1106	1108	1111	1114	1118	1125	1134	1141	1153	1169	1184	1198	1211	1224
Красноярск	895	880	883	883	880	881	884	890	894	902	903	906	910	913	915	919	924	932	942	955	971	988	1007	1026	1044	1060	1075
Нижний Новгоро	1420	1404	1401	1395	1386	1378	1371	1364	1359	1349	1339	1327	1315	1303	1293	1287	1281	1277	1274	1272	1262	1254	1257	1262	1266	1267	1264
Новосибирск	1431	1430	1434	1429	1421	1416	1417	1419	1424	1433	1432	1430	1426	1418	1409	1401	1394	1391	1394	1403	1442	1487	1511	1536	1557	1576	1594
Омск	1154	1164	1170	1171	1168	1167	1168	1167	1167	1164	1156	1146	1136	1127	1133	1141	1137	1133	1130	1128	1141	1155	1159	1163	1170	1176	1178
Пермь	1086	1082	1082	1076	1067	1049	1031	1022	1015	1002	998	996	998	997	992	991	992	989	987	986	989	996	1007	1020	1031	1039	1045
Ростов-на-дону	1010	1018	1025	1030	1034	1040	1047	1052	1056	1061	1063	1065	1067	1065	1060	1056	1053	1050	1049	1049	1070	1094	1100	1107	1112	1117	1123
Самара	1241	1225	1219	1211	1205	1201	1197	1193	1188	1189	1179	1169	1160	1150	1139	1138	1141	1137	1135	1134	1150	1168	1170	1172	1172	1171	1170
Уфа	1081	1085	1087	1086	1082	1080	1082	1075	1068	1073	1073	1070	1056	1042	1038	1033	1026	1022	1023	1028	1048	1069	1075	1087	1101	1108	1113
Челябинск	1127	1113	1110	1104	1093	1086	1085	1084	1085	1086	1083	1082	1078	1073	1083	1094	1092	1092	1093	1095	1114	1137	1150	1163	1176	1188	1195

Приложение 2. Численность постоянного населения во всех нестоличных городах-миллионниках (суммарном городе) на 1 января соответствующего года

Приложение 3. Коэффициент смертности (\log_{mx}) в возрасте старше 80 лет в Москве, Санкт-Петербурге, суммарном городе и Швеции (как стране с одним из самых высоких качеств данных о смертности пожилых)

Приложение 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в российских городах-миллионниках, 1989-2016

Мужчины

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Волгоград	66,3	66,5	66,2	65,0	62,3	60,0	60,6	62,0	62,5	61,3	60,7	60,5	60,5	60,8	62,0	61,9	62,7	64,3	64,7	65,2	65,3	66,0	66,3	67,3	66,9	67,7	68,0
Воронеж	67,4	67,9	66,6	66,0	63,4	61,9	61,7	63,4	64,8	62,1	61,2	60,4	60,3	60,2	60,3	60,6	60,9	61,3	62,8	64,2	64,5	65,6	66,2	66,2	65,5	66,5	67,1
Екатеринбург	65,7	65,0	64,6	62,1	58,6	58,1	58,9	60,2	62,2	60,6	59,0	59,6	60,0	59,8	60,3	61,0	62,4	63,3	63,5	64,6	65,4	66,0	66,1	66,5	66,5	66,8	67,0
Казань	64,8	64,5	64,7	64,0	61,5	59,6	59,3	61,9	62,1	61,5	60,5	60,6	60,7	60,7	59,9	60,6	62,4	63,6	64,7	65,7	64,4	65,8	66,7	67,4	67,5	68,4	69,4
Красноярск	62,9	62,0	61,3	59,2	54,7	53,7	54,4	56,3	58,8	57,4	56,3	57,5	58,0	58,3	59,5	58,9	61,6	62,2	63,7	64,6	64,7	65,2	65,3	66,2	65,9	66,9	66,7
Москва	65,0	64,8	64,9	63,4	59,5	57,7	58,9	62,4	64,5	64,7	64,5	64,4	64,9	65,0	65,9	66,7	67,3	68,2	68,7	69,7	70,0	71,5	71,6	72,3	72,8	73,0	73,5
Нижний Новгород	64,9	64,8	65,1	63,2	59,7	56,9	57,0	60,4	62,1	61,2	59,7	59,6	58,8	58,0	58,3	58,4	58,8	60,0	60,4	61,6	61,3	63,3	63,1	64,0	64,3	65,0	65,0
Новосибирск	64,6	64,2	64,8	63,4	58,6	57,0	59,6	60,7	62,4	62,5	61,7	60,9	60,8	60,1	60,1	59,4	61,1	62,1	63,5	64,6	65,0	65,5	65,3	66,0	66,1	66,7	66,9
Омск	65,6	66,6	65,7	64,7	61,6	59,9	61,0	62,0	62,3	61,6	60,5	61,2	60,7	60,1	60,2	59,1	60,3	61,3	62,7	64,2	64,4	65,4	65,2	65,4	65,5	66,0	66,5
Пермь	65,4	64,9	64,8	63,2	59,7	57,7	57,5	59,3	61,5	60,3	58,9	58,9	59,2	58,7	58,5	59,2	60,9	62,3	62,4	62,9	63,3	64,3	64,8	65,4	65,4	65,3	66,1
Ростов-на-Дону	65,4	64,7	64,3	63,6	60,9	59,5	59,4	61,4	63,4	63,9	62,3	61,9	61,7	62,0	62,9	63,4	63,6	65,1	65,8	66,9	67,2	67,6	68,3	69,1	68,5	69,6	69,7
Самара	64,6	64,0	64,2	62,7	59,9	58,0	58,5	58,8	61,1	58,8	56,8	57,2	59,0	58,9	58,6	59,6	60,3	60,6	61,1	61,8	61,7	63,1	63,8	63,4	63,2	64,4	65,7
Санкт-Петербург	65,6	64,7	64,3	62,4	57,5	57,4	59,6	62,5	64,4	62,0	60,4	60,7	61,1	61,0	61,1	61,7	63,1	64,3	65,2	66,3	66,8	67,8	68,4	69,4	69,8	69,8	70,3
Уфа	65,6	66,5	65,3	64,7	61,5	60,0	60,5	62,5	63,5	62,2	61,4	61,6	61,2	60,7	60,8	61,7	62,6	63,1	63,7	65,4	64,8	65,0	65,3	65,6	65,3	65,7	66,7
Челябинск	65,5	65,6	65,8	63,5	60,2	58,2	58,3	60,6	62,6	61,4	59,9	60,1	60,0	60,0	60,4	60,1	61,7	63,6	63,5	64,4	64,6	65,2	65,2	65,3	65,4	65,8	66,2

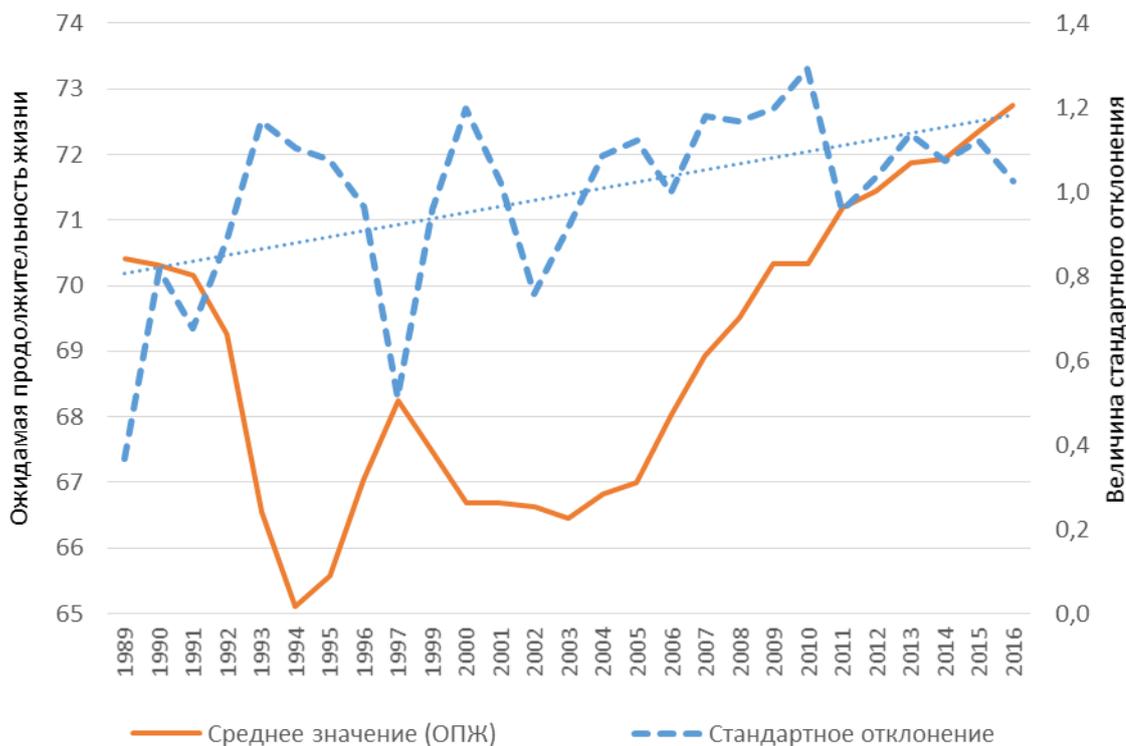
Женщины

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Волгоград	75,5	75,4	75,5	75,5	73,9	72,5	72,7	73,9	74,3	73,5	73,8	73,5	73,9	73,4	74,4	74,3	75,0	75,8	76,4	76,7	76,2	77,4	77,6	77,6	78,2	77,9	78,4
Воронеж	76,7	76,7	76,5	76,2	74,6	74,8	74,8	75,2	75,2	74,1	73,9	74,4	74,1	73,5	74,2	74,0	75,0	75,1	75,4	75,8	76,5	77,6	77,8	78,2	78,2	78,6	78,7
Екатеринбург	74,7	74,0	73,8	73,1	71,6	70,8	71,6	72,7	74,0	72,8	72,7	73,3	72,9	73,0	74,2	74,0	74,7	75,5	75,6	76,0	76,8	76,9	76,8	77,9	77,5	77,9	77,9
Казань	75,0	75,2	75,2	75,5	74,4	73,2	73,2	74,3	74,5	74,6	74,1	74,2	74,4	74,4	74,6	74,8	75,5	76,1	76,5	76,9	76,6	77,5	78,4	78,5	78,5	79,1	79,3
Красноярск	73,5	73,1	72,7	72,4	69,5	68,6	70,3	70,9	71,3	70,9	71,3	72,0	71,8	72,0	72,9	72,9	74,1	74,6	74,9	75,6	76,0	76,5	76,4	77,0	77,4	77,1	77,9
Москва	74,2	74,1	74,2	74,0	72,1	71,5	72,1	73,8	74,3	74,7	75,0	74,7	74,8	75,0	75,8	76,3	76,9	77,5	77,8	78,5	78,2	79,8	79,6	80,2	80,4	80,4	80,4
Нижний Новгород	75,5	74,8	75,1	74,8	72,7	71,6	71,4	72,8	73,9	73,6	73,0	73,0	72,5	72,3	72,3	72,3	73,5	73,7	74,5	75,1	74,2	75,8	75,8	76,5	76,5	76,9	77,1
Новосибирск	74,5	74,6	74,5	74,0	71,5	70,8	72,4	73,0	73,8	74,1	74,1	73,9	73,1	73,4	73,7	73,4	75,0	75,3	75,8	76,2	76,6	76,9	77,1	77,4	77,5	78,2	78,2
Омск	75,0	75,9	75,6	75,5	73,6	72,7	73,2	73,8	74,0	74,0	73,4	73,7	73,0	72,9	73,3	73,3	74,0	74,2	75,2	75,6	75,9	76,8	76,6	77,1	77,5	77,6	77,9
Пермь	74,4	74,4	74,0	73,4	71,2	70,7	70,6	71,7	73,2	72,0	72,6	72,5	72,3	71,8	72,5	72,9	74,0	74,5	74,9	75,1	75,9	76,4	76,4	77,1	76,9	76,9	77,1
Ростов-на-Дону	74,2	73,5	73,3	73,5	72,5	72,3	72,1	73,0	73,3	73,7	73,9	73,4	73,6	73,9	74,3	74,5	74,2	75,1	75,9	76,6	76,6	77,4	77,6	77,6	78,1	78,2	78,0
Самара	74,5	74,6	74,8	74,2	72,3	71,6	72,3	73,0	73,8	73,2	72,1	72,1	72,8	72,8	72,9	73,6	74,0	74,1	74,4	74,4	74,3	75,7	76,3	75,7	76,4	76,6	76,9
Санкт-Петербург	74,3	74,2	74,1	73,5	70,5	70,8	72,1	73,7	74,6	73,6	73,0	73,1	73,0	73,2	73,9	74,3	75,2	76,0	76,3	76,7	76,9	77,7	77,8	78,4	78,7	78,4	78,9
Уфа	74,8	76,2	76,2	75,5	73,8	73,7	73,3	74,0	74,8	74,3	74,4	73,9	73,5	73,4	73,8	74,2	75,2	75,1	75,5	76,3	75,9	76,0	76,9	77,4	77,2	77,4	77,8
Челябинск	75,0	74,8	74,7	74,8	72,7	72,0	72,3	73,4	74,7	73,5	73,4	73,2	72,8	73,0	73,6	73,7	74,5	75,3	75,9	76,6	76,7	76,9	76,6	77,6	77,6	77,6	78,1

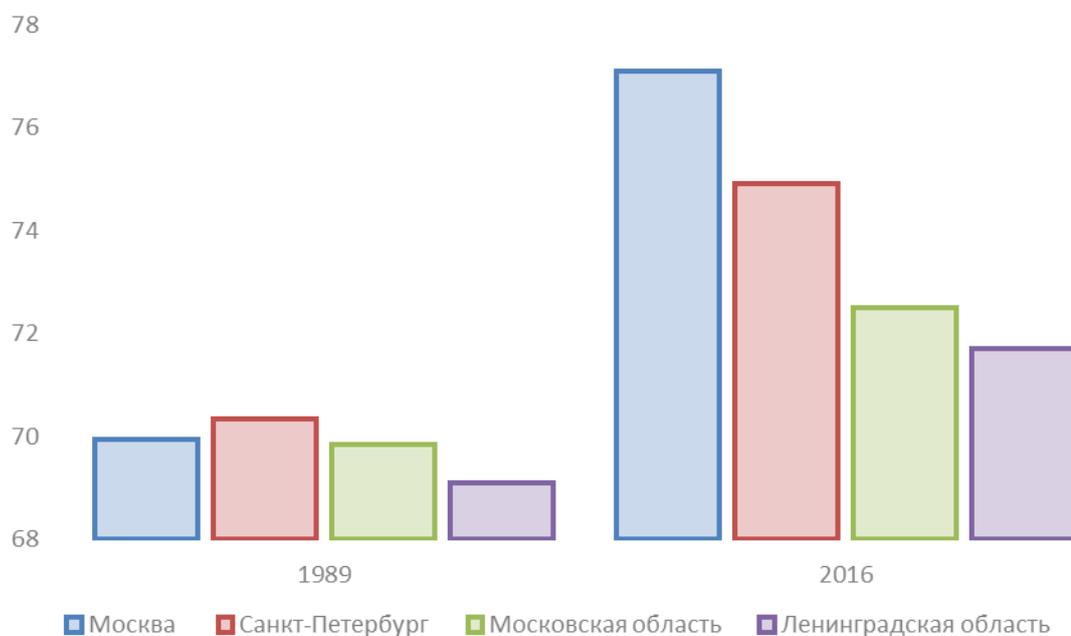
Оба пола

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Волгоград	71,2	71,2	71,0	70,4	68,1	66,0	66,5	67,9	68,4	67,2	67,0	66,7	67,0	67,0	68,1	68,1	68,8	70,1	70,7	71,1	70,9	71,9	72,2	72,7	72,8	73,1	73,5
Воронеж	72,4	72,5	71,8	71,3	69,0	68,3	68,2	69,3	70,2	68,1	67,5	67,2	67,1	66,7	67,1	67,2	67,9	68,2	69,2	70,2	70,7	71,8	72,3	72,4	72,0	72,8	73,1
Екатеринбург	70,5	69,7	69,4	67,7	65,0	64,4	65,2	66,4	68,2	66,8	65,8	66,4	66,5	66,4	67,2	67,5	68,7	69,6	69,8	70,6	71,4	71,8	71,8	72,5	72,4	72,7	72,8
Казань	70,3	70,2	70,3	70,0	68,0	66,3	66,2	68,2	68,4	68,1	67,3	67,4	67,6	67,5	67,2	67,7	69,1	70,1	70,9	71,6	70,7	72,0	72,9	73,3	73,4	74,2	74,8
Красноярск	68,6	67,8	67,3	65,8	61,7	60,6	61,8	63,4	65,1	64,0	63,5	64,6	64,8	65,0	66,2	65,9	68,0	68,6	69,6	70,5	70,6	71,1	71,1	72,0	72,0	72,4	72,7
Москва	69,9	69,8	69,9	68,9	65,7	64,3	65,3	68,1	69,5	69,7	69,7	69,5	69,8	70,0	70,8	71,5	72,1	73,0	73,3	74,1	74,2	75,8	75,7	76,4	76,7	76,8	77,1
Нижний Новгород	70,5	70,1	70,3	69,2	66,1	63,8	63,9	66,5	68,0	67,4	66,2	66,1	65,5	64,9	65,2	65,2	66,0	66,9	67,4	68,5	67,9	69,8	69,7	70,6	70,7	71,3	71,4
Новосибирск	69,9	69,8	69,9	68,9	64,9	63,7	66,0	66,9	68,2	68,3	67,9	67,3	66,9	66,7	66,8	66,2	68,0	68,7	69,7	70,6	71,0	71,4	71,4	71,9	72,0	72,6	72,8
Омск	70,7	71,6	70,9	70,3	67,6	66,2	67,0	67,9	68,2	67,8	66,9	67,4	66,8	66,4	66,7	66,0	67,1	67,8	69,0	70,1	70,3	71,3	71,1	71,4	71,7	72,0	72,4
Пермь	70,3	69,9	69,6	68,4	65,4	64,0	63,9	65,5	67,4	66,3	65,8	65,8	65,8	65,1	65,4	66,0	67,5	68,6	68,8	69,3	69,8	70,7	70,9	71,6	71,6	71,5	72,0
Ростов-на-Дону	70,1	69,4	69,0	68,7	66,7	65,7	65,7	67,2	68,5	68,9	68,1	67,7	67,6	67,9	68,6	69,0	69,0	70,2	71,0	71,9	72,1	72,7	73,2	73,6	73,5	74,2	74,1
Самара	69,9	69,6	69,8	68,6	66,1	64,6	65,2	65,7	67,5	65,7	64,0	64,3	65,7	65,7	65,6	66,5	67,1	67,3	67,8	68,2	68,1	69,5	70,2	69,7	69,9	70,7	71,6
Санкт-Петербург	70,3	69,8	69,6	68,2	63,8	63,9	65,8	68,3	69,8	67,9	66,7	66,9	67,1	67,1	67,5	68,0	69,3	70,4	71,0	71,8	72,1	73,1	73,4	74,2	74,6	74,4	74,9
Суммарный город	70,4	70,2	70,0	69,1	66,2	64,9	65,4	66,9	68,1	67,3	66,5																

Приложение 5. Среднее значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении и величина стандартного отклонения для 11 городов-миллионников, 1989-2016, годы

Приложение 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской области в 1989 и 2016 г., годы

Приложение 7. Валовой городской/региональный продукт (по ППС) на душу населения, доля региональных центров в населении и экономике регионов (в %), 2015

<i>региональный центр</i>	<i>Доля города в населении региона</i>	<i>Доля в города экономики региона</i>	<i>ВГП на душу (по ППС)</i>	<i>Без учета регионального центра</i>	<i>ВРП на душу (по ППС)</i>	<i>соотношение ВГП/ВРП на душу, раз</i>
Воронеж	44	53	443415	Воронежская область	308789	1,4
Волгоград	40	52	412512	Волгоградская область	247458	1,7
Ростов-на-Дону	26	51	544149	Ростовская область	186162	2,9
Уфа	27	42	529585	Республика Башкортостан	278678	1,9
Казань	31	29	493054	Республика Татарстан	550379	0,9
Пермь	39	48	503968	Пермский край	348356	1,4
Нижний Новгород	39	67	576344	Нижегородская область	181284	3,2
Самара	36	47	510516	Самарская область	333787	1,5
Екатеринбург	33	48	600234	Свердловская область	326130	1,8
Красноярск	37	35	546445	Красноярский край	585336	0,9
Новосибирск	57	73	465241	Новосибирская область	234433	2,0
Омск	59	77	467445	Омская область	199093	2,3
Челябинск	34	45	501040	Челябинская область	310423	1,6
<i>Суммарный город</i>	<i>37</i>	<i>48</i>	<i>509167</i>	<i>Суммарный регион</i>	<i>320640</i>	<i>1,6</i>
Москва	63	78	804822	Московская область	389152	2,1
Санкт-Петербург	75	79	598312	Ленинградская область	458943	1,3
<i>Все города-миллионники</i>			<i>633613</i>	<i>Остальная территория России (без СКФО и КФО)</i>	<i>372607</i>	<i>1,7</i>

Примечание: Для Москвы и Санкт-Петербурга доля от совокупного населения этих городов и окружающих их областей (Московской и Ленинградской) соответственно.

Источники: Валовой городской продукт – Рейтинг столичных городов России от Фонда «Институт экономики города»¹⁰. Валовой региональный продукт – данные Росстата. Паритет покупательской способности по городам – «Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации»¹¹. Остальное - расчеты автора.

¹⁰ URL: http://www.urbanomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/rejting-stolichnyh-gorodov-rossii-ot-fonda-institut-ekonomiki#_ftn1 (дата обращения: 27.10.2018).

¹¹ Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/isy/files/itogi_isj.pdf (дата обращения: 27.10.2018).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА

МАРИНА КОЛОСНИЦЫНА, ОЛЬГА КУЛИКОВА

Растущий во всем мире избыточный вес населения - одна из важнейших угроз общественному здоровью. В последние десятилетия этот феномен активно исследуется представителями разных наук. В России социально-экономические факторы и последствия избыточного веса пока мало изучены. В статье представлен обзор литературы, посвященной причинам избыточного веса и издержкам, которые несут отдельные индивиды, работодатели, государство. На базе микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2012-2016 гг. проводится эмпирический анализ динамики распространения ожирения и предожирения в стране, изучается связь избыточного веса с демографическими и социально-экономическими факторами, с положением работника на рынке труда, расходами на лечение.

Результаты анализа подтверждают связь склонности к избыточному весу с возрастом и гендерной принадлежностью человека, с факторами здорового образа жизни. Высшее и среднее специальное образование коррелирует с низким весом только среди женщин. Для мужчин, напротив, более высокий уровень образования ассоциируется с высокими показателями предожирения и ожирения. Связи избыточного веса и субъективного благосостояния не выявлено.

Оценки связи избыточного веса и положения работников на рынке труда, проведенные регрессионными методами, показали, что индекс массы тела (ИМТ) значимо коррелирует как с вероятностью занятости, так и с заработной платой (для мужчин). Однако в обоих случаях эта связь оказывается положительной для низких и средних значений ИМТ, и лишь в случаях тяжелого ожирения наблюдается отрицательная зависимость.

Увеличение веса ассоциируется с ростом числа хронических заболеваний, ухудшением самооценки здоровья, растущей вероятностью инвалидности. Полные люди в среднем чаще попадают в больницу, покупают лекарства и тратят на них больше денег по сравнению с людьми с нормальным весом. Однако эконометрический анализ подтвердил положительную связь веса и медицинских расходов только для женщин и для людей, страдающих предожирением, при прочих равных условиях.

Ключевые слова: ожирение, избыточный вес, индекс массы тела, последствия ожирения, РМЭЗ НИУ ВШЭ, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия во всем мире достигнуты значительные успехи в улучшении здоровья населения, что отражается растущими показателями ожидаемой продолжительности жизни, в том числе – здоровой жизни. Во многом это результат не столько развития и распространения новых медицинских технологий, сколько изменения образа жизни людей. Экономический рост, рост доходов и образования населения, сокращение бедности дают возможности для лучших условий проживания, питания, проведения досуга.

МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА КОЛОСНИЦЫНА (mkolosnitsyna@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА КУЛИКОВА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья подготовлена в рамках проекта «Вклад отдельных факторов в формирование здоровья населения» тематического плана прикладных исследований НИУ ВШЭ за 2018 г. (ТЗ-154).

Статья поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Улучшаются условия труда, транспортные возможности – все это позитивно отражается на общественном здоровье. Многие страны мира за последние годы существенно продвинулись в области борьбы с курением и избыточным потреблением алкоголя, что также вносит значительный вклад в сокращение заболеваемости и смертности, в том числе от внешних причин. Однако рост благосостояния и изменение образа жизни людей в современном мире породили новую проблему, признанную сегодня в качестве одного из главных вызовов общественному здоровью. Речь идет о растущем ожирении, которое уже официально называют пандемией XXI века. Впервые в истории человечества на рубеже XX-XXI веков число людей с избыточным весом, которые потребляют пищи больше, чем им нужно, сравнялось с числом страдающих от недоедания и недостатка веса: и тех, и других было около 1 млрд [Gardner, Halweil 2000]. За прошедшие с тех пор годы число людей с избыточным весом практически удвоилось и составило в 2016 г. 1,9 млрд человек или 39% населения мира¹.

Растущий вес (как и рост) населения наблюдался в развитых странах еще с XVIII века, однако считался позитивным явлением, поскольку сопровождался улучшением здоровья и увеличением продолжительности жизни. Нобелевский лауреат, специалист по экономической истории Роберт Фогель предложил «теорию технофизической эволюции»: он показал, что в течение 300 лет физиология человека изменялась под воздействием прогресса технологий, в результате чего размеры его тела увеличились в среднем в полтора раза и возросла сопротивляемость внешним воздействиям, а потому снизилась смертность [Fogel, Costa 1997]. 1980-е годы оказались переломным десятилетием, когда темпы роста среднего индекса массы тела (ИМТ) стали вдвое и даже втрое более быстрыми, чем в предшествующее столетие [Sassi 2010: 18]. Если в 1970-80-е годы в большинстве развитых стран уровень ожирения был в пределах 5-15%, а для многих развивающихся стран такого явления просто не существовало, то сегодня и богатые страны, и страны со средними доходами демонстрируют показатели 25-35% (рисунок 1). Страны Ближнего Востока вплотную приближаются к США – признанному лидеру ожирения (36,2% в 2016 г.), быстро «полнеют» Бразилия, Мексика, Новая Зеландия и Южная Африка. Франция, Финляндия и Норвегия, хотя и отстают, но также превысили 20-процентный порог (21,6%, 22,2%, 23,1% соответственно). В последние десять лет отмечается ускоренный рост ожирения в Индии, Китае и Японии. Россия демонстрирует аналогичную тенденцию: «средний» показатель ожирения в 2016 г. – 23,1%, при этом темпы его прироста в 2010-2016 гг. увеличились.

Одновременно происходит рост доли населения в группе «предожирения», так что во многих развитых странах избыточным весом (ожирением и предожирением) страдает уже более половины взрослых людей.

Избыточный вес, прежде всего, ассоциируется с многочисленными болезнями, повышая риски развития сердечно-сосудистых заболеваний, диабета II типа, гипертонии, заболеваний суставов, некоторых видов злокачественных новообразований. Влияние ожирения на здоровье и медицинские расходы значительно больше, чем последствия злоупотребления алкоголем и курения [Sturm 2002]. Специалисты ВОЗ констатируют, что

¹ URL: <http://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 19.08.2018).

сегодня в мире больше людей умирает от болезней, связанных с ожирением, чем от недоедания, – 2,8 млн человек ежегодно². Растут расходы национальных систем здравоохранения, а также косвенные затраты: сокращаются продуктивность работников и в целом экономический рост. Издержки ожирения имеют, таким образом, не только частное, но и общественное значение.

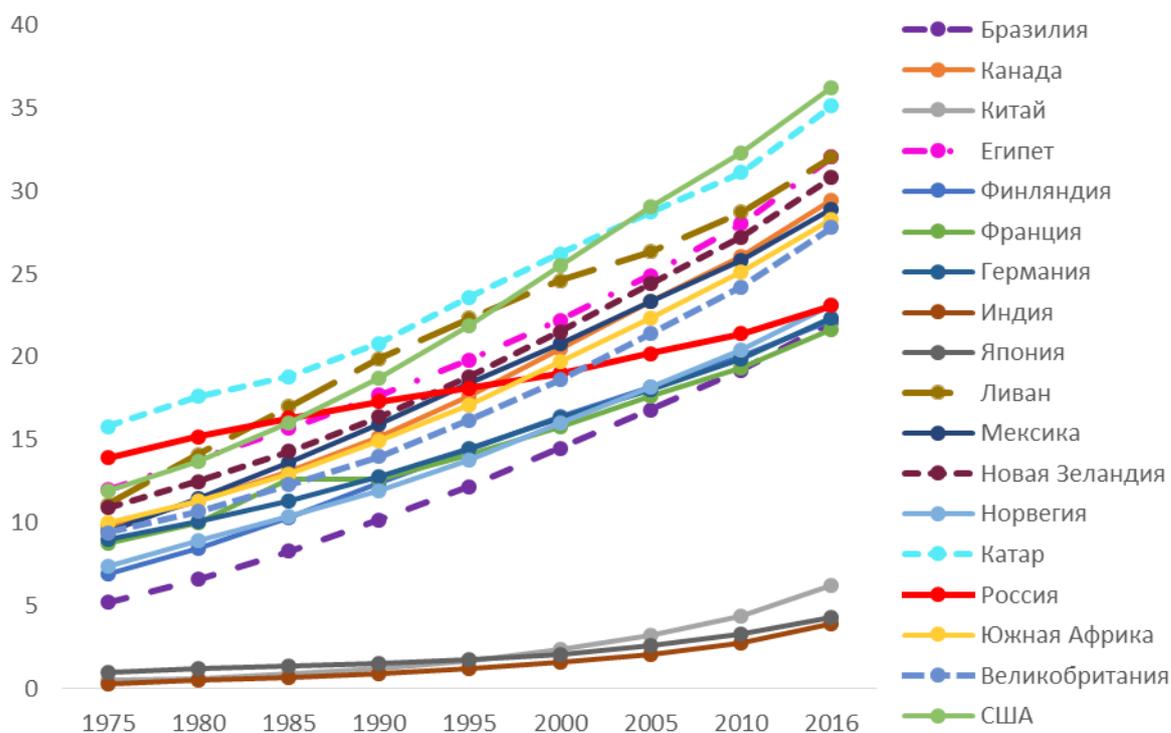

Рисунок 1. Динамика доли взрослого населения (18+), страдающего ожирением, 1975-2016, %

Источник: Построено на основе данных WHO Global Health Observatory. Data Repository. URL: <https://www.who.int/gho/database/en/> (дата обращения 19.08.2018).

Вполне естественно, что возникновение и осознание такой масштабной проблемы, имеющей серьезные социально-экономические последствия, вызвало интерес ученых, изучающих ожирение с самых разных позиций. Ожирение, как и в целом проблематика здорового образа жизни, – междисциплинарная тема и исследуется сегодня не только эпидемиологами, демографами, антропологами, но и психологами, социологами, экономистами. В российской социально-экономической литературе исследования по ожирению пока крайне немногочисленны. Так, в работе [Рощина, Гремченко 2016] показана на дескриптивном уровне связь между избыточным весом и показателями здоровья, дохода и образования россиян на данных за 1994-2014 гг.; в работе [Колосницына, Бердникова 2009] на основе пространственной выборки за 2006 г. обнаружена немонокотонная зависимость индекса массы тела от возраста, а также неодинаковая связь избыточного веса и образования для мужчин и для женщин. Цель данной статьи – представить обзор основных социально-экономических факторов и последствий

² URL: <http://www.who.int/features/factfiles/obesity/en/> (дата обращения: 19.08.2018).

избыточного веса и провести детальный анализ сложившейся в России ситуации с помощью данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ.

ПОНЯТИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА И ОЖИРЕНИЯ

При анализе проблемы избыточного веса населения ВОЗ использует стандартный показатель, называемый индексом массы тела (ИМТ; Body Mass Index – BMI)³. Он представляет собой частное от деления веса человека в килограммах на квадрат его роста в метрах. Индекс используется для отнесения взрослого человека к той или иной категории:

$ИМТ < 18,5$ – недостаточный вес;

$18,5 \leq ИМТ < 25$ – нормальный вес;

$25 \leq ИМТ < 30$ – избыточный вес (предожирение);

$30 \leq ИМТ$ – избыточный вес (ожирение).

Среди страдающих ожирением иногда выделяют подгруппы с ИМТ от 30 до 35, от 35 до 40, от 40 до 45 и выше 45, с тем чтобы анализировать отдельно так называемые морбидные формы ожирения. Для оценки избыточного веса и ожирения у детей используют специальные статистические показатели, которые учитывают как возраст ребенка с точностью до месяца, так и его рост. Однако в рамках данной работы мы будем анализировать только проблематику «взрослого» ожирения.

Итак, к группе взрослого населения с избыточным весом относят и тех, кто попадает в категорию «предожирение», и тех, кто страдает ожирением, т.е. всех, чей ИМТ больше или равен 25. Однако в статистическом анализе и в научных публикациях часто используют по отдельности ту или иную группу: тех, кто имеет избыточный вес, но еще не достиг стадии ожирения (предожирение), или наоборот, только тех, кто страдает ожирением.

Важно также отметить, что сам по себе показатель ИМТ не идеален и подвергается критике, поскольку не в состоянии учесть таких индивидуальных особенностей человека, как костная или мышечная масса. В медицинских оценках избыточного веса используются дополнительные измерения, позволяющие получить более точные результаты. Например, производится измерение окружности талии, используется соотношение окружности талии и роста. Показатель ИМТ часто критикуется и на том основании, что он завышает показатели избыточного веса для высоких людей и занижает – для низких. Поэтому, в частности, для людей монголоидной расы используют более строгие критерии: так, в Гонконге, Японии и Сингапуре установлен критерий ожирения, начиная со значения ИМТ, равного 25.

Однако ИМТ универсален и удобен при проведении массовых опросов и потому признан исследователями и широко используется в специальной литературе.

³ URL: <http://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 19.08.2018).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Экономические исследования проблематики избыточного веса появились относительно недавно: в 1990-е годы были опубликованы первые работы в США, где впервые ученые столкнулись с таким массовым явлением. Однако затем, с распространением самого феномена ожирения сначала в развитых, а затем и в развивающихся странах, начали появляться работы с использованием собственных данных и все более сложных инструментальных методов. Международные организации, прежде всего ВОЗ и ОЭСР, занимаются сбором информации и межстрановыми сопоставлениями данных и результатов анализа, полученных в отдельных странах [Sassi et al. 2009].

Причины и факторы ожирения

Разумеется, не все причины ожирения можно отнести к экономическим или – шире – социальным. Люди, имеющие наследственную предрасположенность к ожирению, при прочих равных условиях с большей вероятностью страдают от избыточного веса [Stunkard et al. 1990]. Недавний обзор исследований, проведенный канадскими учеными, показал, что существуют значимые этнические различия в распространенности избыточного веса [Stryjecki, Alyass, Meuge 2018]. Однако наследственная предрасположенность никак не может объяснить быстрых темпов роста ожирения, наблюдаемых в течение последних десятилетий во всем мире, в том числе и в рамках отдельных этнических групп. Генетика определяет всего 1% из всех случаев ожирения [Antonanzas, Rodriguez 2010: 351]. Точно так же нельзя объяснить растущие показатели ИМТ детерминантами пола и возраста. Действительно, в большинстве стран к ожирению более склонны женщины и люди старших возрастов [Sassi et al. 2009]: вес, как правило, растет с возрастом и начинает снижаться лишь в самом конце жизни, но так было всегда. Сегодня же мы наблюдаем все большую распространенность избыточного веса среди детей и подростков, которые переходят во взрослое состояние уже отягощенные этими проблемами [WHO 2017]. Сравнительные исследования, проведенные в странах ОЭСР, подтверждают: основные детерминанты исследуемого явления лежат в сфере жизнедеятельности человека [Sassi et al. 2009].

В большинстве случаев, как утверждают физиологи, ожирение возникает как результат дисбаланса потребляемой и расходуемой человеком энергии. Соответственно, экономисты ищут причины растущего избыточного веса как на стороне потребления пищи, так и на стороне физической активности современных людей в быту и на рабочем месте. Почему с некоторых пор человек стал есть больше, чем ему на самом деле требуется? Некоторые теории объясняют это сохранившейся в сознании человечества привычкой есть много тогда, когда пища в достатке, поскольку ее предложение ограничено и не гарантировано [Rosin 2008]. Другие авторы предлагают применять к пище известную теорию рациональной аддикции, первоначально объяснявшую потребление алкоголя, табака и наркотиков [Becker, Murphy 1988]. К аддиктивным благам относят сахар, соль, жиры. Причем привычку к этим вредным для организма продуктам (как и в случае с табаком и алкоголем) поддерживают производители и продавцы с помощью активного маркетинга, так что спрос во многом формируется предложением [Courtemanche, Carden 2011]. Покупатель, особенно юный, часто не осведомлен о вредных свойствах продуктов,

что в экономике называют информационной асимметрией и относят к провалам рынка. Другой возможный провал рынка – специфика межвременных предпочтений потребителя в отношении пищи: при высокой индивидуальной ставке дисконтирования он не готов отказаться от удовольствия сегодня ради отложенных выгод в будущем, даже если имеет полную информацию [Komlos, Smith, Bogin 2004]. Важным фактором растущего спроса на пищу становятся и технологические изменения: приобретает все большую популярность готовая или полуготовая еда, на приготовление которой не надо тратить время. Современные технологии и развитие мировой торговли делают продукты питания относительно дешевыми, что, при прочих равных условиях, увеличивает потребление и избыточный вес [Grossman, Tekin, Wada 2014; Lu, Goldman 2010].

Другая сторона проблемы – снижение уровня физической активности современного человека. Это, с одной стороны, следствие изменений на рынке труда: занятость все более смещается в сферу услуг, большинство работ становятся офисными или даже домашними (дистанционными), а значит малоподвижными [Philipson, Posner 2003]. Кроме того, многие работники сталкиваются с высоким уровнем стресса, что также вносит вклад в растущие показатели ожирения [Geiker et al. 2018; Lallukka et al. 2008]. Трудоголики, которые проводят на работе все больше времени и все меньше спят, имеют больше шансов приобрести лишний вес [Courtemanche 2009]. С другой стороны, современные технологии упрощают быт и облегчают домашний труд. Вносит свой вклад и урбанизация: развитый транспорт и собственные автомобили позволяют городским жителям не ходить пешком [Eid et al. 2008]. Даже проведение досуга становится более пассивным, особенно это очевидно у детей: подвижные игры заменяются компьютерными. Чтобы поддерживать необходимый организму уровень физической активности, человек должен предпринимать специальные усилия: заниматься спортом в той или иной форме, причем регулярно, что требует времени и денег, а главное – воли.

Таким образом, результат – наличие ожирения или его отсутствие – во многом зависит от поведения самого человека, а также от условий, в которых он живет, учится, работает. Социально-экономические факторы, ассоциируемые с избыточным весом, многочисленны и разнообразны.

Многие работы указывают на образование как одну из детерминант веса. Так, например, в отчете ОЭСР показано, что в Англии 28% женщин с образованием 8 классов страдают ожирением, тогда как среди прочившихся 15 лет и более эта доля всего 12%. Авторы объясняют эту связь так: образованные люди лучше информированы о последствиях своего образа жизни, а потому более склонны к здоровому питанию, больше занимаются спортом и др. С другой стороны, дети, страдающие ожирением, чаще рано бросают учебу, их шансы получить хорошее образование меньше [Sassi 2010]. Таким образом, налицо порочный круг: как образование может определять показатели веса, так и наоборот. Сравнивая данные и исследования, проведенные в развитых странах ОЭСР, специалисты констатируют, что однозначная связь образования и веса прослеживается только для женщин, тогда как в отношении мужчин результаты неочевидны [Sassi et al. 2009]. Вместе с тем исследование, проведенное в Корее, указывает на положительную зависимость интенсивности занятий спортом от образования именно среди мужчин [Park, Kang, 2008].

Неоднозначная связь наблюдается между ожирением и доходами. На популяционном уровне зависимость меняет свой знак по мере достижения определенного уровня среднедушевых доходов: сначала рост благосостояния и среднего веса идут рука об руку, затем, после достижения определенного порога дохода, вес начинает снижаться [Sassi et al. 2009]. Многочисленные работы Рума, выполненные на данных США [Ruhm 2005], и аналогичные расчеты, выполненные в Исландии [Ásgeirsdóttir et al. 2015], показывают, что в развитых странах экономический спад, сопровождаемый падением доходов, приводит к снижению показателей веса.

Влияют на ожирение и социальные связи (семья, друзья, коллеги) [Christakis, Fowler 2007], а также окружающая среда – то, где человек живет, есть ли у него возможности ходить пешком, заниматься спортом рядом с домом, покупать здоровые продукты [Cohen-Cole, Fletcher 2008].

Последствия избыточного веса

Вполне очевидно, что последствия избыточного веса анализируются прежде всего в контексте заболеваемости. Пионерной работой в этой области стало исследование Х. Валера, который еще в 1984 г. показал на данных обширной лонгитюдной выборки населения Норвегии немонотонную зависимость уровня заболеваемости от веса, контролируя при этом возраст индивидов. Согласно его результатам, статистически значимый рост заболеваемости наблюдался в группах населения со слишком низкими и слишком высокими значениями ИМТ (ниже 21 и выше 29). Выявленная зависимость получила в литературе название "кривой Валера" [Waalder 1984]. Сама по себе связь заболеваний с ожирением – предмет медицинских исследований, однако экономистов здесь интересуют, как всегда, расходы (или упущенная выгода, что одно и то же). Многочисленные работы доказывают теоретически [Gupta, Greve 2011] и подтверждают эмпирически более высокие медицинские расходы полных людей [Withrow, Alter 2011], при том что другие индивидуальные характеристики контролируются. Такие расходы могут быть как частными, так и государственными, в зависимости от сложившейся в стране системы медицинской помощи. Они могут проявляться в разных формах и отражаться различными показателями: частота посещения врача или вызовов «скорой помощи», частота и продолжительность госпитализаций, стоимость лекарств, процедур, операций и др. По данным Международной ассоциации изучения ожирения (IASO), доля расходов национальных систем здравоохранения на лечение ожирения оценивается в развитых странах от 2 до 8% общего бюджета здравоохранения⁴, что больше, чем затраты на лечение онкологических больных.

Кроме прямых затрат на лечение заболеваний, связанных с ожирением, возникают многочисленные косвенные расходы, которые несут сам работник, работодатель, страховая компания или государство. В экономической литературе есть множество работ, подтверждающих связь между избыточным весом и положением работника на рынке труда. В частности, речь идет об отрицательной корреляции избыточного веса и зарплаток [Sargent et al. 1994]. Избыточный вес также может отражаться на возможностях занятости:

⁴ URL: <https://web.archive.org/web/20040824052003/http://www.iotf.org/> (дата обращения: 19.08.2018).

вероятности найма, возможности занять лучшее рабочее место и/или удержаться в случае сокращений и др. Механизмы подобных связей могут быть различными. С одной стороны, избыточный вес может быть показателем плохого здоровья, которое, в свою очередь, делает работника менее продуктивным, а потому и оплата его труда оказывается относительно низкой в сравнении со здоровым коллегой. С другой стороны, избыточный вес и, в особенности, ожирение может стать причиной для дискриминации, когда работодатель или коллеги, или клиенты компании не хотят видеть такого работника, и его возможности трудоустройства оказываются ограниченными [Morris 2007]. В любом случае результатом становится так называемый «штраф» со стороны рынка труда.

Есть основания считать, что влияние ожирения на трудовые доходы различается для мужчин и женщин, высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников, а кроме того, оно может быть неодинаковым на разных этапах жизненного цикла работника и различаться для разных поколений. Так, самые ранние исследования этого феномена уже обнаруживали, что негативное влияние избыточного веса на заработки наиболее очевидно прослеживается для женщин, тогда как для мужчин оно статистически незначимо [Register, Williams 1990; Averett, Korenman 1996]. В недавнем исследовании Браун и Роутон, используя лонгитюдные данные и более сложную технику регрессионного анализа, выявили, что штраф за избыточный вес у женщин существенно возрастает по мере перемещения в высокодоходные группы, где он в несколько раз выше, чем у низкооплачиваемых работниц. В отличие от многих других авторов, они показали, что и для мужчин в некоторых доходных группах вес и заработки значимо и отрицательно связаны. Кроме того, оказалось, что штраф за лишний вес растет от поколения к поколению [Brown, Routon 2018].

В связи с большей вероятностью и продолжительностью заболеваний, полные работники чаще и дольше отсутствуют на рабочем месте по болезни, чаще получают травмы, инвалидность. Это дополнительные расходы, которые оплачиваются полностью или частично и несут убытки не только самому работнику, но и компании, и государству.

Можно привести примеры оценок, сделанных в разные годы и для разных стран. Так, в конце 1990-х годов в Китае дополнительный ущерб от пропусков работы людьми, страдающими ожирением, оценивался в 44,8 млрд долл. в годовом выражении [Porkin et al. 2006]. В 2000 г. в США затраты, связанные с пропусками по болезни, в расчете на одного человека, страдающего ожирением, превышали аналогичные расходы на работника с нормальным весом на 300-1000 долл. в зависимости от пола и степени ожирения [Filkenstein, Fiebelkorn, Wang 2005]. В 1992 г. во Франции дополнительные издержки из-за пропусков рабочего времени людьми, страдающими ожирением, оценивались в 66 млн долл. [Levy et al. 1995]. В начале 2000-х годов в США вероятность травмы на производстве оказалась в 1,26 и 1,76 раз выше у работников с избыточным весом и ожирением соответственно по сравнению с работниками с нормальным весом [Arena et al. 2006]. В США в 1994-2003 гг. средняя продолжительность пребывания в отпуске по болезни для работников-мужчин с ожирением была 10,5 дней против 6,8 дней у их коллег с нормальным весом; для женщин эти показатели составили 21,8 и 7,7 дней соответственно [Tsai et al. 2005].

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА В РОССИИ

Данные

Исследование избыточного веса в России проводилось на базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ⁵. Анкета содержит вопросы о росте и весе респондента, что позволяет рассчитать его ИМТ, а также дает обширную информацию об индивидуальных характеристиках, включая здоровье, образование, семейный статус, наличие детей, место жительства, а также о занятости и зарплате работающих респондентов. Лонгитюдный характер мониторинга позволяет использовать панельные данные, что дает возможность учитывать индивидуальные особенности отдельных респондентов при построении регрессионных моделей.

Для дескриптивного анализа использовались данные с 1995 по 2016 г. (репрезентативные выборки за соответствующие годы), которые позволяют видеть ситуацию в динамике; более подробно изучались результаты 21-й - 25-й волн 2012-2016 г., с тем, чтобы проследить связь избыточного веса с отдельными характеристиками респондентов. Для построения регрессионных моделей также использовалась объединенная выборка РМЭЗ за 5 лет с 2012 по 2016 г., состоящая из респондентов в возрасте от 19 до 100 лет с ИМТ от 18 до 50. В анализируемых выборках в качестве взрослых людей мы оставляли только тех, чей возраст старше 18 лет (19+), поскольку, согласно принятой методике ВОЗ, в 19 лет «детский» подход к определению избыточного веса уже совпадает со «взрослым»⁶. Таким образом, мы могли использовать показатель ИМТ для всех респондентов в этой выборке. Число наблюдений составило 54515 (31999 относительно женщин и 22516 относительно мужчин). Данные представляют собой несбалансированную панель, в которую вошли все респонденты, проходившие опрос хотя бы один раз за этот период. Полученная таким образом панель состоит из результатов опроса 17981 индивида. В оцениваемых далее регрессионных моделях размеры панельной выборки уменьшались, так как, в зависимости от целей анализа, рассматривались либо только работающие индивиды, либо лица трудоспособного возраста, и не все респонденты отвечали на необходимые вопросы.

Дескриптивный анализ

Чтобы проследить тенденции динамики избыточного веса, был рассчитан средний индекс массы тела в целом по выборке и отдельно для мужчин и женщин. На рисунке 2 показан очевидный рост этих показателей (сплошными линиями – средние значения ИМТ для мужчин, женщин и в среднем по выборке, пунктирными линиями – соответствующие 95%-ные доверительные интервалы). Уже в 1995 г. средний взрослый человек в России

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилл и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

⁶ URL: http://www.who.int/growthref/who2007_bmi_for_age/en/ (дата обращения: 19.08.2018).

находился в категории предожирения: его ИМТ был выше 25. Средний мужчина достиг порога избыточного веса только в 2000 г., однако в течение последних десяти лет по этому показателю он постепенно догоняет среднюю женщину: за 20 лет с 1995 по 2016 г. разрыв в ИМТ между ними сократился на 0,4 единицы. Эти изменения происходят, как нетрудно понять, за счет роста доли мужского населения, имеющего избыточный вес.

Рисунок 2. Динамика среднего ИМТ взрослого населения, 1995-2016

Источник: Расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

При этом, если доля тех, кто относится к категории предожирения (ИМТ больше 25, но меньше 30), достаточно стабильна – 34,7% в 1995 г. и 35,4% в 2016 г., то доля страдающих ожирением за этот же период выросла радикально: с 19,2 до 26,7%, или в 1,4 раза (рисунок 3). В результате избыточный вес в 2016 г. имело более половины взрослого населения страны старше 18 лет – 62,2%.

На рисунке 4 показано, как изменялась ситуация в гендерном разрезе. И в 1995 г., и в 2016 г. (как и во все остальные годы внутри этого периода) предожирение было более характерно для мужчин, а ожирение – для женщин. В этом смысле Россия не исключение, в большинстве развитых стран наблюдается именно такая картина [Sassi et al. 2009]. Но важно отметить, что ожирение растет более быстрыми темпами именно среди мужчин, и в этой же гендерной группе увеличивается предожирение, тогда как среди женщин предожирение стабильно, а ожирение увеличивается не так стремительно. Если подобные тенденции сохранятся, в перспективе возможно сглаживание гендерных различий.

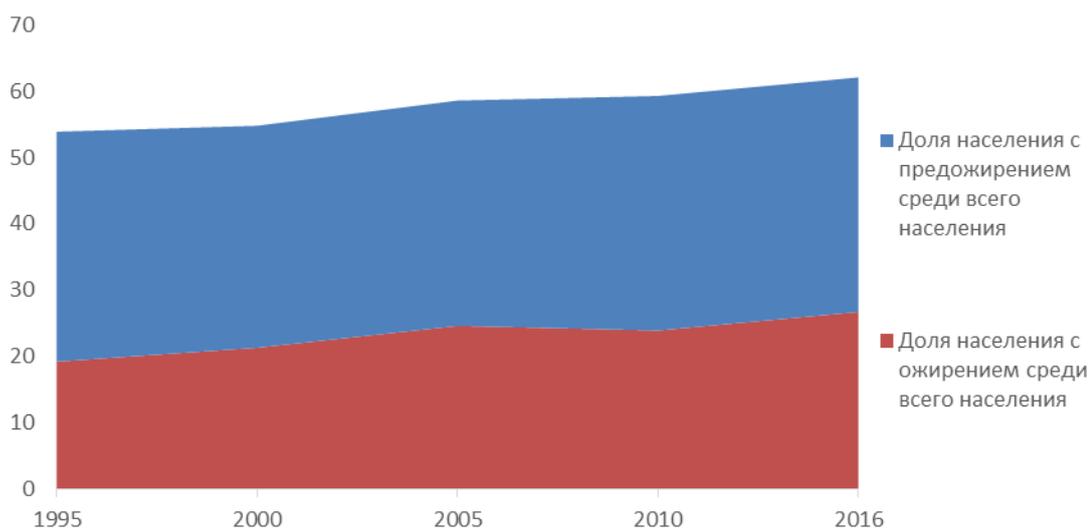

Рисунок 3. Динамика доли взрослого населения, страдающего предожирением и ожирением, 1995-2016, %

Источник: Расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

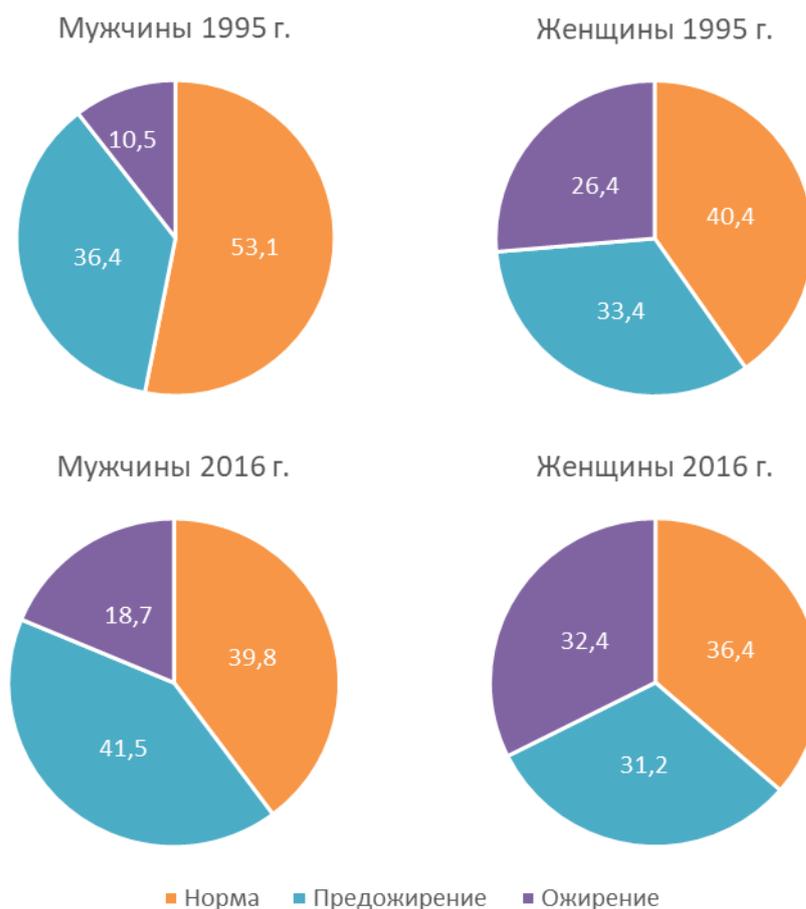

Рисунок 4. Распределение мужчин и женщин по группам в соответствии с весом, 1995 и 2016 гг., % (в 1995 г. N=6626; в 2016 г. N=9506)

Источник: Расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

На данных 2012-2016 гг. можно проследить вполне ожидаемые различия распространенности избыточного веса с возрастом (рисунок 5). При этом и здесь отчетливо видна гендерная специфика. Во всех возрастных группах избыточный вес в целом более характерен для мужчин, чем для женщин. Вплоть до 40 лет большинству женщин удается поддерживать нормальный вес, тогда как у мужчин уже в группе 31-40 лет таковых остается всего 39%, а ожирением страдают 43%. Но в группе 41-50 лет у женщин резко возрастает ожирение, и этот процесс продолжается после 50 лет, так что в самой старшей возрастной группе мы наблюдаем обратную картину: среди женщин нормальный вес сохраняется лишь у 18%, а среди мужчин – у 30%.

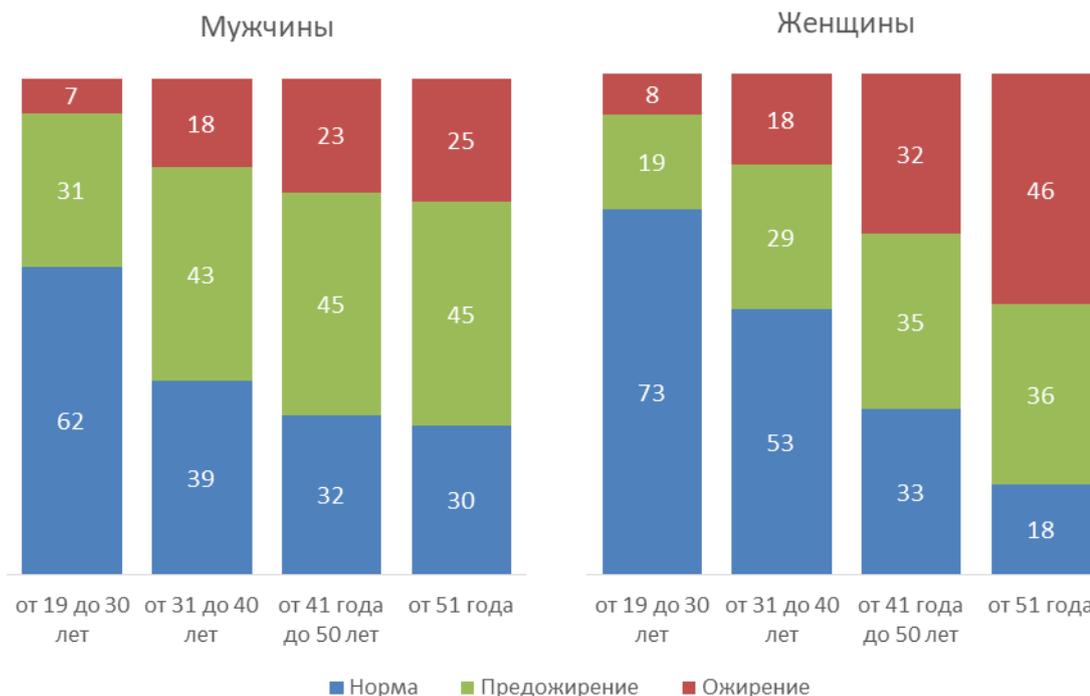

Рисунок 5. Распределение респондентов по группам ИМТ внутри возрастных групп, 2012-2016, %, (N_{жен} = 31517, N_{муж} = 22401)

Источник: Расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Связь веса и образования также оказалась неодинаковой для мужчин и для женщин (рисунок 6). Все респонденты были разбиты на 4 группы по уровню образования: 1 – ниже среднего; 2 – законченное среднее, в том числе начальное профессиональное на базе среднего; 3 – среднее специальное; 4 – высшее и послевузовское. У мужчин образование и вес увеличиваются параллельно: по мере перемещения из группы с незаконченным средним образованием в каждую следующую группу вплоть до высшего, показатели ожирения и предожирения монотонно растут и соответственно снижается доля тех, кто сохраняет нормальный вес. Среди мужчин с высшим образованием всего 35% имеют нормальный вес, тогда как в группе не закончивших школу их 43%.

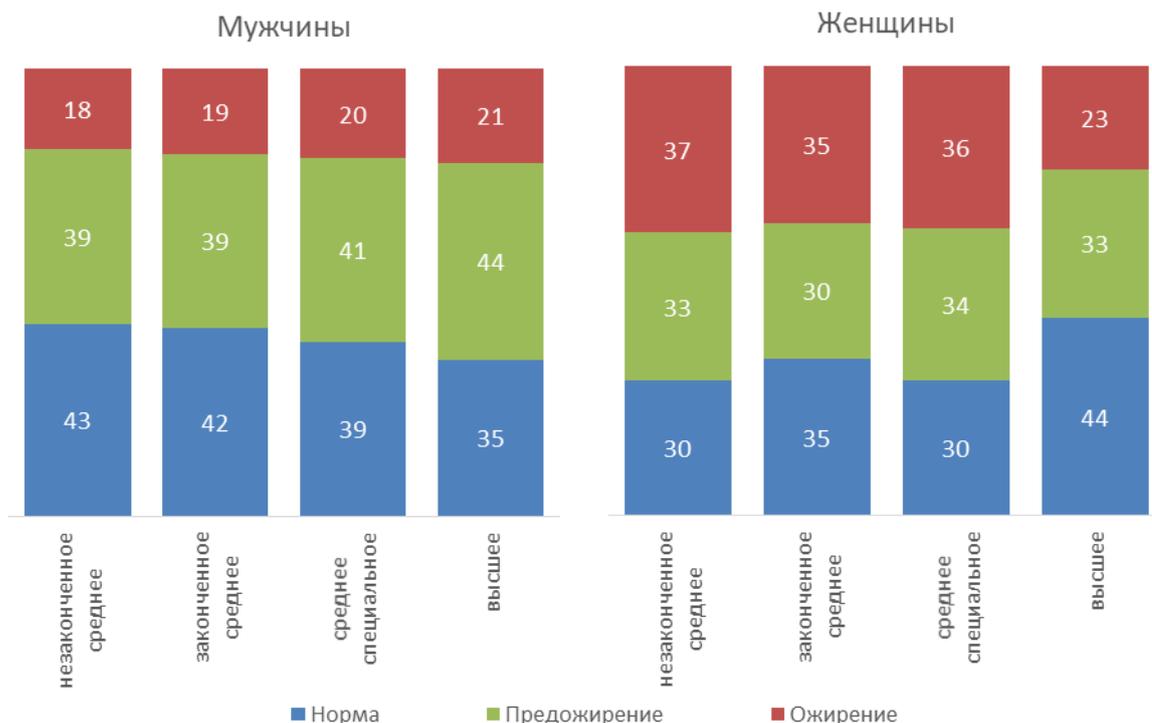

Рисунок 6. Распределение респондентов по группам ИМТ внутри групп с разным уровнем образования, 2012-2016, % (N_{жен} = 25855, N_{муж} = 18400)

Источник: Расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Иная ситуация среди женщин. Если в первых трех образовательных группах наблюдаются примерно одинаковые доли тех, кто страдает как ожирением, так и предожирением, то переход в группу с высшим образованием резко сокращает показатели ожирения (в 1,5 раза). В итоге среди женщин с высшим образованием доля сохранивших нормальный вес намного выше, чем в любой другой группе - 44%. И наоборот, среди самых образованных женщин наиболее низкий уровень ожирения: 23% против 35-37% в других группах. Любопытно, что этот результат полностью совпадает с полученным ранее на данных РМЭЗ за 2006 г.: значения показателей ожирения и предожирения возросли за прошедшие годы во всех образовательных и гендерных группах, но пропорции остались прежними – значимым фактором снижения веса выступает только высшее образование и только для женщин [Колосницyna, Бердникова 2009: 85].

Ниже, в таблицах 1-3, приводятся основные средние характеристики респондентов в зависимости от их принадлежности к той или иной группе по весу. Они дают возможность проследить некоторые связи между избыточным весом и отдельными социально-экономическими факторами.

Для построения таблицы 1 использовалась полная выборка за 2012-2016 гг., в которую вошли респонденты в возрасте 19 лет и старше (до 100 лет), ответившие на вопросы о возрасте, весе, росте и половой принадлежности. Число наблюдений в выборке составило 53918. Таблица показывает, какая доля респондентов в каждой весовой/гендерной группе обладает теми или иными характеристиками (например, отличаются хорошим здоровьем или состоят в браке).

Таблица 1. Основные социально-демографические характеристики респондентов в зависимости от веса, 2012-2016

2012-2016 гг.	Мужчины			Женщины		
	норма	пред-ожирение	ожирение	норма	пред-ожирение	ожирение
Средний возраст, лет	41	47	50	41	54	58
Самооценка здоровья, %:						
очень хорошее	3,1	2,4	1,5	1,8	0,8	0,3
хорошее	43,5	39,8	29,1	41,9	25,0	13,4
среднее	44,1	49,0	55,0	46,9	57,6	62,7
плохое	8,0	7,9	13,1	8,1	15,0	21,2
очень плохое	1,4	1,0	1,4	1,3	1,7	2,5
Состоят в браке (зарегистрированном или незарегистрированном), %	62,9	80,2	86,3	54,3	56,4	55,1
Живут в городе или областном центре, %	67,5	65,9	65,5	72,6	68,9	65,9
Статус занятости, %:						
учатся на дневной форме обучения	4,6	1,4	0,4	5,4	0,6	0,1
работают	61,3	65,1	65,5	60,6	50,0	42,9
пенсионеры	16,4	20,7	24,0	17,0	38,4	48,9
Имеют высшее образование, %	20,7	25,2	25,3	35,3	28,9	19,7
Число наблюдений, чел.	8920	9189	4292	11226	10112	10179

Источник: Расчеты авторов.

Примечание: Все различия в показателях между выделенными группами статистически значимы на 5%-ном уровне.

Из таблицы видно, что самооценка здоровья респондентов ухудшается по мере перехода из групп с нормальным весом к группам с ожирением, причем среди женщин эта тенденция выражена сильнее. Очевидно, здесь играет свою роль и возраст, который растет параллельно весу. Среди мужчин, страдающих ожирением, существенно выше доля состоящих в браке, тогда как среди женщин такой связи на уровне средних показателей не видно. Для обеих гендерных групп среди тех, чей вес в норме, выше доля горожан. Это также может объясняться возрастными различиями и тем, что среди людей с нормальным весом большой процент учащихся, в том числе студентов, проживающих в городах. Среди женщин доля занятых на рынке труда падает с увеличением веса, а среди мужчин, напротив, растет. Доля имеющих высшее образование больше всего среди самых полных мужчин, тогда как у женщин все ровно наоборот: среди страдающих ожирением процент закончивших вуз самый низкий.

В таблице 2 показаны характеристики работающих респондентов также в зависимости от их принадлежности к «весовым» группам. Для построения этой таблицы в выборке 2012-2016 гг. были оставлены только респонденты, работавшие на момент опроса или находившиеся в отпуске, число наблюдений составило 29266. Доля респондентов, пропускавших работу по болезни, не демонстрирует какой-либо связи с весом ни у мужчин, ни у женщин, видимо из-за специфики профессиональной деятельности. Число дней, проведенных на больничном теми, кто все-таки пропускал работу, немного растет при переходе в группы с избыточным весом. Мы также видим некоторое снижение средней заработной платы с ростом веса у женщин, тогда как у мужчин картина обратная: заработки

выше всего в группе страдающих ожирением (все зарплаты приведены к ценам 2016 г.). Однако статистически значимыми на 5%-ном уровне оказались только различия в заработной плате между всеми выделенными группами.

Таблица 2. Основные характеристики работающих респондентов в зависимости от веса, 2012-2016

	Мужчины			Женщины		
	норма	пред-ожирение	ожирение	норма	пред-ожирение	ожирение
Средняя заработная плата в месяц, руб*.	28507	30831	33059	23423	22094	19451
Пропускали работу по болезни в течение года, %	17,2	16,0	15,8	20,1	19,6	21,6
Пропущено по болезни в среднем в течение года, дней**	15	17	19	15	18	20
Число наблюдений, чел.	5436	5961	2792	6187	4720	4170

Источник: Расчеты авторов.

*Примечания: * - в ценах 2016 г.; ** - среди пропускавших работу по болезни.*

Наконец, в таблице 3 приведена описательная статистика, касающаяся здоровья респондентов в зависимости от веса. Как и для построения таблицы 1, в данном случае использовали полную выборку за 2012-2016 гг. (53918 наблюдений). Вероятность госпитализации за последние три месяца, предшествовавшие опросу, несколько возрастает в группах населения с избыточным весом по сравнению с теми, чей вес в норме. Однако средняя продолжительность госпитализаций, как и среднее число визитов к врачу за год, не демонстрируют явной связи с весом респондентов.

На дескриптивном уровне прослеживается рост доли мужчин и женщин, покупавших лекарства за последний месяц, по мере увеличения веса. Соответственно увеличивается и средняя денежная сумма, потраченная за месяц на лекарственные средства (для сопоставимости все расходы пересчитаны в цены 2016 г.). И это неудивительно, поскольку избыточный вес, как уже отмечалось, ассоциирован с более частыми заболеваниями, в том числе хроническими. В таблице 3 показан рост доли респондентов, имеющих любые хронические заболевания, по мере перемещения в группы страдающих избыточным весом. Особенно отчетливо эти различия прослеживаются для заболеваний сердца, гипертонии, диабета. Логическим продолжением увеличения заболеваемости становится растущая инвалидизация: среди мужчин с ожирением доля инвалидов в 1,5 раза выше, чем среди мужчин с нормальным весом; у женщин инвалидность в группе с ожирением встречается почти в 3 раза чаще, чем в группе с нормальным весом. Разумеется, наблюдаемые на уровне средних величин различия в показателях здоровья между «весовыми» группами могут быть частично объяснены разницей среднего возраста респондентов и других характеристик, поэтому для выявления фактора веса требуются более точные оценки.

Таблица 3. Характеристики здоровья респондентов в зависимости от веса, 2012-2016

	Мужчины			Женщины		
	норма	пред- ожирение	ожирение	норма	пред- ожирение	ожирение
Лежали в больнице за последние 3 месяца, %	4,0	3,9	4,6	4,5	5,6	6,7
Среднее число дней в больнице за последние 3 месяца	17,8	16,2	15,1	13,6	13,6	13,7
Средняя частота посещения врача за год, раз	4,1	4,0	3,9	3,7	3,6	3,4
Покупали лекарства для лечения дома за последний месяц, %	31,1	35,4	41,4	45,6	57,3	67,5
Расходы на лекарства за последний месяц, руб.*	1525	1571	1724	1533	1693	1801
Есть хронические заболевания, %:						
сердца	9,4	12,1	19,7	10,3	20,8	30,0
легких, бронхов	7,2	5,8	6,8	5,1	7,5	10,2
печени	5,2	5,4	6,3	5,7	11,0	16,4
почек	4,3	5,0	7,2	8,0	11,1	13,9
желудочно-кишечного тракта	15,3	15,2	15,9	18,2	23,1	25,1
позвоночника	14,8	17,0	19,8	14,4	22,7	27,5
эндокринной системы, сахарный диабет или повышенный сахар в крови	1,4	3,1	8,7	5,6	12,1	21,3
гипертоническая болезнь, повышенное артериальное давление	11,7	20,8	35,7	15,0	36,6	57,3
заболевания суставов	12,8	15,8	21,7	14,8	29,7	42,2
неврологические заболевания	5,3	5,5	6,7	6,2	9,0	11,1
варикозное расширение вен	3,4	4,4	6,6	7,6	14,9	21,8
онкологические заболевания	1,0	1,1	1,3	1,3	2,6	3,4
Среднее число хронических заболеваний	2,8	3,0	3,4	2,9	3,7	4,3
Назначена инвалидность, %	8,7	10,0	12,1	6,1	11,5	17,1
Число наблюдений, чел.	8920	9189	4292	11226	10112	10179

Источник: Расчеты авторов.

Примечания: * - В ценах 2016 г. Все различия в показателях между выделенными группами статистически значимы на 5%-ном уровне.

Приведенные выше обзор научной литературы и дескриптивный анализ микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ позволили выдвинуть некоторые гипотезы эмпирического исследования избыточного веса населения России.

1. Избыточный вес населения в России, как и в других странах, связан с демографическими (пол, возраст) и социально-экономическими характеристиками (место жительства, семейное положение, образование, статус занятости, благосостояние).

2. Избыточный вес связан со стилем питания, вредными и полезными привычками (курение, потребление алкоголя, занятия спортом).
3. Избыточный вес коррелирует с положением работника на рынке труда.
4. Наличие избыточного веса увеличивает при прочих равных условиях индивидуальные затраты на лечение.
5. Связь отдельных социально-экономических факторов с избыточным весом неодинакова для мужчин и для женщин.

Моделирование и результаты

Для проверки выдвинутых гипотез в работе используется регрессионный анализ панельных данных. К сожалению, проблема данных РМЭЗ, как и любых лонгитюдных обследований – истощение выборки. Реальная панель оказывается слишком малой по объему, и при этом дополнительно возникают подозрения в ее смещенности ("выпадающие" год за годом респонденты, скорее всего, обладают характеристиками, отличными от генеральной совокупности). Поэтому мы используем панельную структуру данных при построении регрессионных моделей, но берем несбалансированную панель. Это, во-первых, увеличивает объем выборки, во-вторых, позволяет надеяться на меньшую смещенность, а в-третьих (за счет регрессионного анализа), позволяет контролировать одновременно многие важные характеристики респондентов. Эконометрический анализ позволяет оценивать степень связи изучаемой переменной с каждой из выбранных независимых переменных по отдельности, удерживая другие факторы постоянными.

Для проверки гипотез 1 и 2 использовалась Модель 1, оценивающая связь ***веса респондента*** с рядом демографических и социально-экономических факторов. Для проведения регрессионного анализа были сформированы следующие переменные.

Зависимая переменная:

- *lnbmi* – логарифм ИМТ.

Независимые переменные:

- *male* – пол, принимает значение 1 для мужчин, 0 для женщин;
- *age/10* – возраст (число полных лет респондента, деленное на 10);
- *age²/100* – возраст в квадрате (число полных лет респондента в квадрате, деленное на 100);
- *sch1* – максимальный завершённый уровень образования, принимает значение: 1 – для законченного среднего образования (в том числе начального профессионального образования – НПО – на базе среднего); 0 – во всех остальных случаях;
- *sch2* – максимальный завершённый уровень образования, принимает значение: 1 – для среднего специального образования; 0 – во всех остальных случаях;
- *sch3* – максимальный завершённый уровень образования, принимает значение: 1 – для высшего и послевузовского образования; 0 – во всех остальных случаях;
- *marriage* – семейное положение, принимает значение: 1 – если респондент состоит в зарегистрированном или гражданском браке; 0 – в иных случаях;

- *city* – тип населенного пункта, принимает значение: 1 – если респондент проживает в городе или областном центре; 0 – если респондент проживает в селе или поселке городского типа (ПГТ);
- *capital* – переменная столичного региона⁷, принимает значение: 1 – если респондент проживает в Ленинградской области, Санкт-Петербурге, Москве, Новой Москве или Московской области; 0 – во всех остальных случаях;
- *child_* – число несовершеннолетних детей, принимает значения от 0 до 9;
- *smoke* – принимает значение 1, если респондент курил на момент опроса, 0 – иначе;
- *alk* – принимает значение 1, если респондент употребляет хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво, 0 – если нет;
- *eat_h* – частота питания вне дома, принимает значения: 1 – если респондент практически всегда питается вне дома; 2 – если все рабочие дни питается вне дома; 3 – если 2-3 раза в неделю питается вне дома; 4 – если меньше двух раз; 5 – если питается только дома;
- *eat_reg* – удается ли питаться изо дня в день регулярно, не реже трех раз в день, принимает значения: 1 – если удается; 2 – если скорее да, чем нет; 3 – если скорее нет, чем да; 4 – если никогда не удается;
- *sport* – принимает значения: 0 – если респондент физкультурой не занимается; 1 – если выполняет легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю; 2 – физкультурные упражнения средней или высокой тяжести менее трех раз в неделю; 3 – физкультурные упражнения средней или высокой тяжести по крайней мере 3 раза в неделю по 15 минут и более; 4 – в случае ежедневных занятий физкультурой по меньшей мере 30 минут в день;
- *employment* – занятость, принимает значения: 1 – если респондент работает или находится в отпуске; 0 – если не работает;
- *wealth* – субъективная оценка материального благосостояния, принимает значения от 1 (низшая ступень) до 9 (высшая ступень);
- *year* – год проведения опроса.

Для проведения анализа в этом случае в панельную выборку вошли респонденты, которые смогли ответить на все необходимые вопросы. Таким образом, количество наблюдений за 2012-2016 гг. составило 41720, число респондентов – 13474. Проверка выбранных переменных на мультиколлинеарность не показала тесной связи, что позволило включить в модели все переменные одновременно. Оценивали модели логарифма ИМТ с фиксированными и случайными индивидуальными эффектами для всей выборки и отдельно для подвыборок мужчин и женщин. Все модели оказались статистически значимыми. Лучшие результаты, с точки зрения значимости коэффициентов и тесноты связи, продемонстрировали модели со случайными индивидуальными эффектами, что вполне обосновано с теоретической точки зрения, поскольку мы работали с данными по

⁷ Предполагается, что проживание в столичном регионе значительно изменяет образ жизни респондентов за счет более продолжительной дороги на работу, интенсивного использования личных автомобилей или общественного транспорта, стрессов и др.

большой совокупности индивидов за 5 лет. Эти модели и были выбраны для анализа. Результаты оценки представлены в таблице 4 (Модель 1).

Таблица 4. Модель 1: зависимость ИМТ от демографических и социально-экономических характеристик

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Переменные:			
<i>male</i>	-0,019* (0,003)	-	-
<i>age/10</i>	0,144* (0,004)	0,1* (0,006)	0,181* (0,005)
<i>age²/100</i>	-0,011* (0,0004)	-0,008* (0,0006)	-0,013* (0,0005)
Образование (база – незаконченное среднее):			
<i>sch1</i>	-0,002 (0,002)	0,001 (0,003)	0,005 (0,003)
<i>sch2</i>	0,003 (0,003)	0,008** (0,003)	-0,003** (0,004)
<i>sch3</i>	-0,013* (0,003)	0,015* (0,004)	-0,026* (0,004)
<i>marriage</i>	0,011* (0,002)	0,018* (0,003)	0,016* (0,002)
<i>city</i>	-0,018* (0,003)	-0,012* (0,004)	-0,025* (0,004)
<i>capital</i>	0,004 (0,004)	0,010** (0,005)	-0,003** (0,005)
<i>child</i>	0,002** (0,001)	0,004** (0,002)	0,003** (0,001)
<i>smoke</i>	-0,014* (0,002)	-0,017* (0,002)	-0,008* (0,003)
<i>alk</i>	0,001 (0,001)	0,005* (0,002)	0,0004 (0,001)
<i>eat_h</i>	0,0003 (0,0004)	0,0001 (0,001)	0,001 (0,0005)
<i>eat_reg</i>	-0,002* (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,004* (0,001)
<i>sport</i>	-0,001* (0,0003)	-0,001*** (0,001)	-0,002*** (0,0004)
<i>employment</i>	0,004* (0,001)	0,008* (0,002)	0,003* (0,002)
<i>wealth</i>	0,0003 (0,0003)	0,0004 (0,001)	0,0003 (0,0004)
<i>year</i>	-0,001* (0,0003)	0,001*** (0,0004)	-0,003*** (0,0003)
Константа	5,881* (0,508)	1,65** (0,794)	8,23** (0,661)
Наблюдения	41720	16835	24885
R-sq within	0,009	0,008	0,01
R-sq between	0,206	0,142	0,272
R-sq overall	0,181	0,12	0,236
Probability (F)	0,000	0,000	0,000

Источник: Расчеты авторов.

Примечания: * - Значим на 1%-ном уровне значимости; ** - значим на 5%-ном уровне значимости; *** - значим на 10%-ном уровне значимости. В скобках указаны стандартные ошибки.

Относительно связи веса и демографических характеристик результаты Модели 1 подтвердили выводы дескриптивного анализа: и пол, и возраст выступают значимыми

факторами величины ИМТ. Принадлежность к мужскому полу и молодой возраст при прочих равных условиях снижают ИМТ. Дополнительные годы жизни увеличивают вес, причем у женщин быстрее, чем у мужчин. Однако в пожилом возрасте ИМТ начинает понемногу снижаться: коэффициент при возрасте в квадрате значим и отрицателен. У мужчин этот процесс начинается уже с 62 лет, а у женщин – около 70 лет (о чем свидетельствуют соответствующие коэффициенты при переменных $age/10$ и $age^2/100$). Такой результат может объясняться, помимо прочего, эффектом самоотбора: в старшие возрастные группы переходят относительно здоровые респонденты, чей вес ниже, тогда как люди с морбидными формами ожирения умирают раньше.

Многие социально-экономические характеристики респондентов также оказались связанными с весом. Так, подтвердился вывод дескриптивного анализа о различной зависимости между весом и образованием у мужчин и женщин. И для той, и для другой группы среднее специальное и высшее образование оказалось значимым фактором, однако для мужчин более высокий уровень образования ассоциируется с высоким ИМТ, у женщин, наоборот, с низким.

Значимая положительная связь обнаружена между весом как мужчин, так и женщин, и наличием семьи и детей. Проживание в городе снижает вес при прочих равных условиях для представителей обеих гендерных групп. Проживание в столичном регионе увеличивает вес мужчин, но уменьшает вес женщин. И для мужчин, и для женщин характерна значимая положительная связь веса и трудовой занятости. Значимой связи веса и благосостояния обнаружить не удалось.

Определенные зависимости обнаружены между весом и факторами здорового/нездорового образа жизни. Так, регрессионный анализ подтвердил известную отрицательную зависимость полноты и факта курения как для мужчин, так и для женщин. У мужчин обнаружилась значимая положительная связь ИМТ и факта употребления алкоголя. Интенсивные занятия спортом, как и ожидалось, снижают вес, и эта зависимость также значима и для мужчин, и для женщин. Вопреки интуитивным ожиданиям, частота питания дома/вне дома оказалась незначимой переменной и для мужчин, и для женщин. Регулярность питания оказалась незначимым фактором формирования веса у мужчин. У женщин коэффициент при этой переменной значим, но его отрицательный знак также противоречит ожиданиям: те, кто питается регулярно, имеют более высокий вес при прочих равных условиях. К сожалению, обе переменные (питание дома и регулярность питания) не отражают его качества, а ведь питание может быть здоровым или нездоровым, независимо от места и частоты употребления пищи.

В целом результаты Модели 1 позволяют подтвердить *гипотезы 1 и 2*: избыточный вес связан с демографическими характеристиками индивидов, а также со многими социально-экономическими факторами и вредными/полезными привычками (хотя отдельные связи не всегда имеют место для обеих гендерных групп).

Для проверки *гипотезы 3* – связи избыточного веса и положения индивидов на рынке труда – использовались две регрессионные модели: вероятности занятости (Модель 2) и заработной платы (Модель 3), которые были представлены как функции от ряда переменных. Мы предполагаем, что и на вероятность занятости, и на уровень заработной

платы оказывают влияние индивидуальные характеристики респондентов (пол, возраст, образование, семейный статус, ИМТ) и характеристики региональных рынков труда (город/село, столичный регион), а также макроэкономическая динамика (что можно контролировать переменными года наблюдения).

Вероятность занятости оценивалась на основе панельной выборки за 2012-2016 гг., в которую были включены индивиды от 19 до 72 лет (т.е. трудоспособные в соответствии с определением Международной организации труда, за исключением подростков 15-18 лет), ответившие на все вопросы, необходимые для формирования выбранных переменных. Выборка составила в итоге 33684 наблюдения по 12242 индивидам. Для проведения регрессионного анализа были сформированы следующие переменные.

Зависимая переменная:

- *employment* – занятость, принимает значение 1, если респондент работает или находится в отпуске; 0 – если не работает.

Независимые переменные:

- *bmi* – значение ИМТ;
- *bmi²* – ИМТ в квадрате;
- а также ряд независимых переменных, включавшихся выше в Модель 1: *age/10*, *age2/100*, *sch1*, *sch2*, *sch3*, *marriage*, *city*, *capital*, *year*.

Проверка выбранных независимых переменных на мультиколлинеарность не показала их тесной связи.

Оценивались пробит-модели вероятности занятости с фиксированными и случайными индивидуальными эффектами для всей выборки и отдельно для подвыборок мужчин и женщин. Все модели оказались статистически значимыми. Наилучшие результаты, с точки зрения значимости коэффициентов и тесноты связи, показали модели со случайными индивидуальными эффектами, они и были выбраны для анализа. Поскольку коэффициенты пробит-модели не могут интерпретироваться напрямую, были рассчитаны средние предельные эффекты, которые приведены в таблице 5 (Модель 2).

Результаты оценки показали, что интересующий нас коэффициент при переменной ИМТ значим как для всей выборки, так и для мужчин и женщин в отдельности, и имеет положительный знак. Это означает, что вероятность занятости возрастает одновременно с ростом веса респондента при прочих равных условиях. Коэффициент при переменной ИМТ в квадрате также значим и отрицателен, но по модулю он на порядок меньше, чем для ИМТ у мужчин, и на два порядка меньше, чем у женщин. Значит, только при очень высоких значениях ИМТ вероятность занятости начинает снижаться, причем очень медленными темпами. Мы видим также, что коэффициенты при контрольных переменных почти во всех случаях оказываются значимыми и по модулю большими, чем коэффициенты при ИМТ. Это значит, что вес работника не имеет такого большого значения для его занятости, как возраст, проживание в городе и образование.

Таблица 5. Модель 2. Пробит-модель вероятности занятости: предельные эффекты

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Переменные:			
<i>male</i>	0,069* (0,007)	-	-
<i>bmi</i>	0,024* (0,004)	0,042* (0,007)	0,014* (0,005)
<i>bmi</i> ²	-0,0004* (0,0001)	-0,001* (0,0001)	-0,0002** (0,0001)
<i>age/10</i>	0,629* (0,015)	0,529* (0,022)	0,664* (0,02)
<i>age</i> ² / <i>100</i>	-0,081* (0,002)	-0,072* (0,010)	-0,085* (0,002)
Образование (база – незаконченное среднее):			
<i>sch1</i>	0,016* (0,007)	0,025** (0,012)	0,007 (0,011)
<i>sch2</i>	0,1* (0,01)	0,078* (0,013)	0,119* (0,014)
<i>sch3</i>	0,042* (0,006)	0,126* (0,014)	0,208* (0,014)
<i>marriage</i>	0,042* (0,006)	0,169* (0,011)	-0,018** (0,008)
<i>city</i>	0,098* (0,007)	0,107* (0,011)	0,088* (0,01)
<i>capital</i>	0,015 (0,008)	0,028** (0,013)	0,005 (0,01)
<i>year</i>	-0,002* (0,008)	-0,001 (0,002)	-0,003 (0,002)
Константа	3,887* (2,734)	1,512 (4,306)	4,553 (3,535)
Число наблюдений	33684	14405	19579
R-sq within	0,023	0,033	0,037
R-sq between	0,31	0,409	0,391
R-sq overall	0,263	0,324	0,336
Probability (F)	0,000	0,00	0,00

Источник: Расчеты авторов.

Примечания: * – значим на 1%-ном уровне значимости; ** – значим на 5%-ном уровне значимости; *** – значим на 10%-ном уровне значимости. В скобках указаны стандартные ошибки.

Заработная плата оценивалась на основе панельной выборки за 2012-2016 гг., в которую были включены только работающие респонденты, включая тех, кто на момент опроса находился в отпуске, и ответившие на все необходимые вопросы для формирования выбранных переменных. Выборка составила в итоге 17692 наблюдения по 7489 индивидам.

Для проведения регрессионного анализа была сформирована зависимая переменная:

- $\ln(w)$ – логарифм заработной платы респондента в рублях (за месяц), проиндексированной по индексу потребительских цен (ИПЦ) к 2016 г.

В качестве независимых использовались все те же переменные, что и в модели вероятности занятости, в том числе ИМТ и ИМТ в квадрате. Проверка выбранных переменных на мультиколлинеарность не показала тесной связи.

Оценивались модели логарифма заработной платы с фиксированными и случайными индивидуальными эффектами для всей выборки и отдельно для подвыборок мужчин и

женщин. Все модели оказались статистически значимыми. Как и в предыдущем случае, лучшие результаты с точки зрения значимости коэффициентов и тесноты связи продемонстрировали модели со случайными индивидуальными эффектами, которые и были выбраны для анализа. Результаты оценки моделей представлены в таблице 6 (Модель 3).

Таблица 6. Модель 3: зависимость между логарифмом заработной платы и ИМТ

	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Переменные:			
<i>male</i>	0,396* (0,012)	-	-
<i>bmi</i>	0,019* (0,007)	0,033* (0,012)	0,005 (0,009)
<i>bmi2</i>	-0,0002** (0,0001)	-0,0004** (0,0002)	-0,0001 (0,001)
<i>age</i>	0,466* (0,029)	0,431* (0,041)	0,474* (0,039)
<i>age2</i>	-0,063* (0,003)	-0,063* (0,005)	-0,062* (0,004)
Образование (база – незаконченное среднее):			
<i>sch1</i>	0,015 (0,013)	-0,001 (0,016)	0,049** (0,022)
<i>sch2</i>	0,098* (0,016)	0,093* (0,021)	0,124* (0,024)
<i>sch3</i>	0,332* (0,016)	0,256* (0,023)	0,401* (0,024)
<i>marriage</i>	0,018** (0,011)	0,102* (0,018)	-0,016 (0,014)
<i>city</i>	0,302* (0,013)	0,304* (0,019)	0,297* (0,018)
<i>capital</i>	0,605* (0,015)	0,572* (0,021)	0,632* (0,02)
<i>year</i>	0,012* (0,002)	0,002 (0,003)	0,019* (0,003)
Константа	-15,29* (4,237)	5,096 (6,089)	-30,27* (5,867)
Наблюдения	17692	7922	9770
R-sq within	0,005	0,002	0,012
R-sq between	0,391	0,363	0,348
R-sq overall	0,357	0,326	0,32
Probability (F)	0,000	0,000	0,000

Источник: Расчеты авторов.

Примечания: * - Значим на 1%-ном уровне значимости; ** - значим на 5%-ном уровне значимости; *** - значим на 10%-ном уровне значимости. В скобках указаны стандартные ошибки.

Коэффициенты при переменных ИМТ для мужчин оказались значимыми и положительными, при ИМТ в квадрате – значимыми и отрицательными. Таким образом, ИМТ и заработная плата в этой гендерной группе растут одновременно при небольших значениях ИМТ. Однако, начиная с определенного уровня ИМТ (с 41, т.е. при так называемых морбидных формах ожирения), его более высокие значения приводят к снижению заработной платы при прочих равных условиях. Для женщин вес оказывается статистически не связанным с заработной платой при прочих равных условиях. Как и в модели вероятности занятости, коэффициенты при ИМТ и ИМТ в квадрате по модулю меньше коэффициентов при контрольных переменных, которые тоже оказались

значимыми. Таким образом, факторы возраста, образования, проживания в городе и, в особенности, проживания в столичном регионе в большей степени влияют на заработную плату и во многих случаях нивелируют слабое отрицательное влияние веса даже при высоких значениях ИМТ.

В целом результаты оценок Модели 2 и Модели 3 подтверждают *гипотезу 3*: наличие значимой связи индекса массы тела работника с вероятностью его занятости и (для мужчин) с размером заработной платы, но эта связь скорее положительная и не слишком сильная в сравнении с другими факторами.

Для тестирования *гипотезы 4* – связи избыточного веса и индивидуальных затрат на лечение – оценивалась сумма расходов на лечение, оплаченных самим респондентом (или частные расходы). Она включала расходы на лекарства, амбулаторную помощь, лечение в больнице и лекарства в больнице за месяц в рублях, приведенные к 2016 г. по ИПЦ. Для проведения анализа в этом случае в панельную выборку 2012-2016 гг. вошли все респонденты в возрасте 19-100 лет, которые смогли ответить на необходимые вопросы. Количество наблюдений составило 17286, число респондентов – 8577.

Для проведения регрессионного анализа использовались: зависимая переменная *Lncost* - логарифм расходов на лечение за месяц в рублях в ценах 2016 г.; независимые переменные (аналогично Моделям 1-3) *male*, *age/10*, *age²/100*, *wealth*, *sch1*, *sch2*, *sch3*, *marriage*, *city*, *capital*, *year*.

Проверка выбранных переменных на мультиколлинеарность не показала тесной связи, что позволило включить их в модель одновременно. Модель 4 оценивалась для всей выборки, для гендерных групп, а также для трех «весовых» групп по отдельности. Во всех случаях оценивались модели с фиксированными и случайными индивидуальными эффектами, все они оказались статистически значимыми. Как и в случае Моделей 1-3, лучшее качество продемонстрировали модели со случайными эффектами, которые и были выбраны для анализа.

В таблице 7 представлены результаты оценивания Модели 4. Как видно, интересующий нас коэффициент при переменной ИМТ значим для всей выборки, а также в отдельности для женщин и для подвыборки людей, страдающих предожирением. Коэффициент во всех этих случаях положителен, что позволяет говорить о наличии определенной позитивной связи избыточного веса и затрат на лечение. Для мужчин, а также для людей с нормальным весом и ожирением, значимой связи веса и частных расходов на лечение не обнаруживается. Другие факторы (возраст, семейное положение, образование, место жительства) определяют медицинские расходы в большей мере, чем вес респондента. Таким образом, *гипотеза 4* подтверждается частично.

Наконец, *гипотеза 5* подтверждается результатами оценок всех приведенных моделей для женщин и мужчин по отдельности. Так, Модель 1 говорит о том, что принадлежность к мужскому полу отрицательно связана с весом; вес увеличивается с годами и для мужчин, и для женщин, затем снижается в конце жизни, однако у женщин этот процесс начинается значительно позже, чем у мужчин. Модель 1 подтверждает разнонаправленную связь образования и веса для мужчин и женщин, а также выявляет

положительную связь веса с проживанием в столицах для мужчин и отрицательную – для женщин, положительную связь веса с потреблением алкоголя только для мужчин. Модель 2 показывает более сильную связь веса и вероятности занятости мужчин по сравнению с женщинами (коэффициенты при переменных ИМТ у мужчин по модулю значительно больше). Модель 3 подтверждает связь размера заработной платы и веса у мужчин, но среди женщин такой зависимости не выявляет. Наконец, Модель 4 подтверждает значимую положительную связь частных расходов на лечение и веса только для женщин, но не для мужчин.

Таблица 7. Модель 4: зависимость расходов на лечение и ИМТ

	Вся выборка	Мужчины	Женщины	Норма	Предожирение	Ожирение
Переменные:						
<i>male</i>	-0,095* (0,023)	-	-	-0,086** (0,04)	-0,077** (0,036)	-0,065 (0,044)
<i>bmi</i>	0,009* (0,002)	0,006 (0,004)	0,011* (0,002)	-0,003 (0,01)	0,022** (0,01)	0,005 (0,004)
<i>age/10</i>	-0,257* (0,036)	-0,218* (0,069)	-0,285* (0,043)	-0,267* (0,057)	-0,288* (0,06)	-0,158** (0,079)
<i>age²/100</i>	0,034* (0,003)	0,032* (0,007)	0,036* (0,004)	0,035* (0,006)	0,038* (0,006)	0,025* (0,007)
<i>wealth</i>	0,013** (0,006)	0,028** (0,012)	0,007 (0,007)	0,024** (0,012)	0,022** (0,01)	0,001 (0,01)
Образование (база – незаконченное среднее):						
<i>sch1</i>	0,017 (0,031)	0,014 (0,053)	0,016 (0,039)	0,022 (0,057)	0,052 (0,051)	-0,025 (0,051)
<i>sch2</i>	0,095* (0,032)	0,115*** (0,06)	0,089** (0,038)	0,05 (0,059)	0,167* (0,05)	0,069 (0,051)
<i>sch3</i>	0,21* (0,033)	0,196* (0,058)	0,213* (0,04)	0,21* (0,059)	0,266* (0,051)	0,164* (0,056)
<i>marriage</i>	0,133* (0,022)	0,171* (0,05)	0,111* (0,025)	0,159* (0,039)	0,156* (0,036)	0,086** (0,037)
<i>city</i>	0,104* (0,023)	0,139* (0,044)	0,09* (0,028)	0,172* (0,044)	0,062*** (0,037)	0,095* (0,036)
<i>capital</i>	0,305* (0,025)	0,334* (0,048)	0,291* (0,03)	0,382* (0,045)	0,268* (0,04)	0,286* (0,042)
<i>year</i>	0,007 (0,007)	0,015 (0,013)	0,005 (0,008)	0,003 (0,014)	0,003 (0,011)	0,012 (0,011)
Константа	-8,154 (13,446)	-22,875 (26,647)	-3,464 (15,589)	-0,17 (27,244)	-0,128 (22,671)	-18,153 (21,891)
Наблюдения	17286	4864	12422	5093	6104	6089
R-sq within	0,002	0,002	0,002	0,005	0,0001	0,004
R-sq between	0,068	0,077	0,06	0,069	0,075	0,051
R-sq overall	0,059	0,07	0,053	0,058	0,068	0,046
Probability (F)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Источник: Расчеты авторов.

Примечания: * – Значим на 1%-ном уровне значимости; ** – значим на 5%-ном уровне значимости; *** – значим на 10%-ном уровне значимости. В скобках указаны стандартные ошибки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЫВОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный анализ показал, что избыточный вес населения – проблема, характерная для России, как и для большинства развитых и развивающихся стран мира. Рост доли людей,

страдающих ожирением, отчетливо наблюдается в течение всего последнего двадцатилетия, причем именно в последние годы темпы его увеличились. В 2016 г. более половины взрослого населения России старше 18 лет (62%) страдало избыточным весом, в том числе 27% – ожирением.

Как и во многих развитых странах [Sassi et al. 2009], ожирение в России более характерно для женщин, а предожирение – для мужчин. Однако за последние 20 лет ожирение среди мужчин росло ускоренными темпами, тогда как у женщин скорость его распространения была более умеренной, а предожирение стабилизировалось.

Обнаружены гендерные различия связи возраста с ожирением. Как и везде, в России показатели веса растут с возрастом. Но если мужчины быстро полнеют в молодости (от 15 до 40 лет), то у женщин рост избыточного веса ускоряется после 40 и особенно после 50 лет, когда его доминирующей формой становится ожирение.

Среднее специальное и высшее образование коррелируют с низким весом только у женщин. Для мужчин, напротив, более высокий уровень образования ассоциируется с высокими показателями предожирения и ожирения. Этот результат соотносится с выводами исследований по странам ОЭСР, которые также прослеживают однозначную связь образования и веса только для женщин, тогда как в отношении мужчин их результаты неочевидны [Sassi et al. 2009].

В числе социально-экономических факторов, положительно коррелирующих с весом и у мужчин, и у женщин, – наличие семьи и детей, трудовая занятость, проживание в сельской местности (что противоречит выводам некоторых исследований, связывающих ожирение и урбанизацию [Eid et al. 2008]). У мужчин наблюдается, однако, связь избыточного веса с фактом проживания в столичных регионах. Избыточный вес не снижается с ростом доходов (субъективным благосостоянием). Последнее обстоятельство ставит Россию в ряд стран, еще не достигших «порогового» уровня доходов, начиная с которого рост социально-экономического статуса (образования и материального благополучия) ассоциируется с низким весом [Sassi et al. 2009].

Показатели образа жизни также демонстрируют корреляцию с весом: вес положительно связан с употреблением алкоголя (у мужчин), отрицательно – с занятиями спортом, а также с курением (в обеих гендерных группах). Значимость образа жизни как одного из факторов ожирения подтверждает выводы многих зарубежных исследователей [Cohen-Cole, Fletcher 2008].

Оценки связи избыточного веса и положения работников на рынке труда, проведенные регрессионными методами, показали, что индекс массы тела является значимым фактором, коррелирующим с вероятностью занятости, а у мужчин – и с заработной платой. Однако в обоих случаях связь оказывается положительной для низких и средних значений ИМТ, и лишь в случаях тяжелого ожирения проявляется отрицательная зависимость. Кроме того, все прочие факторы, определяющие занятость и заработки (пол и возраст работника, его образование, проживание в городе и в столичном регионе) оказывают более существенное влияние на его положение на рынке труда, чем избыточный вес. Таким образом, мы пока явно не наблюдаем в России «штрафа» со стороны рынка труда

для полных работников, который был обнаружен в ряде зарубежных исследований [Register, Williams 1990; Averett, Korenman 1996; Brown, Rounton 2018]. Возможно, такой результат объясняется тем, что в России избыточный вес распространен давно и привычен, а темпы его роста пока не столь стремительны, как во многих других странах (рисунок 1).

Увеличение веса ассоциируется с ростом числа хронических заболеваний, ухудшением самооценки здоровья, растущей вероятностью инвалидности (эти результаты совпадают с полученными на более ранних данных РМЭЗ [Рощина, Гремченко 2016; Колосницына, Бердникова 2009]). Полные люди в среднем чаще попадают в больницу, покупают лекарства и тратят на них больше денег по сравнению с людьми с нормальным весом. Эти результаты соотносятся с выводами многих зарубежных исследований о более высоких медицинских расходах полных людей [Withrow, Alter 2011]. Однако эконометрический анализ подтвердил положительную связь веса и медицинских расходов только для женщин и для людей, страдающих предожирением, при прочих равных условиях.

В целом гипотезы эмпирического исследования подтвердились. Мы можем утверждать, что избыточный вес населения России связан с демографическими (пол, возраст) и социально-экономическими факторами, такими как образование, трудовая занятость, место жительства, семейное положение и наличие детей и др. ИМТ также коррелирован с показателями здорового/нездорового поведения населения. Определенную связь можно наблюдать между ИМТ и положением работника на рынке труда – вероятностью занятости и уровнем заработной платы, между ИМТ и частными расходами на лечение. Кроме того, мы отмечаем существенные гендерные различия связей социально-экономических факторов с избыточным весом.

В числе ограничений исследования надо отметить уже упомянутые выше свойства показателя ИМТ – он не всегда корректно отображает наличие избыточного веса, особенно в молодых возрастных категориях, где есть люди, серьезно занимающиеся спортом. Кроме того, значительное число респондентов не отвечают на вопрос о весе и/или росте, что не дает возможности определить для них показатель ИМТ и включить их в выборку для анализа. Некоторые респонденты просто не знают своего веса, потому что не следят за ним, другие не хотят его называть. Если предположить, что не называют вес те, кто стесняется своей полноты, то может оказаться, что наши оценки избыточного веса занижены. Точно так же могут оказаться заниженными и оценки последствий ожирения. Для решения этой проблемы нужны специальные регулярные эпидемиологические обследования, которые предусматривали бы обязательное измерение роста и веса респондента, а также дополнительные измерения для более корректного определения избыточного веса.

Кроме того, доступные данные РМЭЗ недостаточны для глубокого анализа связи веса и расходов на лечение, поскольку дают лишь оценки личных расходов индивидов, оставляя в стороне расходы государства.

Используемые в исследовании модели, как и любые эконометрические модели, не дают возможности выявить все факторы, связанные с избыточным весом, – часть из них неизбежно остаются ненаблюдаемыми. Вместе с тем используемая модель панельных

данных с индивидуальными случайными эффектами позволяет частично решить эту проблему.

Кроме того, мы не оговаривали в этой работе вопросы возможной двусторонней зависимости избыточного веса и факта занятости и заработка индивида. Такие зависимости могут иметь место как в результате стрессов на работе, питания готовой едой, так и из-за относительного удешевления пищи при росте заработка. Для учета возможной эндогенности используются более сложные инструментальные методы, что может быть дальнейшим продолжением анализа и даст более точные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- Колосницына М.Г., А.В. Бердникова (2009). Избыточный вес - сколько это стоит и что с этим делать? // Прикладная эконометрика. 3(15): 72–93.
- Рощина Я.М., Е.П. Гремченко (2016). Факторы склонности к здоровому образу жизни // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 6: 143–146.
- Ásgeirsdóttir T. L., H. Corman, K. Noonan, N. Reichman (2015). Lifecycle effects of a recession on health behaviors: Boom, bust, and recovery in Iceland // NBER Working Papers. 20950.
- Antonanzas F., R.Rodriguez (2010). Feeding the economics of obesity in the EU in a healthy way // European Journal of Health Economics. 11: 351–353.
- Arena V.C., K.R. Padiyar, W.N. Burton, J.J. Schwerha (2006). The impact of body mass index on short-term disability in the workplace // Journal of Occupational and Environment Medicine. 48: 1118–1124.
- Averett S., S. Korenman (1996). The Economic Reality of the Beauty Myth // The Journal of Human Resources. 31(2): 304–330.
- Becker G., K. M. Murphy (1988). A theory of rational addiction // Journal of Political Economy. 96(4): 675—700.
- Brown C., P.W. Routon (2018). On the distributional and evolutionary nature of the obesity wage penalty // Economics and Human Biology 28: 160–172.
- Christakis N., J. Fowler (2007). The spread of obesity in a large social network over 32 years // The New England Journal of Medicine. 357: 370–379.
- Cohen-Cole E., J.M. Fletcher (2008). Is Obesity Contagious? Social Networks vs. Environmental Factors in the Obesity Epidemics // Journal of Health Economics, 27(5): 1382-7.
- Courtemanche C. (2009). Longer Hours and Larger Waistlines: The Relationship between Work Hours and Obesity // Forum for Health Economics and Policy. 12(2) (Article 2).
- Courtemanche C., Carden A. (2011). Supersizing supercenters? The impact of Walmart Supercenters on body mass index and obesity // Journal of Urban Economics. 69: 165–181.
- Eid J., H. Overman, D. Puga, M. Turner (2008). Fat city: Questioning the relationship between urban sprawl and obesity // Journal of Urban Economics. 63: 385–404.
- Finkelstein E., C. Fiebelkorn, G. Wang (2005). The costs of obesity among full-time employees // American Journal of Health Promotion. 20: 45–51.

- Fogel R.W., Costa D.L. (1997). A theory of technophysio evolution, with some implications for forecasting population, health care costs, and pension costs. // *Demography*. 34. 1: 49–66.
- Gardner G., B. Halweil (2000). Underfed and overfed: the global epidemic of malnutrition // *Worldwatch*. 150 p.
- Geiker N.R.W., A. Astrup, M.F. Hjorth, A. Sjödin, L. Pijls, C. Rob Markus (2018). Does stress influence sleep patterns, food intake, weight gain, abdominal obesity, and weight loss interventions and vice versa? // *Obesity Reviews*. 19: 81–97.
- Grossman M., E. Tekin, R.Wada (2014). Food prices and body fatness among youths // *Economics and Human Biology*. 12: 4–19.
- Gupta N.G., J. Greve (2011). Overweight and obesity and the utilization of primary care physicians // *Health Economics*. 20 (S1): 53 – 67.
- Komlos J., P. Smith, B. Bogin (2004). Obesity and the rate of time preference: is there a connection? // *Journal of Biological Science*. 36(2): 209–219.
- Lallukka T., E. Lahelma, O. Rahkonen, E. Roos, E. Laaksonen, P. Martikainen, J. Head, E. Brunner, A Mosdol, M. Marmot, M. Sekine, A. Nasermoaddeli, S. Kagamimori (2008). Associations of job strain and working overtime with adverse health behaviors and obesity: Evidence from the Whitehall II Study, Helsinki Health Study, and the Japanese Civil Servants Study // *Social Science & Medicine*. 66: 1681– 1698.
- Levy E., P. Levy, C. Le Pen, A. Basdevant (1995). The economic cost of obesity: the French situation. // *International Journal of Obesity Related Metabolic Disorders*. 19: 788–792.
- Lu Y., D. Goldman (2010). The Effects of Relative Food Prices on Obesity — Evidence from China: 1991-2006 // *NBER Working Paper*. 15720.
- Morris S. (2007). The impact of obesity on employment // *Labour Economics*. 14: 413–433.
- Park C., C. Kang (2008). Does education induce healthy lifestyle? // *Journal of Health Economics*. 27: 1516– 1531.
- Philipson T., R. Posner (2003). The long-run growth in obesity as a function of technological change // *Perspectives in Biology and Medicine*. 46(3) Supplement: 87–107.
- Popkin B.M., S. Kim, E.R.S. Du Rusev, C. Zizza (2006). Measuring the full economic costs of diet, physical activity and obesity-related chronic diseases // *Obesity Reviews*. 7: 271–293.
- Register Ch.A., D.R. Williams (1990). Wage Effects of Obesity among Young Workers // *Social Science Quarterly*. 71(1):130–41.
- Ruhm C.J. (2005). Healthy living in hard times? // *Journal of Health Economics*. 24(2): 341— 363.
- Rosin O. (2008). The Economic Causes of Obesity: A Survey // *Journal of Economic Surveys*. 22(4): 617–647.
- Sargent J.D., D.G. Blanchflower (1994). Obesity and Stature in Adolescence and Earnings in Young Adulthood // *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*. 148(7): 681–687.
- Sassi F. (2010). *Obesity and the Economics of Prevention: Fit Not Fat*. Paris: OECD Publishing.
- Sassi F., M. Devaux, M. Cecchini, E. Rusticelli (2009). *The Obesity Epidemic: Analysis of Past and Projected Future Trends in Selected OECD Countries* // *OECD Health Working Papers*. 45. Paris: OECD Publishing.
- Stryjecki C., A. Alyass, D. Meyre (2018). Ethnic and population differences in the genetic predisposition to human obesity // *Obesity Reviews*. 19: 62–80.

- Stunkard A., J. Harris, N. Peersen, G. McClearn (1990). The body-mass index of twins who have been reared apart // *New England Journal of Medicine*. 322(21): 1483–1487.
- Sturm R. (2002). The effects of obesity, smoking and drinking on medical problems and costs // *Health Affairs (Millwood)*. 21: 245–253.
- Tsai S.P., J.K. Wendt, F.S. Ahmed, R.P. Donnelly, T.R. Strawmyer (2005). Illness absence patterns among employees in a petrochemical facility: impact of selected health risk factors // *Journal of Occupational and Environment Medicine*. 47: 838–846.
- Waller H.Th. (1984). Height, weight and mortality: the Norwegian experience. *Acta Medica Scandinavica*. Supplement 679.
- Withrow D., D.A. Alter (2011). The Economic Burden of Obesity Worldwide: A Systematic Review of the Direct Costs of Obesity // *Obesity Reviews*. 12(2): 131-141.
- WHO (2017). Adolescent obesity and related behaviours: trends and inequalities in the WHO European Region, 2002–2014. WHO Regional Office for Europe: Copenhagen.

OVERWEIGHT: SOCIOECONOMIC FACTORS AND CONSEQUENCES

MARINA KOLOSNITSYNA, OLGA KULIKOVA

Increasing overweight is one of the leading global public health problems. In recent decades, this phenomenon has become a subject of intensive research in various fields of science. In Russia, the socioeconomic factors and consequences of overweight are insufficiently studied. This paper reviews the literature on the causes of overweight and the costs borne by individuals, employers, and the state. Based on microdata from the Russian Longitudinal Monitoring Survey for the years 2012-2016, we conduct an empirical analysis of obesity and pre-obesity in Russia. We investigate the links between overweight and demographic and socioeconomic factors, labour market outcomes and health spending.

Our results confirm an unambiguous connection between overweight and age, as well as gender of an individual. Overweight is also associated with unhealthy lifestyles. Among females, university education is correlated with low values of body mass index (BMI). Among males, on the contrary, a high level of education is associated with pre-obesity and obesity.

Regression estimates of overweight and labour outcomes show that BMI significantly correlates with employment probability and – for male workers – with wages. However, in both cases this correlation is positive for small or moderate BMI values, while for extreme obesity the correlation is negative.

An increase in body weight is associated with an increasing number of chronic diseases, a worsening of self-rated health and a growing likelihood of disability. Compared to people with normal weight, obese people, on average, check into hospitals on a more frequent basis, buy pharmaceuticals more often and pay more for them. At the same time, econometric analysis confirms a positive correlation of weight and health spending only for women and people suffering from pre-obesity.

Key words: *obesity, overweight, body mass index, obesity consequences, RLMS HSE, Russia.*

MARINA KOLOSNITSYNA (mkolosnitsyna@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

OLGA KULIKOVA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THIS STUDY IS A PART OF THE PROJECT "HEALTH FORMATION: INPUT OF DIFFERENT FACTORS" FUNDED BY THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (GRANT N154, 2018).

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

- Antonanzas F., R.Rodriguez (2010). Feeding the economics of obesity in the EU in a healthy way // *European Journal of Health Economics*. 11: 351–353.
- Arena V.C., K.R. Padiyar, W.N. Burton, J.J. Schwerha (2006). The impact of body mass index on short-term disability in the workplace // *Journal of Occupational and Environment Medicine*. 48: 1118–1124.
- Ásgeirsdóttir T. L., H. Corman, K. Noonan, N. Reichman (2015). Lifecycle effects of a recession on health behaviors: Boom, bust, and recovery in Iceland // *NBER Working Papers*. 20950.
- Averett S., S. Korenman (1996). The economic reality of the beauty myth // *The Journal of Human Resources*. 31(2): 304–330.

- Brown C., P.W. Routon (2018). On the distributional and evolutionary nature of the obesity wage penalty // *Economics and Human Biology* 28: 160–172.
- Christakis N., J. Fowler (2007). The spread of obesity in a large social network over 32 years // *The New England Journal of Medicine*. 357: 370–379.
- Cohen-Cole E., J.M. Fletcher (2008). Is obesity contagious? Social networks vs. environmental factors in the obesity epidemics // *Journal of Health Economics*, 27(5): 1382-7.
- Courtemanche C. (2009). Longer hours and larger waistlines: The relationship between work hours and obesity // *Forum for Health Economics and Policy*. 12(2) (Article 2).
- Courtemanche C., Carden A. (2011). Supersizing supercenters? The impact of Walmart Supercenters on body mass index and obesity // *Journal of Urban Economics*. 69: 165–181.
- Eid J., H. Overman, D. Puga, M. Turner (2008). Fat city: Questioning the relationship between urban sprawl and obesity // *Journal of Urban Economics*. 63: 385–404.
- Finkelstein E., C. Fiebelkorn, G. Wang (2005). The costs of obesity among full-time employees // *American Journal of Health Promotion*. 20: 45–51.
- Fogel R.W., Costa D.L. (1997). A theory of technophysio evolution, with some implications for forecasting population, health care costs, and pension costs. // *Demography*. 34. 1: 49–66.
- Gardner G., B. Halweil (2000). Underfed and overfed: the global epidemic of malnutrition // *Worldwatch*. 150 p.
- Geiker N.R.W., A. Astrup, M.F. Hjorth, A. Sjödin, L. Pijls, C. Rob Markus (2018). Does stress influence sleep patterns, food intake, weight gain, abdominal obesity, and weight loss interventions and vice versa? // *Obesity Reviews*. 19: 81–97.
- Grossman M., E. Tekin, R.Wada (2014). Food prices and body fatness among youths // *Economics and Human Biology*. 12: 4–19.
- Gupta N.G., J. Greve (2011). Overweight and obesity and the utilization of primary care physicians // *Health Economics*. 20 (S1): 53 – 67.
- Kolosnitsyna M., A.Berdnikova (2009). Izbytochnyj ves - skol'ko ehto stoit i chto s ehtim delat'? [Overweight: What are its costs and what could be done?] // *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*. 3(15): 72-93.
- Komlos J., P. Smith, B. Bogin (2004). Obesity and the rate of time preference: is there a connection? // *Journal of Biological Science*. 36(2): 209–219.
- Lallukka T., E. Lahelma, O. Rahkonen, E. Roos, E. Laaksonen, P. Martikainen, J. Head, E. Brunner, A Mosdol, M. Marmot, M. Sekine, A. Nasermoaddeli, S. Kagamimori (2008). Associations of job strain and working overtime with adverse health behaviors and obesity: Evidence from the Whitehall II Study, Helsinki Health Study, and the Japanese Civil Servants Study // *Social Science & Medicine*. 66: 1681– 1698.
- Levy E., P. Levy, C. Le Pen, A. Basdevant (1995). The economic cost of obesity: the French situation. // *International Journal of Obesity Related Metabolic Disorders*. 19: 788–792.
- Lu Y., D. Goldman (2010). The effects of relative food prices on obesity — Evidence from China: 1991-2006 // *NBER Working Paper*. 15720.
- Morris S. (2007). The impact of obesity on employment // *Labour Economics*. 14: 413–433.
- Park C., C. Kang (2008). Does education induce healthy lifestyle? // *Journal of Health Economics*. 27: 1516– 1531.

- Philipson T., R. Posner (2003). The long-run growth in obesity as a function of technological change // *Perspectives in Biology and Medicine*. 46(3) Supplement: 87–107.
- Popkin B.M., S. Kim, E.R.S. Du Rusev, C. Zizza (2006). Measuring the full economic costs of diet, physical activity and obesity-related chronic diseases // *Obesity Reviews*. 7: 271–293.
- Register Ch.A., D.R. Williams (1990). Wage effects of obesity among young workers // *Social Science Quarterly*. 71(1):130–41.
- Roshchina Y.M., Y.P.Gremchenko (2016). Faktory sklonnosti k zdorovomu obrazu zhizni [Drivers of healthy lifestyle] // *Vestnik Rossijskogo monitoringa ehkonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RLMS-HSE) [Newsletter of the Russia Longitudinal Monitoring Survey NRU HSE (RLMS HSE)]*. 6: 143–146.
- Rosin O. (2008). The economic causes of obesity: A survey // *Journal of Economic Surveys*. 22(4): 617–647.
- Ruhm C.J. (2005). Healthy living in hard times? // *Journal of Health Economics*. 24(2): 341—363.
- Sargent J.D., D.G. Blanchflower (1994). Obesity and stature in adolescence and earnings in young adulthood // *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*. 148(7): 681-687.
- Sassi F. (2010). *Obesity and the Economics of Prevention: Fit Not Fat*. Paris: OECD Publishing.
- Sassi F., M. Devaux, M. Cecchini, E. Rusticelli (2009). The obesity epidemic: Analysis of past and projected future trends in selected OECD countries // *OECD Health Working Papers*. 45. Paris: OECD Publishing.
- Stryjecki C., A. Alyass, D. Meyre (2018). Ethnic and population differences in the genetic predisposition to human obesity // *Obesity Reviews*. 19: 62–80.
- Stunkard A., J. Harris, N. Peersen, G. McClearn (1990). The body-mass index of twins who have been reared apart // *New England Journal of Medicine*. 322(21): 1483–1487.
- Sturm R. (2002). The effects of obesity, smoking and drinking on medical problems and costs // *Health Affairs (Millwood)*. 21: 245–253.
- Tsai S.P., J.K. Wendt, F.S. Ahmed, R.P. Donnelly, T.R. Strawmyer (2005). Illness absence patterns among employees in a petrochemical facility: impact of selected health risk factors // *Journal of Occupational and Environment Medicine*. 47: 838–846.
- Waller H.Th. (1984). Height, weight and mortality: The Norwegian experience. *Acta Medica Scandinavica*. Supplement 679.
- WHO (2017). *Adolescent obesity and related behaviours: Trends and inequalities in the WHO European Region, 2002–2014*. WHO Regional Office for Europe: Copenhagen.
- Withrow D., D.A. Alter (2011). The economic burden of obesity worldwide: A systematic review of the direct costs of obesity // *Obesity Reviews*. 12(2): 131-141.
- Becker G., K. M. Murphy (1988). A theory of rational addiction // *Journal of Political Economy*. 96(4): 675—700.

ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Ирина ЦАПЕНКО

Статья посвящена анализу основных направлений ведущихся государствами глобального Севера поисков эффективных подходов к управлению культурным разнообразием. Показано, что массовая иммиграция с глобального Юга резко усложняет культурную неоднородность принимающих обществ Севера. Последняя, в свою очередь, сопряжена с серьезными вызовами размывания их культурной идентичности, фрагментации и социально-политической дестабилизации, усиленными недавним миграционным кризисом. Угрозы дальнейшего расширения ареалов расселения и укрепления позиций выходцев из исламских стран в Европе сплетаются с рисками ее «рехристианизации» представителями южных течений христианства и распространения архаичных ценностей и практик. Доминирование белого населения европейского происхождения в США все заметнее ослабляется быстро укрупняющимися инокультурными сообществами выходцев из стран Латинской Америки и Азии. Ни ассимиляционизм, игнорирующий и подавляющий культурные различия, ни сменивший его мультикультурализм, признающий и поощряющий их, не смогли дать эффективного ответа на рост разнообразия и помочь избежать усиления территориальной сегрегации, культурной замкнутости «параллельных сообществ» и социального иждивенчества их членов. На волне критики мультикультурализма вновь возрождается ассимиляционный подход. В то же время предлагаются и новые интеграционные концепты. Омникультурализм акцентирует общность человеческой природы разных этнорасовых групп, а поликультурализм – пересечение их историй и взаимосвязи, однако практическая реализация обоих подходов может иметь лишь ограниченный и спорный эффект. Интеркультурализм, делающий ставку на перенастройку городской системы управления и общественных структур на функционирование в условиях разнообразия и налаживание снизу конструктивного межкультурного взаимодействия, уже позитивно себя зарекомендовал в локальных практиках. Вместе с тем результаты таких инициатив пока скромны и непрочны. Это делает перспективы интеркультурализма неопределенными, пока он не пройдет проверку на национальном уровне.

Ключевые слова: иммиграция, этнокультурное разнообразие, ассимиляционизм, мультикультурализм, новая политика гражданской интеграции, омникультурализм, поликультурализм, интеркультурализм.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, как адекватно организовать этнокультурное разнообразие и обеспечить при его сохранении гражданское единство и согласие в многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации, выдвинулся в число ключевых, жизненно важных, по сути, экзистенциальных для современных обществ. И решение этого вопроса во многом зависит от выбора и реализации верной интеграционной стратегии.

Ирина Павловна ЦАПЕНКО (tsapenko@bk.ru), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Россия.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №16-07-00008-ОГН-А «Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма».

Статья поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Анализу основных направлений поисков, ведущихся уже не одно десятилетие государствами глобального Севера в области эффективных подходов к социокультурной интеграции мигрантов, посвящена предлагаемая статья. В работе предпринята попытка показать главные причины современного кризиса интеграционной политики, представить новые концепты сближения представителей разных этносов и культур и оценить имплементационные возможности предлагаемых подходов к организации межкультурного взаимодействия. Логика решения этих задач определяет структуру исследования. В контексте рассмотрения этнокультурных сдвигов, порожденных иммиграцией, обозначаются вызовы разнообразия, требующие адекватного ответа принимающих государств. При характеристике ассимиляционизма и мультикультурализма выделяются как преимущества этих интеграционных парадигм, обеспечившие их долговечность, так и ограничения, обусловившие необходимость смены данных моделей. В качестве новых концептов сближения разных культур анализируются омникультурализм, поликультурализм и интеркультурализм. Теоретическим основаниям и практикам интеркультурализма как наиболее вероятной альтернативе прежним подходам уделяется особое внимание. Автор не сводит политику интеркультурализма сугубо к реализации европейского проекта «Межкультурные города» и тем более к таким «витринным» инициативам, как межэтнические семейные чаепития. Интеркультурализм представляется как объемлющий интеграционный курс, опирающийся на практики, которые возникли задолго до запуска данного проекта, и имеющий по сравнению с последним гораздо более широкое территориальное распространение.

Исследование опирается на статистические данные ООН, Бюро переписи населения США, Исследовательского центра Pew, Евробарометра, Европейского статистического исследования и др.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИММИГРАЦИИ

По данным ООН, 61% мигрантов, проживавших в 2017 г. в развитых регионах мира, были уроженцами развивающихся регионов¹ [UN 2017]. Массовая иммиграция с глобального Юга несет странам Севера многомерные и неоднозначные последствия. Важнейшие из них – радикальные изменения в этнической, лингвистической, конфессиональной и других композициях принимающих обществ, умножающие пестроту мозаики культурных идентичностей этих социумов, особенно в крупных городах. К примеру, в Амстердаме, Роттердаме и Гааге проживают представители свыше 170 этнонациональных групп; жители Торонто говорят более чем на 140 разных языках и диалектах.

Немецкий культуролог С. Вертовек квалифицирует этнокультурные сдвиги в развитых регионах мира как “трансформирующую диверсификацию разнообразия” (*transformative diversification of diversity*). Возникающее в результате этого сверхразнообразие (*super-diversity*) означает «не только усложнение состава населения по

¹ Согласно классификации ООН, к развитым регионам относятся страны Северной Америки и Европы, а также Австралия, Новая Зеландия и Япония, к развивающимся – все остальные государства.

этносам и странам происхождения, но и ... возникновение новых взаимосвязей и взаимодействий» [Vertovec 2007: 1025].

Так, иммиграция, привнося извне разнообразие этнических, конфессиональных, лингвистических и других идентичностей, способствует конструированию его новых, все более многоликих форм и изнутри принимающего общества. Поскольку зачастую мигранты не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, происходит смешение и объединение элементов взаимодействующих культур и возникновение новых культурных феноменов. В такой среде обитания на границах и перекрестках разных культур генерируются *новые транскультурные пластичные самокатегоризации* [Berry, Epstein 2005: 25], в которые заложен интеграционный потенциал. По результатам обследования 2015 г. только 32% испаноамериканцев первого поколения, родившихся за пределами США, были билингвальными и лишь 7% предпочитали английский язык, у представителей второго поколения эти показатели составляли уже 51 и 43%, а у третьего и последующих – 24 и 75% соответственно. Аналогичным образом считали себя хиспэникс 97% уроженцев Латинской Америки, 92% мигрантов во втором поколении, 77% – в третьем и 50% – в четвертом и последующих [Lopez, Gonzalez-Barrera, Lypetz 2017]. А ослаблению лингвистической составляющей идентичности испаноговорящих групп сопутствовала американизация их этнорасового самоопределения.

В то же время интенсивное разрастание сообществ представителей незападных этносов и цивилизационных принадлежностей благоприятствует устойчивости маркерных черт присущей им отличной культуры повседневности, системы ценностей и самоидентификации. В соответствии с идеей третьего демографического перехода, выдвинутой британским демографом Д. Коулменом, в условиях ухудшения демографической ситуации в государствах Севера, прежде всего Европы, идет замещение исконного населения быстро увеличивающимися чужеродными диаспорами и *наступление их инокультурных идентичностей*.

В Западной Европе, особенно во Франции, Германии и Великобритании, возникли крупные общины уроженцев стран исламского Юга. В 2016 г. численность мусульман в 28 странах ЕС, Норвегии и Швейцарии оценивалась центром Pew в 25,8 млн (4,9% населения). Такие оценки представляют собой довольно сложную задачу, основаны на ряде допущений и поэтому не могут рассматриваться как абсолютно достоверные, хотя представление о порядке величин они все же, видимо, дают. Эту оговорку необходимо учитывать при всех последующих рассуждениях, касающихся нынешнего или прогнозируемого центром Pew числа мусульман в Европе.

Быстрому росту мусульманских диаспор способствует преобладание выходцев из исламских стран в миграционных, в первую очередь вынужденных, потоках. В результате в 2010-2016 гг. нетто-миграция мусульман составила 3,5 млн, существенно опередив соответствующий показатель немусульман – всего 1,3 млн [Pew... 2017: 2]. Механический прирост мусульманского населения в свою очередь ускоряет и без того его высокую естественную динамику, определяемую молодостью мигрантов из исламских стран, их высоким репродуктивным потенциалом и традициями многодетности. При том, что в 2016 г. медианный возраст мусульманского населения в Европе составлял 30 лет (в том числе во

Франции – 27 лет, Великобритании – 28 лет), у жителей региона, не связанных с исламской традицией, – 44 года. В среднем, коэффициент суммарной рождаемости связанных с этой традицией женщин в Европе достигал 2,6 (3,1 в Финляндии, 2,9 во Франции и Великобритании, 2,8 в Швеции), тогда как у остальных он составлял всего 1,6 (в Греции 1,3). В результате в 2010-2016 гг. естественный прирост населения, оказавшегося в Европе в результате миграции из регионов преобладания ислама, составил 2,9 млн, тогда как остальное население региона понесло естественную убыль 1,7 млн человек [Рев... 2017: 5, 12, 34, 37].

Во всех сценариях прогнозов исследовательского центра Pew ожидается рост численности мусульман в Европе – более динамичный, чем других групп населения. К 2050 г. при сценарии нулевой миграции численность населения, связанного с исламской традицией, в регионе возрастет до 35,8 млн (7,4% населения); при средней миграции – продолжении так называемых регулярных потоков (трудовых, учебных, семейных), но прекращении приема беженцев – до 57,9 млн (11,2%); при высокой миграции – сохранении всех паттернов миграции 2014-2016 гг. – до 75,6 млн (14%) [Рев... 2017: 5]. В последнем случае абсолютная и относительная численность мусульман и их потомков в регионе утроится. В частности, при высокой миграции к 2050 г. численность мусульман превысит 17 млн в Германии и 13 млн в Великобритании и Франции [Рев... 2017: 29]. А их доля в Швеции может достичь 31%, Германии и Австрии – 20%, Франции и Бельгии – 18%. В странах Северной и Центральной Европы удельный вес приверженцев ислама возрастет более чем на 10 п.п., в том числе в Швеции – на 22.4 п.п., что несет серьезные риски социальных катаклизмов на этнокультурной почве (таблица).

Наряду с рисками «исламизации» в последние годы обозначились и угрозы «рехристианизации» Европы афрохристианами и связанные с этим вызовы сложившейся западной культурной идентичности, которые обусловлены массовыми потоками туда мигрантов из прохристианских стран Тропической Африки, сохраняющих черты традиционных обществ с присущей им значимой ролью общинности в организации жизни, ритуалов и др. В 2017 г. в Европе проживало 4,15 млн уроженцев этих государств (на 420 тыс. больше, чем в 2010 г.), в том числе 1,27 млн в Великобритании, 980 тыс. – Франции, 370 тыс. – Италии и 360 тыс. – в Португалии (для сравнения: в США в 2017 г. проживало 1,55 млн выходцев из этих стран) [Рев... 2018: 3, 6, 8].

Как верно подмечает Л. Андреева, миграционные потоки «южных христиан из стран к югу от Сахары в Европу (как и мусульман) несут архаизацию не только современному европейскому христианству, но и самой секулярной европейской цивилизации. При том что, с одной стороны, в Европе доминируют секулярные ценности и христианство по сути стало элементом культуры, а с другой – нормы афрохристианства являются подлинно религиозными, встреча «северного» и «южного» христианства в условиях чуждого для афрохристианства современного европейского цивилизационного кода выльется в противоборство цивилизационных ценностей постиндустриального общества и архаических ценностей» [Андреева 2018].

Таблица. Прогнозные сценарии динамики доли мусульман в населении некоторых европейских стран, %

	2010	2016	2050 нулевая миграция	2050 средняя миграция	2050 высокая миграция
Группа стран ЕС-28, Норвегии и Швейцарии в целом, <i>в том числе:</i>	3,8	4,9	7,4	11,2	14,0
Кипр	25,3	25,4	25,5	26,6	28,3
Швеция	4,6	8,1	11,1	20,5	30,6
Франция	7,5	8,8	12,7	17,4	18,0
Великобритания	4,7	6,3	9,7	16,7	17,2
Бельгия	6,0	7,6	11,1	15,1	18,2
Норвегия	3,7	5,7	7,2	13,4	17,0
Нидерланды	6,0	7,1	9,1	12,5	15,2
Италия	3,6	4,8	8,3	12,4	14,1
Дания	4,0	5,4	7,6	11,9	16,0
Финляндия	1,2	2,7	4,2	11,4	15,0
Германия	4,1	6,1	8,7	10,8	19,7
Австрия	5,4	6,9	9,3	10,6	19,9
Швейцария	4,9	6,1	8,2	10,3	12,9
Болгария	11,1	11,1	12,5	9,2	11,6
Греция	5,3	5,7	6,3	8,1	9,7
Испания	2,1	2,6	4,6	6,8	7,2
Ирландия	1,1	1,4	1,6	4,3	4,4
Португалия	0,3	0,4	0,5	2,5	2,5
Венгрия	0,1	0,4	0,4	1,3	4,5

Источник: [Pew... 2017: 30].

Под воздействием иммиграции происходят серьезные изменения и в этнокультурном портрете США. Белые американцы, потомки выходцев с Британских островов, из Германии и других европейских стран, составлявшие в 2016 г. 61,3% населения страны, в 2060 г., хотя и останутся крупнейшей этнорасовой группой, но уже не будут большинством – их доля сократится до 44,3% [Vespa, Armstrong, Medina 2018: 7-8]. Этот процесс вызван стремительным ростом населения латиноамериканского и азиатского происхождения.

На долю уроженцев Латинской Америки, в основном Мексики, приходится большинство населения иностранного происхождения и уже сформировалось весьма многочисленное сообщество так называемых хиспэникс (*Hispanics*), или латинос (*Latinos*), объединяемых общностью испанского языка, латиноамериканских корней и культуры. В 2016 г. испаноязычное меньшинство насчитывало 57 млн человек (17,8% населения США, в том числе 48% жителей штата Нью-Мексико и более 90% в 2 крупных метрополисах), уступая лишь белому большинству. А в 2060 г., по прогнозам американского Бюро переписи населения (БПН), оно достигнет 111 млн (27,5%) [Vespa, Armstrong, Medina 2018: 7], обеспечивая основную часть демографического прироста страны.

В то же время, при всей серьезности вызова *испанизации*, брошенного американскому обществу, все четче обозначаются тенденции его *азиатизации*. Показатели среднегодового увеличения численности испаноязычных общин в США снижаются (с 5,8% в 90-е годы и 4,4% в 2000-2007 гг. до 2,8% в 2007-2014 гг.), отдавая первенство более

динамичному укрупнению азиатских сообществ (3,4% в 2007-2014 гг.) [Stepler, Lopez 2016]. По оценкам БПН, за 2016-2060 гг. доля азиатов в населении увеличится с 5,7 до 9,1%, а среди проживающих в США уроженцев других стран – с 27,2 до 28,2% при том, что аналогичная доля латинос сократится с 44,8 до 39,3% [Vespa, Armstrong, Medina 2018: 7].

Демографическая и социокультурная экспансия этнических меньшинств усиливает риски фрагментации и поляризации многосоставных социумов. Этнополитические размежевания на «своих-чужих» усугубляются социально-экономической дифференциацией последних, этнизацией таких острых социальных проблем принимающих обществ, как безработица, бедность, депривация, социальное неравенство, геттоизация городского пространства и др.² Это в свою очередь способствуют воспроизводству и укреплению культурной обособленности таких «параллельных миров» и обуславливает насущную потребность принимающих государств в адекватной интеграционной политике.

АССИМИЛЯЦИОННЫЙ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТСКИЙ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ

В развитых регионах мира наибольшее распространение получили *две парадигмы* интеграционной политики. Во-первых, это ассимиляционный курс на стирание этнокультурной неоднородности принимающего общества, который опирается на так называемый этнический дальтонизм, не различающий цвета кожи (*colour-blind*) и формально считающий равными разные расы и этносы. И, во-вторых, – мультикультуралистская стратегия признания этнокультурного разнообразия и создания условий для его поддержания.

Согласно *первой парадигме* этнорасовые предрассудки проистекают из неадекватного фокусирования общественного внимания на групповых принадлежностях и могут быть ослаблены путем акцентирования общности черт представителей разных этнорасовых групп, их принадлежности к одной нации или необходимости принятия всеми группами господствующей культуры мейнстрима [Rosenthal, Levy 2010]. Это, по сути, означает ассимиляцию, основными теоретиками «классического варианта» которой являются М. Гордон, Р. Альба и В. Ни. Такой тип интеграции предполагает одностороннее усвоение переселенцами социальных нормативов относительно гомогенного принимающего общества и полную утрату представителями меньшинств своей этнокультурной самобытности. Яркие образцы подобной политики представляли Франция и США.

Во Франции согласно модели *гражданской интеграции* государство обязано обеспечить иммигранту благоприятные условия для быстрого получения гражданства

² Согласно опросу Центра Рев, в 2016 г. 47% испаноязычных жителей отнесли себя к низшему классу по сравнению с 32% англосаксонских, а к высшему классу – напротив 8 и 17% соответственно; 52% латинос сталкивались с дискриминацией или несправедливым отношением из-за их этнорасовой принадлежности [Рев... 2016: 59, 70]. Примерно 40% жителей США, идентифицирующих себя как латинос, проживают в этнических анклавах [Lopez, Gonzalez-Barrera, Lypez 2017].

принимающей страны. Из принципа равенства всех французских граждан перед законом вытекает требование политической лояльности стране и следования ее культурным нормам в публичной сфере. Этнические, культурные и религиозные вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни мигрантов.

В США модель *плавильного котла* (*melting pot*) долгие годы выступала одним из главных принципов строительства этой нации иммигрантов. Данный курс предполагал «сплавление» населяющих страну народов, растворение их различий и формирование на этой основе американской национальной идентичности. Важная роль в процессе американизации отводилась языковой ассимиляции.

Однако, несмотря на ценность заложенного в подобный подход равенства отношения ко всем жителям как к гражданам, независимо от их культурной принадлежности, его реализация не предполагала активного противодействия расизму и дискриминации. Кроме того, как показывает исторический опыт, такой тип интеграции «работает», как правило, лишь в тех случаях, когда мигранты сравнительно не многочисленны, этнически относительно близки коренному населению и территориально расплывлены по стране. Ныне полная ассимиляция этнических меньшинств нереалистична по целому ряду причин. Главные из них:

- формирование весьма крупных диаспор представителей незападных цивилизаций;
- постоянный массовый приток инокультурных мигрантов, пополняющий такие сообщества новыми неинтегрированными контингентами;
- становящаяся критической территориальная концентрация приезжих и их потомков;
- их отличность от коренного населения;
- чужеродность для них культуры западного мира, в особенности трудная совместимость норм и ценностей традиционного ислама и христианского основания западной цивилизации;
- инертность их облика, маркера коллективной идентичности;
- большая длительность ассимиляционного процесса, порой растягивающаяся на несколько поколений;
- распространение «ксенорасизма» в принимающих обществах.

О пробуксовке ассимиляционного подхода к интеграционной политике, доминировавшего в западных странах вплоть до 70-х годов прошлого века, свидетельствовал продолжавшийся рост этнических анклавов и маргинализация мигрантов второго и третьего поколений. Более того, в США не только не удалось воспрепятствовать расширению испаноязычных ареалов, но и сохранились тенденции к сегрегации афроамериканцев в пространственных гетто и экономических нишах. Недовольство представителей этнических меньшинств своим депривированным, маргинальным положением проявлялось в социальных волнениях, периодически вспыхивающих в негритянских кварталах городов США.

Вслед за кризисом ассимиляционной стратегии в 70–90-е годы утвердилась *вторая парадигма* – мультикультурализма, активными сторонниками которого являются У. Кимлика, Б. Парекх, Ч. Тейлор, Т. Модуд и др. В основе мультикультуралистской

концепции интеграции лежит признание и регулирование культурного многообразия на основе принципов взаимности, равенства и сплоченности. Мультикультуралистская интеграционная политика в теории предполагала обеспечение большей проницаемости границ между культурами меньшинств и большинства и двусторонность, встречность интеграционного процесса.

Выделяются две главные разновидности мультикультуралистской политики.

Первый вариант – так называемой *культурной мозаики* – характерен для Канады, Австралии и Новой Зеландии, где мультикультурализм возведен в ранг национальной политики. В Канаде принцип культурного плюрализма стал основой нации и лозунгом национальной политики: «Одна нация, два языка, много народов и культур». В Австралии успешному встраиванию приезжих в принимающий социум помимо активной политики мультикультурализма благоприятствовала и местная культура, в которой мужское братство и товарищество (*mateship*) считаются отличительными чертами национального характера, олицетворяют солидарность и взаимопомощь и формируют толерантную интеграционную среду [Культурная сложность... 2016: 185].

Второй вариант – так называемый *корпоративный мультикультурализм*, воплощавшийся в Нидерландах и Великобритании. В Нидерландах по праву почвы всем родившимся там потомкам мигрантов предоставлялось гражданство этой страны и были адресованы социальные программы, обеспечивавшие доступ к образованию, жилому фонду и социальной помощи. Традиции защиты прав верующих и атеистов облегчили учреждение мусульманских и прочих учебных заведений конфессиональной направленности; введение квотной системы способствовало трудоустройству жителей с иностранными корнями и расширению их представительства в политических институтах и СМИ [Wood, Landry 2008: 59].

Власти Великобритании делали упор на поддержание общественного порядка и управление отношениями между большинством и меньшинствами, формируя правовые условия для искоренения дискриминации и побуждения государственных организаций к учету в их деятельности этнокультурного разнообразия общества. И такая политика продемонстрировала немало достоинств. Среди них – образовательные успехи небелых жителей, рост в их массе средних слоев, их активное участие в политической жизни, лояльность мусульман британской нации, поддержка ее внешнеполитического курса и др. [Культурная сложность... 2016: 87].

Однако во всех странах, проводивших политику мультикультурализма, наиболее сложные проблемы инкорпорации инокультурных сообществ так и остались нерешенными, а некоторые из них даже обострились. В Великобритании отсутствие масштабных мер по интеграции представителей меньшинств в сферу занятости и их социальной поддержке обернулось появлением новых этнических анклавов, стигматизируемых массовой безработицей и депривацией их жителей. И Австралии, и Голландии, и Великобритании не удалось избежать волнений и беспорядков на этнорасовой почве.

Причины неудач в построении многокультурного общества равных возможностей кроются как в сущности самой концепции мультикультурализма, так и в изменении условий

ее практической реализации. Воплощение подобной модели, поощряющее сохранение унаследованных элементов культурной идентичности, не благоприятствует развитию чувства принадлежности к новой культуре. Как пишет известный российский этнолог Е.И. Филиппова, реализация указанной стратегии вызывает «постоянное воспроизводство и исключение "другого" внутри национального государства, создание внутренних границ в форме этнических гетто и замкнутых общин... В конечном итоге идеология мультикультурализма, предполагающая примат культурного над социальным, и тем более политика мультикультурализма, ставящая групповые права выше индивидуального выбора, противоречат принципам демократии и угрожают существованию построенных на этих принципах национальных государств» [Филиппова 2014: 56-57].

Кроме того, представляется, что мультикультуралистский курс нациестроительства так же, как и феномен нации, – исторически преходящий феномен. Поскольку «мультикультурализм жизнеспособен при сильной поддержке чувства общности у граждан принимающей страны» [Культурная сложность... 2016: 87], разворачивающийся кризис национальной идентичности лишает этот курс необходимой опоры. Более того, местное население видит в «чужаках» угрозы для национальной идентичности и риски для безопасности принимающих стран, исходящие от множественной лояльности и соответственно политической ненадежности мигрантов. Подъем «взращенного в домашних условиях» исламского терроризма, равно как и экстремизма коренных белых жителей в отношении мусульман, уже не оставляет сомнений в провале мультикультурализма в Старом Свете. Даже в Австралии и Канаде ощущается все больше скепсиса относительно перспективности этого курса.

Надо также учитывать, что, как показывает пример Нидерландов, политика мультикультурализма проводилась в условиях ограниченного числа крупных мигрантских сообществ и основывалась на наделянии их «дифференцированными по группам правами». При этом государство субсидировало самоорганизацию мигрантов, их обучение, радиовещание на их родных языках, их привлечение к политическим консультациям и др. Однако резкое усиление разнообразия населения принимающих стран существенно усложняет управление этим разнообразием и с организационной, и с финансовой точек зрения.

На волне критики мультикультурализма *справа* в Европе вновь возрождается первая парадигма, знаменуемая развертыванием «стратегии антиразнообразия» [Waal 2018]. Современный вариант ассимиляционизма получил название *новой политики гражданской интеграции*, активным теоретиком и сторонником которой выступает немецкий социолог Х. Йопке [Йорпке 2018]. При таком курсе делается акцент на занятости вновь прибывших, овладении ими базовыми знаниями языка, истории и институтов принимающей страны, уважении ими базовых либерально-демократических ценностей как неперемennых условиях для получения вида на ПМЖ и гражданства. При этом допускается применение санкционно-принудительных мер. Например, если мигранты уклоняются от посещения обязательных курсов по изучению языка, истории и институтов принимающей страны, допускается отказ властей в продлении им временного вида на жительство, уменьшение пособий и т.п.

Однако, принуждение иммигрантов к ассимиляции, включая ограничение культурно-религиозных прав³, чревато социальным исключением, нарушением демократических принципов и подавлением культурного плюрализма. Более того, оно провоцирует сопротивление «реактивной этничности», способствуя акцентированию инокультурного маркера идентичности таких сообществ и их политической самоорганизации по этническому принципу. Указанные обстоятельства не позволяют рассматривать подобную стратегию как полноценную альтернативу прежним подходам.

Еще в 2005 г. Т. Филлипс, возглавлявший тогда британскую Комиссию по расовому равенству, заявил: «Над нами нависла угроза выплеснуть интеграционного младенца из купели вместе с ассимиляционной водой... Необходим баланс между "все дозволяющим" мультикультурализмом, который ведет к углублению разногласий и неравенства, с одной стороны, и нетолерантной репрессивной униформностью, с другой. Нам нужна такая интеграция, которая нас объединяет, не подавляя при этом» [Wood, Landry 2008: 62].

ОМНИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМ: КОНЦЕПТЫ СБЛИЖЕНИЯ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

На волне критики мультикультурализма *слева* предлагаются новые модели организации межкультурных отношений, базирующиеся на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированные на поиск оснований для сближения представителей разных культур. Как это ни парадоксально, при обострении этнокультурных противоречий, спровоцированном миграционным кризисом в Европе, очертания оснований для такого сотрудничества там все же просматриваются [Цапенко, Монусова 2017]. Весной 2018 г. 77% респондентов на территории ЕС считали, что у жителей их страны есть много общего. В Швеции этот показатель достигал 92%, а в Ирландии – 96%, и это несмотря на то, что они испытали в последние годы интенсивный приток мигрантов [Standard Eurobarometer 2018: 153]. Эта же тенденция просматривается и в Америке. 54% опрошенных в 2016 г. испаноязычных и 57% англосаксонских жителей США полагали, что для улучшения межрасовых отношений (в частности между белыми и черными) в этой стране важнее фокусироваться на общем, объединяющем этнические и расовые группы, а не на уникальности исторического опыта и характеристик разных групп [Pew... 2016: 34].

Иранский психолог Ф. Могхаддам продвигает модель *омникультурализма*. Ученый пишет: «Конечной целью омникультурализма является построение общества, в котором люди осознают общность человеческой природы и отдают ей приоритет, оставляя также место для признания и дальнейшего развития групповых отличий» [Moghaddam 2012: 306]. Фактически омникультуралистская модель предполагает конструирование своеобразной двойственной идентификации: с некой общностью как категорией высшего (*superordinate*) порядка и с локальной культурной группой. Инструментом реализации данного подхода

³ Запрет ношения знаков религиозной атрибутики мусульман (хиджабы, бурки) в общественных местах во Франции, Бельгии и Австрии, запрет строительства минаретов в Швейцарии и др.

должна стать система образования, на первой стадии прививающая учащимся идеи общности человеческих ценностей и универсалий человеческого поведения, а на второй – идентифицирующая групповые различия и подчеркивающая ценности разнообразия, но при этом отдающая приоритет общности людей.

Кросскультурные исследования в США указывают на поддержку идей омникультурализма немалой частью населения этой страны. Однако люди, конструируя универсалистский концепт человеческой природы как категорию высшего порядка, нередко склонны воспринимать именно свою группу как более прототипичную, что ведет к дискриминации других групп. Например, коренные жители Германии, идентифицируя себя одновременно как немцев и европейцев, стремятся исключать аутгруппы, в частности иммигрантов, из своего определения высшей – европейской – категории. Индикатором предубеждения человека по отношению к другим этносам может служить его мнение о том, что представители разных наций отличаются друг от друга врожденным уровнем интеллекта от рождения. В 2014 г. в Чехии, Португалии, Венгрии и Эстонии так считали более трети респондентов [European Social Survey... 2014]. И в США 29% опрошенных в 2016 г. латиносы отмечали, что окружающие относятся к ним как интеллектуально неполноценным [Pew... 2016: 61]. Некоторые сторонники омникультурализма полагают, что необходимо более широкое понятие человеческой природы, включающее ее понимание в других культурах и фокусирующееся на сходстве первичных человеческих эмоций [Bilewicz, Bilewicz 2012].

Историками Р. Келли и В. Прашадом предложена модель *поликультурализма*. В рамках этого подхода акцентируются исторические и современные взаимосвязи и взаимовлияния групп, относящихся к разным этносам, расам и культурам. Отмежевываясь от эссенциалистского рассмотрения культур как обособленных и неизменных, упомянутые авторы полагают, что не бывает «чистых» культур, присущих конкретным расовым или этническим группам, и что нельзя понимать и использовать культуру для разграничения, а фактически – разобщения групп. Они представляют культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей между разными этническими и расовыми группами [Prashad 2003; Kelley 1999]. Примером таких взаимосвязей между народами Африки и Азии и взаимовлияний их культур считается боевое искусство кунг-фу, обретшее мировую популярность.

По замыслу архитекторов этой модели осознание людьми общности, характеризуемой как «все мы – наследники прошлого европейцев, африканцев, американских индейцев и ... азиатов» [Kelley 1999: 81], позволит улучшить их отношения с отличными «другими». Опираясь на результаты социально-психологических обследований населения, сторонники этого подхода считают, что распространение идей поликультурализма, в том числе через систему образования, поможет людям, относящимся к разным группам, улучшить отношения между ними, более комфортно чувствовать себя, живя, работая и обучаясь рядом с отличными «другими». При этом в процессе реализации такой политики не потребуется определение общих целей и формирование взаимозависимостей, поскольку культурное взаимовлияние существует и лишь нуждается в акцентировании [Rosenthal, Levy 2010].

Однако представители некоторых групп, особенно маргинальных, могут фокусироваться и на негативных аспектах таких связей, например, рабстве и колонизации, навязывании культуры господствующей группы и др. Представители доминирующих культур также могут недооценивать роль других культур. В 2014 г. как минимум 27% коренных жителей европейских стран полагали, что одни культуры лучше других. А в Норвегии и Дании этот показатель зашкаливал за 60% [European Social Survey... 2014].

При этом представление истории с позиции поликультурализма может фокусироваться на негативных межгрупповых отношениях и их влиянии на прошлое и современное состояние обществ, что чревато усилением взаимного неприятия и враждебности между такими группами. Напротив, сосредоточение внимания исключительно на позитивных взаимосвязях и взаимовлияниях, способствовавших, например, развитию знания, науки и технологий или формированию таких популярных продуктов культуры, как национальная еда, музыка, танцы и др., способно вызвать ощущение поверхностности данного подхода и его отвержение. Все это ограничивает потенциальные имплементационные возможности данной модели, как и предыдущей. Учитывая указанные обстоятельства, сторонники данной концепции считают предпочтительным ее нейтральный вариант, признающий наличие взаимосвязей без их оценки или же подчеркивающий как их позитивные, так и негативные аспекты [Bernardo, Rosenthal, Levy 2013].

Таким образом, эти культуралистские подходы не представляются самодостаточными. Более того, они могут иметь лишь отложенное во времени, ограниченное и притом далеко не всегда позитивное воздействие. Как представляется, общественному запросу на реформирование управления разнообразием гораздо больше отвечает интеркультурализм.

ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ВОЗМОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПРЕЖНИМ ПАРАДИГМАМ

Интеркультурализм делает ставку на развитие культурного плюрализма и налаживание позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе общности их потребностей и интересов независимо от их культурных принадлежностей в условиях их взаимной ответственности и равенства положения. В отличие от мультикультурализма, защищающего культурные различия, не создавая при этом условий для межэтнического и другого взаимодействия и сплочения социума, интеркультурализм обещает ослабить мотивы к формированию замкнутых культурных сообществ [Цапенко 2017].

Стержневые принципы этой модели были сформулированы на рубеже тысячелетий Л. Сэндеркок и вскоре получили развитие в работах П. Вуда, однако лишь в 2010-е годы, благодаря трудам Т. Кэнтла, Р. Сапаты-Барреро и ряда других исследователей, складывается теория интеркультурализма. Его идеи зафиксированы в Белой книге по межкультурному диалогу, утвержденной на Совете Европы в 2008 г., и в манифесте совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии «Межкультурные города», принятом в 2009 г.

В отличие от прежнего понятия диалога культур, исходящего из их различия, межкультурный диалог предполагает коммуникации *поверх культурных границ*. Как записано в «Белой книге», подобное межкультурное взаимодействие позволит «избежать разделения по этническому, религиозному, лингвистическому принципам», «...вместе идти вперед и на основе разделяемых всеми универсальных ценностей находить конструктивный и демократический подход к нашей различной идентичности» [White paper...2009: 3]. В результате должна сложиться «межкультурная система», которая возьмет лучшее из предыдущих моделей: из концепции ассимиляции – интерес к индивидуальной личности, ее правам и свободам, а у мультикультурализма – признание факта культурного многообразия и при этом включит «новый элемент – крайне важный для интеграции и социального сплочения – диалог на основе равного достоинства и общих ценностей» [White paper... 2009: 20]. Более того, сторонники интеркультурализма считают его новой парадигмой развития современных социумов и их интеграционной политики, представляющей третий путь, реальную альтернативу мультикультурализму и ассимиляции [Zapata-Barrero 2013; Cantle 2012; Vodirsky 2012]. Впрочем, о правоте столь категоричных суждений можно будет судить лишь по прошествии немалого времени.

В противовес мультикультурализму, сфокусированному на взаимоотношениях между государством и культурными меньшинствами, интеркультурализм акцентирует коммуникации между индивидами и группами. При этом подчеркивается добровольность подобного межкультурного взаимодействия. «Если люди не хотят контактировать, мы не можем их к этому принудить», нельзя заставить их считать хорошей жизнь, изобилующую контактами с людьми других культур, и тем более сделать такое понимание публичной нормой [Zapata-Barrero 2017]. Интеркультурализм лишь стремится создать благоприятные условия и пространства для развертывания таких коммуникаций и интеграции диалога в образ жизни.

Основной площадкой для реализации идеи межкультурной интерактивности призваны стать города. В отличие от ориентации ассимиляционной и мультикультуралистской стратегий на национальный уровень, интеркультурализм сосредоточивается на локальном уровне. Хотя, как замечает канадский философ и политолог У. Кимлика, «локальные проекты межкультурного взаимодействия непременно будут хрупкими в отсутствие явного стремления государства переопределить понятие национальной общности» (цит. по: [Jоррке 2018]).

Принципиально отличает интеркультурализм от мультикультурализма и лежащий в основе первого подход к разнообразию – не только и не столько как к фактору общественных антагонизмов, а как к ценности, преимуществу (*diversity advantage*), общественному благу и источнику развития креативного и инновационного потенциала общества.

Интеркультурализм отходит от свойственных мультикультурализму эссенциализма и принудительного группизма в отношении идентичностей. Он представляет людей и группы добровольными носителями динамичных многомерных и гибридных идентичностей, которые обладают более толерантным мышлением, способны видеть мир глазами «других», сквозь межкультурные линзы, фокусироваться на общем, сближающем, а

не на различия, уважая при этом последние, адекватно переключать поведенческий репертуар. Это делает таких индивидов «идеальными медиаторами межкультурных конфликтов и разобщенности в сообществах, нациях и в мире в целом» [Benet-Martínez 2012: 639]. В выстраивании таких идентичностей видится потенциал преодоления на микроуровне антагонизмов «мы–чужие», социального сплочения, поддержания гражданского согласия и политической стабильности в многосоставных социумах [Cantle 2012: 103]. Этому благоприятствуют и идеологическая нейтральность, и кросс-партийность призывов интеркультурализма.

В отличие от мультикультурализма интеркультурализм имеет четкую прагматическую направленность. По сути, это модель управления разнообразием в городских условиях, призванная *развивать снизу* (а не навязывать сверху) *межкультурные коммуникации*. Положения интеркультурализма уже получили воплощение в целом ряде европейских инициатив, тогда как омни- и поликультурализм пока носят лишь чисто теоретический характер. Наиболее резонансным стал совместный проект Европейской Комиссии и Совета Европы «Межкультурные города», инициированный в 2008 г. [Intercultural cities... 2009]. Помимо европейских в программе участвуют города Австралии, Израиля, Канады, Марокко, Мексики, США, Турции и Японии. Визитной карточкой этого проекта являются «Десять шагов (элементов) стратегии межкультурного города», которые включают:

- формирование позитивного отношения в обществе к разнообразию;
- пересмотр *сквозь «межкультурные линзы»* и соответствующая перестройка основных функций города в ключевых областях (образование, обустройство публичных пространств совместности, городское планирование и решение жилищных вопросов, деятельность городских служб, функционирование бизнеса и рынка труда, развитие культуры и спорта, работа полиции);
- посредничество и разрешение конфликтов;
- обучение языкам титульной нации и этнических меньшинств;
- сотрудничество городских органов власти с местными СМИ;
- развитие связей с другими городами и регионами мира;
- поддержание информированности о реальном состоянии дел в городе;
- развитие межкультурных навыков и компетенций;
- гостеприимство по отношению к новоприбывшим;
- межкультурное управление городом [Intercultural cities... 2009].

«Многие города экспериментируют с новой политикой и... являются естественными лабораториями, в которых может тестироваться такой подход» [Guidikova 2014: 1]. Менее чем за десятилетие существования программы «Межкультурные города» уже накоплен немалый арсенал позитивных практик, чувствительных к разнообразию, и отладка подобного инструментария продолжается.

Благодаря инициативам городов по созданию совместных публичных пространств, способствующих неформальным коммуникациям представителей разных культур, получили известность такие межкультурные практики, как «живые библиотеки», «вечера международной кухни», межэтнические семейные чаепития, футбольные матчи

межэтнических команд и др. [Цапенко 2017]. Однако политика интеркультурализма не сводится лишь к таким «мягким» практикам, нередко выставляемым в качестве его витрины и все же имеющим второстепенное значение по сравнению с «жесткими» мерами структурной интеграции. Интеркультурализм предполагает настройку институтов рынка труда, образования, гражданства, политического участия и так далее на потребности разнообразного населения.

Данные проведенного в 2014 г. экспертного опроса координаторов межкультурных городов о результативности местной политики в сфере образования, культуры, спорта, политического участия и сплоченности сообществ свидетельствуют в целом о позитивной динамике в указанных областях (рисунок).

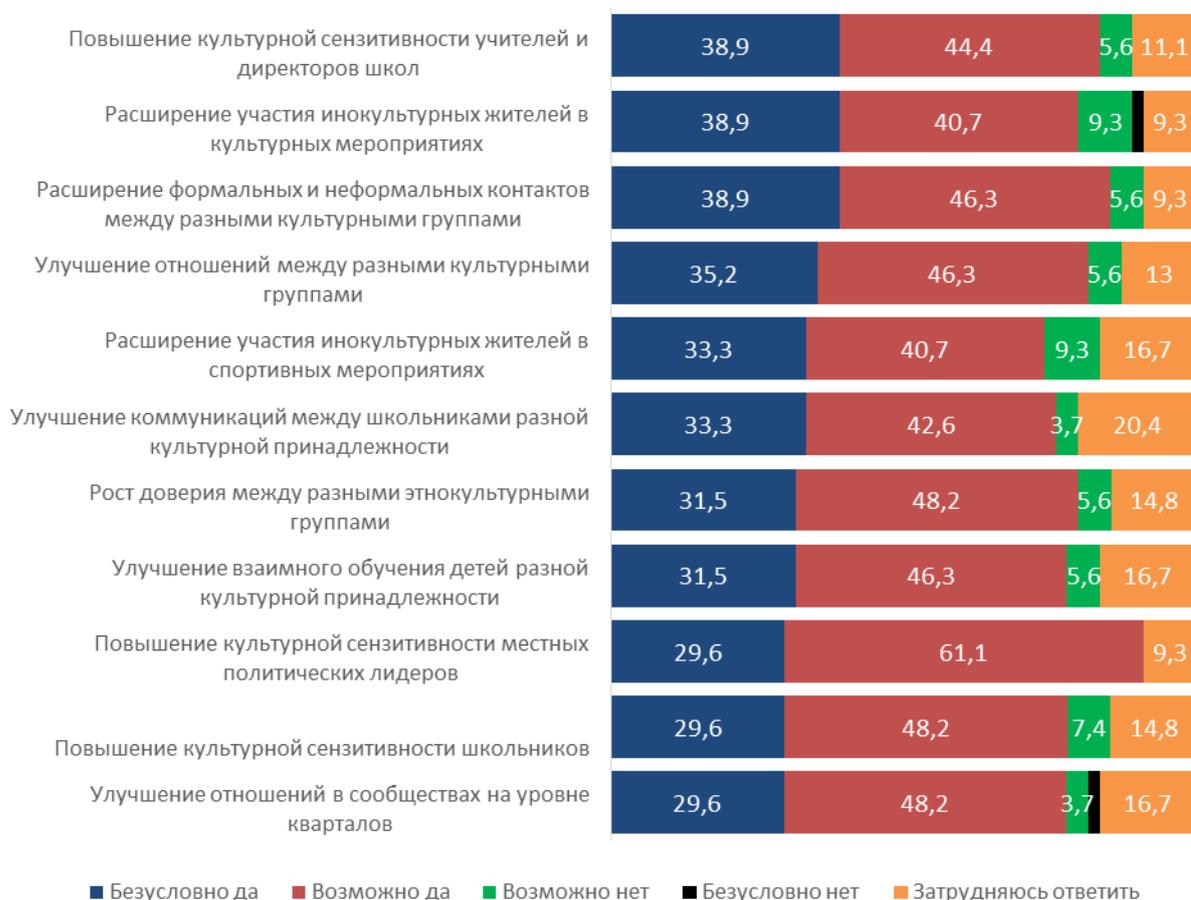

Рисунок. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив, % респондентов, 2014

Источник: Составлено по [Final Report... 2015: 46-48].

Другое осуществленное на статистических данных 2015-2016 гг. исследование обнаруживает тесную корреляцию между активной межкультурной инклюзивной политикой в городах, измеряемой «индикаторами открытости и межкультурности», с одной стороны, и благополучием местных жителей, а также их позитивной оценкой присутствия там иностранцев, с другой. Что в частности проявляется в большей доле указывающих на повышение безопасности жизни и шансов трудоустройства, качества государственных

услуг и так далее по сравнению с не участвующими в программе городами [Joki, Wolffhardt 2018].

Хотя политика местных органов власти все четче вырисовывается как ключевой фактор успешной интеграции местных сообществ, приведенные данные свидетельствуют, что результаты реализации межкультурных инициатив в рамках проекта достаточно скромные. Пока не наблюдается существенного улучшения безопасности жизни, публичного имиджа разнообразия, активизации участия мигрантов и представителей меньшинств в принятии касающихся их решений, повышении успеваемости и снижении конфликтности в школах [Final Report... 2015: 46-48].

В проекте не уделяется особого внимания межрелигиозному диалогу. Между тем мусульманский вопрос – один из наиболее болезненных в европейских обществах. Он требует безотлагательного решения, которого не достичь без специальных пакетных мер. Отсутствие же их может поставить под удар всю программу. Поскольку в подобном эксперименте официально участвует лишь мизерно малая доля из общего массива городов Европы и других регионов мира (в конце 2018 г. всего 127 участников проекта, включая российский Ижевск), межкультурная политика имеет ограниченное, по сути анклавное распространение, что в свою очередь снижает ее устойчивость. Особенно в условиях современного всплеска этнополитической конфликтности в Европе, спровоцированного кризисом беженства и способного там не только застопорить, но и повернуть вспять интеграционный процесс.

В то же время число субъектов такой политики в рамках программы увеличивается. При этом подобные практики осуществляются и за пределами указанной программы. Проведенное ОЭСР в 2017-2018 гг. обследование 72 городов и муниципалитетов стран ЕС и Турции показало, что в 61% таких территориальных образований проводились кампании, популяризовавшие позитивные эффекты иммиграции, например, возрождение старых кварталов в Афинах, восполнение депопуляционных потерь в германской Альтене и так далее; в 47% – практиковались консультации органов управления с городскими организациями мигрантов, гражданского общества и бизнес-структурами по интеграционным вопросам [Working Together... 2018: 33, 36]. В России, например, помимо Ижевска, имеется опыт налаживания неформальных межкультурных контактов на районном уровне Москвы⁴. Более того, политика интеркультурализма инкорпорирует и реконфигурирует сходные практики, которые уже сложились в предыдущие десятилетия в рамках прежних интеграционных подходов (например, предоставление иностранцам права участия в выборах местных органов власти, вовлечение представителей этнических меньшинств в деятельность правительственных институтов и государственных учреждений, проведение кампаний по борьбе с дискриминацией, осуществление специальных программ обучения детей иммигрантов языкам страны происхождения и

⁴ Установлено, что московские практики кулинарных мастер-классов для женщин, «живых библиотек» для школьников, интеркультурного футбола для молодых мужчин и другие привели к интенсификации общения с представителями других этносов, улучшению отношения к ним, усилению районной идентичности [Варшавер, Рочева, Иванова 2017].

проживания, учет этнокультурной принадлежности пациентов при проведении их лечения и др.). Опора на такой фундамент усиливает позиции данного интеграционного курса.

Хотя, разумеется, частные локальные меры типа семейных чаепитий не воплотить на макроуровне, и конкретные практики, эффективные в одних условиях, не обязательно будут работать в другом контексте, тем не менее межкультурный подход применим и в более широком масштабе. Это в частности касается борьбы с предрассудками, расизмом и дискриминацией, усиления разнообразия персонала в организациях и стимулирования межкультурного взаимодействия внутри них, развития межкультурных компетенций и навыков государственных служащих и более широкого круга заинтересованных лиц, создания совместно используемых пространств (например, в СМИ и Интернете). О возможности воспроизведения такого опыта в масштабе регионов свидетельствует, в частности, принятие в целом ряде земель Германии интеграционных законов, которые требуют «межкультурной открытости органов власти», а именно внимательности к лингвистическим, религиозным и прочим культурным запросам обращающегося в них населения и даже приоритетности найма лиц с иммигрантскими корнями [Joppke 2018]. А в национальном плане – например, включение специального курса «межкультурная компетентность» в учебный план подготовки педагогических и социальных работников.

Расширению трансфера межкультурных технологий с местного на более высокий уровень призваны содействовать консультации органов власти соответствующих уровней и разные дискуссионные платформы (*European Network of Intercultural Centres*, *EUROCITIES* и др.). Этому должно поспособствовать и создание в 2017 г. Лаборатории инклюзивной интеграционной политики «Квадратура круга», которая будет заниматься разработкой концепции межкультурной политики национального и регионального масштаба.

* * *

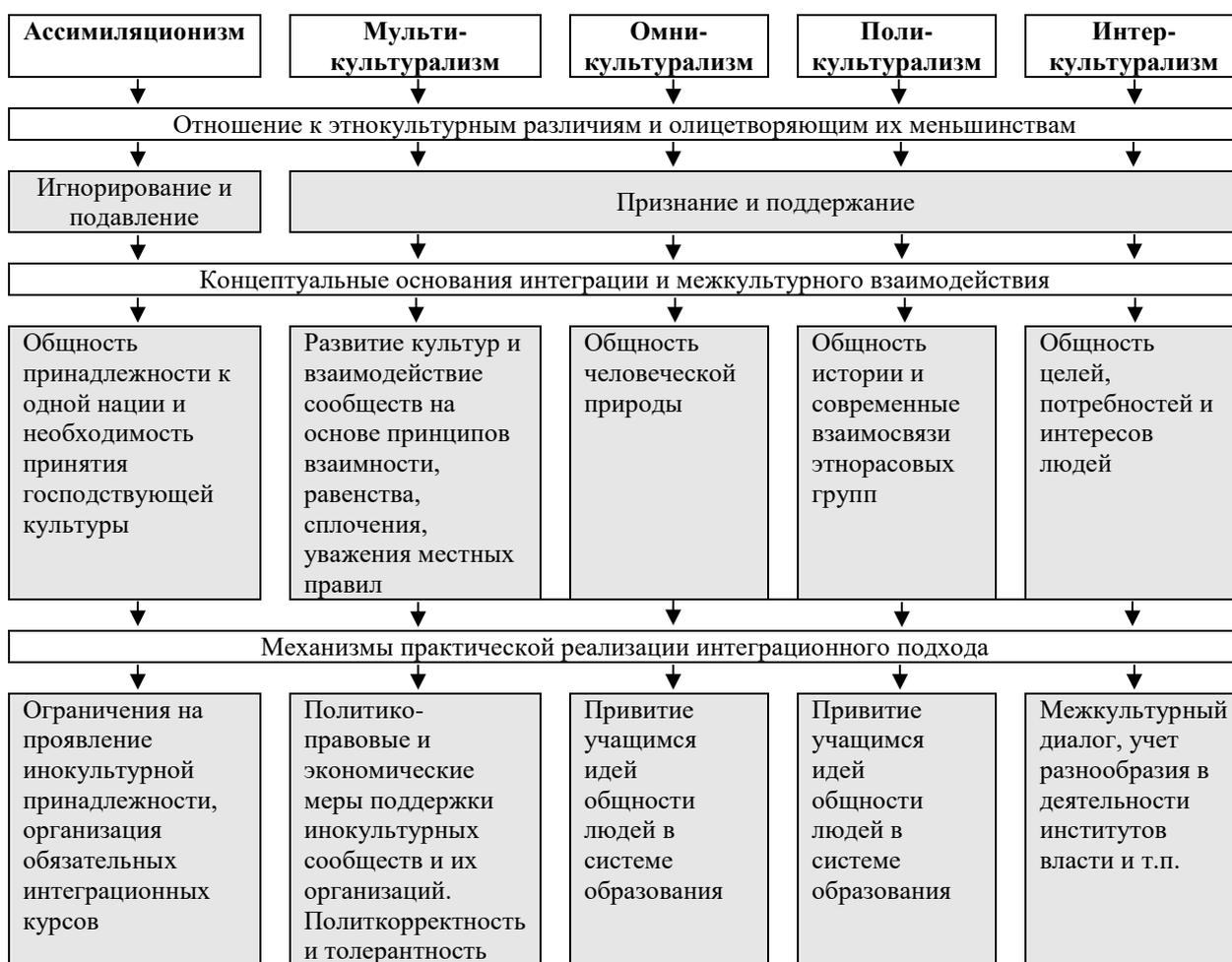
В условиях кризиса ассимиляционизма и мультикультурализма, неспособных дать ответ на вызовы разнообразия, в принимающих обществах ведутся поиски новых оснований для сближения представителей разных культур. Выдвинуты такие концепты, как омникультурализм, акцентирующий общность человеческой природы, и поликультурализм, представляющий культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей разных этнорасовых групп. Однако подобные подходы применимы в основном только в системе образования, и их реализация может дать лишь ограниченный и спорный эффект. Более адекватные теоретические и практические решения предлагает интеркультурализм, делающий ставку на перенастройку городской системы управления и общественных структур на условия разнообразия и налаживание снизу позитивного межкультурного взаимодействия.

Основные черты используемых и предлагаемых подходов представлены на схеме.

Межкультурные практики уже позитивно зарекомендовали себя в рамках европейского проекта на локальном уровне. Вместе с тем результаты таких инициатив пока скромны и непрочны. Неслучайно «Белая книга» предупреждает, что «межкультурный

диалог не панацея от всех зол и не дает ответа на все возможные вопросы;... сфера его применения может оказаться ограниченной» [White paper... 2009: 18]. В силу указанных обстоятельств перспективы интеркультурализма неопределенны и на данный момент не позволяют увидеть в нем реальную альтернативу прежним подходам, по крайней мере, пока он не пройдет проверку на национальном уровне. Чтобы представлять, как изменяется место интеркультурализма в общественном пространстве, необходимы его дальнейшие исследования как идейного течения и практической политики, причем в гораздо более широком, не ограничиваемом узкими рамками европейского проекта, контексте, равно как и отслеживание возможного появления новых парадигм управления разнообразием.

Схема. Основные подходы к социокультурной интеграции мигрантов

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Л.А. (2018). Миграционные потоки «южных» христиан из стран Тропической Африки в секулярную Европу в начале XXI века: встреча «северного» и «южного» христианства // *Контуры глобальных трансформаций*. 11(4): 206-218.
- Варшавер Е.А., А.Л. Рочева, Н.С. Иванова (2017). Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // *Социологические исследования*. 5: 110-117.

- Культурная сложность современных наций (2016) / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 384 с.
- Филиппова Е.И. (2014). Мультикультурализм мертв? Дискурс и практики мультикультурализма в России и за рубежом // Человек в меняющемся мире / Ред. кол. Д.А. Функ и др. Томск: Издательство Томского университета: 56-57.
- Цапенко И. П., Г.А. Монусова (2017). Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах// Polis. Political Studies. (4): 90-105.
- Цапенко И.П. (2017). Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов // Вестник Российской академии наук. 87(10): 915–926.
- Benet-Martínez V. (2012). Multiculturalism: Cultural, social, and personality processes // Oxford Handbook of Personality and Social Psychology / K. Deaux, M. Snyder, eds. Oxford: Oxford University Press: 623-648.
- Bernardo A., L. Rosenthal, S. Levy (2013). Polyculturalism and attitudes towards people from other countries // International Journal of Intercultural Relations. 37(3): 335–344.
- Berry E., Epstein M. (2005). Transcultural experiments: Russian and American models of creative communication. New York: St. Martin's Press: 352.
- Bilewicz M., A. Bilewicz (2012). Who defines humanity? Psychological and cultural obstacles to omniculturalism // Culture Psychology. 18(3): 331-344.
- Bodirsky K. (2012). The intercultural alternative to multiculturalism and its limits. Paper presented at the EASA conference, Paris, 2012. URL: http://scholarworks.umass.edu/chess_easa?utm_source=scholarworks.umass.edu%2Fchess_easa%2F8&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 10.09.2018).
- Cantle T. (2012). Interculturalism: The new era of cohesion and diversity. London: Palgrave Macmillan. 256 p.
- European Social Survey 2014 database (2014). Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 29.08.2017).
- Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme. Council of Europe, 2015 (2015): 64. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680307e66> (дата обращения: 15.09.2018).
- Guidikova I. (2014). Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // RSCAS Policy Paper (2): 8. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/29358/RSCAS_PP_2014_02.pdf?sequence=1 (дата обращения: 19.10.2018).
- Intercultural Cities: Towards a model for intercultural integration (2009) / P. Wood, ed. Strasbourg: Council of Europe. 124 p.
- Joki A.-L., A. Wolffhardt (2018). How the intercultural integration approach leads to a better quality of life in diverse cities. URL: <https://rm.coe.int/intercultural-to-the-core-how-the-intercultural-cities-index-can-be-be/168076631b> (дата обращения: 13.10.2018).
- Joppke C. (2018) War of words: interculturalism v. multiculturalism // Comparative Migration Studies. 6: 11. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0079-1> (дата обращения: 19.10.2018).

- Kelley R. (1999). Polycultural Me // *Utne Reader*. 95. URL: <http://www.utne.com/politics/the-people-in-me.aspx?PageId=2> (дата обращения: 19.11.2017).
- Lopez M., A. Gonzalez-Barrera, G. Lypez (2017). Hispanic identity fades across generations as immigrant connections fall away. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away> (дата обращения: 05.04.2018).
- Moghaddam F.M. (2012). The omnicultural imperative // *Culture and Psychology*. 18: 304-330. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1354067X12446230> (accessed:19.11.2017).
- Pew Research Center (2016). On views of race and inequality, blacks and whites are worlds part. 2016. URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2016/06/ST_2016.06.27_Race-Inequality-Final.pdf (accessed: 10.09.2018).
- Pew Research Center (2017). Europe's growing Muslim population. URL: <http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population> (accessed: 10.09.2018).
- Pew Research Center (2018). At least a million Sub-Saharan Africans moved to Europe since 2010. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/03/22135249/Africa-Migration-March-22-FULL-REPORT.pdf> (accessed: 07.09.2018).
- Prashad V. (2003). Bruce Lee and the anti-imperialism of Kung Fu: A polycultural adventure // *Positions*. 11(1): 51–89.
- Rosenthal L., S. Levy (2010). The colorblind, multicultural, and polycultural ideological approaches to improving intergroup attitudes and relations // *Social Issues and Policy Review*. 4(1): 215-246.
- Standard Eurobarometer 89 (2018). Public opinion in the European Union. Annex. 201 p. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 10.10.2018).
- Stepler R., M. Lopez (2016). U.S. Latino population growth and dispersion has slowed since onset of the Great Recession. URL: <http://www.pewhispanic.org/2016/09/08/latino-population-growth-and-dispersion-has-slowed-since-the-onset-of-the-great-recession> (accessed: 08.09.2018).
- UN (2017). Trends in international migrant stock: The 2017 revision. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.shtml> (accessed: 22.08.2018).
- Vertovec S. (2007). Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*. 30(6): 1024-1054.
- Vespa J., D. Armstrong, L. Medina (2018). Demographic turning points for the United States: population projections for 2020 to 2060. Population estimates and projections. Current Population Reports. URL: https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2018/demo/P25_1144.pdf (accessed: 10.10.2018).
- Waal T. (2018). Is the post-multicultural era pro-diversity // *Comparative Migration Studies*. 6:15. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0084-4> (дата обращения: 10.10.2018).
- White Paper on Intercultural Dialogue: “Living Together as Equals in Dignity” (2008). Strasbourg: Council of Europe. 61 p.

- Wood P., C. Landry (2008). *The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage*. London: Earthscan. 360 p.
- Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees (2018). Paris: OECD Publishing. 190 p.
- Zapata-Barrero R. (2013). The three strands of intercultural policies: A comprehensive view // GRITIM-UPF Working Paper Series. 17: 37.
- Zapata-Barrero R. (2017). Interculturalism in the post-multicultural debate: A defense // *Comparative Migration Studies*. 5: 14. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z> (дата обращения: 10.10.2018).

FOR FRESH APPROACHES TO THE SOCIO-CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS

IRINA TSAPENKO

The article is devoted to an analysis of the main approaches taken by the global North States in their search for effective ways to manage cultural diversity. It is shown that mass immigration from the global South disrupts the cultural mix of host societies, thus presenting serious threats of erosion of their national identity, fragmentation and socio-political destabilization aggravated by the recent migration crisis. The threats of further expansion of predominantly Muslim areas and the strengthening of Islam's position in Europe are intertwined with the risks of a re-Christianization of this region by representatives of the southern currents of Christianity and the spread of archaic values and practices. The dominance in the US population of white Americans of European descent is being increasingly weakened by the rapidly growing communities of immigrants from Latin America and Asia with their foreign cultures. Neither assimilation, which ignores and suppresses cultural differences, nor the multiculturalism that has replaced it and both recognizes and promotes them, has been able to provide an effective response to the growth of diversity and to avoid the expansion of territorial segregation, cultural isolation of "parallel communities" and social dependency of their members. The assimilation approach is making a comeback on the wave of criticism of multiculturalism. At the same time, fresh integration concepts are being proposed. Omniculturalism emphasizes the commonality of human nature of different ethnic and racial groups, and polyculturalism – the intersection of their stories and relationships, but the practical implementation of both models can have only a limited and controversial effect. Interculturalism, which relies on the readjustment of the city's management system and social structures to the conditions of diversity and the establishment of constructive intercultural interaction from below, has already proven effective at a local level. However, the results of such initiatives are modest and fragile. This makes the prospects for interculturalism uncertain until it is tested at the national level.

Key words: immigration, ethnocultural diversity, assimilation, multiculturalism, new policies of civic integration, omniculturalism, polyculturalism, interculturalism.

IRINA TSAPENKO (tsapenko@bk.ru), PRIMAKOV NATIONAL RESEARCH INSTITUTE OF WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS (IMEMO), RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

THIS ARTICLE WAS PREPARED WITH FINANCIAL SUPPORT PROVIDED BY THE RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH (RESEARCH GRANT № 16-07-00008-OGON "INTEGRATION OF MIGRANTS WITH DIFFERENT CULTURAL BACKGROUND: PROSPECTS OF INTERCULTURALISM").

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

- Andreeva L.A. (2018). Migratsionnyye potoki "yuzhnykh" khristian iz stran Tropichestoy Afriki v sekulyarnuyu Evropu v nachale XXI veka: vstrecha "severnogo" i "yuzhnogo" khristianstva [Migration flows of "Southern" Christians from Tropical Africa to Secular Europe at the beginning of the XXI century: meeting of "Northern" and "Southern" Christianity // Kontury global'nykh transformatsiy [Contours of global transformations]. 11(4): 206-218.
- Benet-Martínez V. (2012). Multiculturalism: Cultural, social, and personality processes // Oxford Handbook of Personality and Social Psychology / K. Deaux, M. Snyder, eds. Oxford: Oxford University Press: 623-648.
- Bernardo A., L. Rosenthal, S. Levy (2013). Polyculturalism and attitudes towards people from other countries // International Journal of Intercultural Relations. 37(3): 335–344.

- Berry E., Epstein M. (2005). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press: 352.
- Bilewicz M., A. Bilewicz (2012). Who defines humanity? Psychological and cultural obstacles to omniculturalism // *Culture Psychology*. 18(3): 331-344.
- Bodirsky K. (2012). *The Intercultural Alternative to Multiculturalism and its Limits*. Paper presented at the EASA conference, Paris, 2012. URL: http://scholarworks.umass.edu/chess_easa?utm_source=scholarworks.umass.edu%2Fchess_easa%2F8&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (accessed: 10.09.2018).
- Cantle T. (2012). *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity*. London: Palgrave Macmillan. 256 p.
- European Social Survey 2014 database (2014). Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (accessed: 29.08.2017).
- Filippova E.I. (2014). Mul'tikul'turalizm mertv? Diskurs i praktiki mul'tikul'turalizma v Rossii i za rubezhom [Multiculturalism is dead? Discourse and practices of multiculturalism in Russia and abroad] // *Chelovek v menyayushchemsya mire [A person in a changing world]* / D.A. Funk et al., eds. Tomsk: Izdatel'stvo Tomckogo universiteta: 56-57.
- Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme. Council of Europe, 2015 (2015): 64. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680307e66> (accessed: 15.09.2018).
- Guidikova I. (2014). Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // *RSCAS Policy Paper* (2): 8. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/29358/RSCAS_PP_2014_02.pdf?sequence=1 (accessed: 19.10.2018).
- Intercultural Cities: Towards a model for intercultural integration* (2009) / P. Wood, ed. Strasbourg: Council of Europe. 124 p.
- Joki A.-L., A. Wolffhardt (2018). How the intercultural integration approach leads to a better quality of life in diverse cities. URL: <https://rm.coe.int/intercultural-to-the-core-how-the-intercultural-cities-index-can-be-be/168076631b> (accessed: 13.10.2018).
- Joppke C. (2018) War of words: interculturalism v. multiculturalism // *Comparative Migration Studies*. 6: 11. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0079-1> (accessed: 19.10.2018).
- Kelley R. (1999). Polycultural Me // *Utne Reader*. 95. URL: <http://www.utne.com/politics/the-people-in-me.aspx?PageId=2> (accessed: 19.11.2017).
- Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy [Cultural complexity of modern Nations] (2016) / V.A. Tishkov, E.I. Filippova, eds. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 384 p.
- Lopez M., A. Gonzalez-Barrera, G. Lypez (2017). *Hispanic Identity Fades Across Generations As Immigrant Connections Fall Away*. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away> (accessed: 05.04.2018).
- Moghaddam F.M. (2012). The omnicultural imperative // *Culture and Psychology*. 18: 304-330. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1354067X12446230> (accessed: 19.11.2017).
- Pew Research Center (2016). *On views of race and inequality, blacks and whites are worlds part*. 2016. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp->

- content/uploads/sites/3/2016/06/ST_2016.06.27_Race-Inequality-Final.pdf (accessed: 10.09.2018).
- Pew Research Center (2017). Europe's growing Muslim population. URL: <http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population> (accessed: 10.09.2018).
- Pew Research Center (2018). At least a million Sub-Saharan Africans moved to Europe since 2010. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/03/22135249/Africa-Migration-March-22-FULL-REPORT.pdf> (accessed: 07.09.2018).
- Prashad V. (2003). Bruce Lee and the anti-imperialism of Kung Fu: A polycultural adventure // *Positions*. 11(1): 51–89.
- Rosenthal L., S. Levy (2010). The colorblind, multicultural, and polycultural ideological approaches to improving intergroup attitudes and relations // *Social Issues and Policy Review*. 4(1): 215--246.
- Standard Eurobarometer 89 (2018). Public opinion in the European Union. Annex. 201 p. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 10.10.2018).
- Stepler R., M. Lopez (2016). U.S. Latino population growth and dispersion has slowed since onset of the Great Recession. URL: <http://www.pewhispanic.org/2016/09/08/latino-population-growth-and-dispersion-has-slowed-since-the-onset-of-the-great-recession> (accessed: 08.09.2018).
- Tsapenko I.P. (2017). Intercultural paradigm of migrant integration // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87(5): 454–463.
- Tsapenko I.P., G.A. Monusova (2017). Integratsionnyy potentsial etnokul'turnogo raznoobraziya v evropeyskikh sotsiumakh [Integration potential of ethno-cultural diversity in European societies] // *Polis. Political Studies*. (4): 90-105.
- UN (2017). Trends in international migrant stock: The 2017 revision. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.shtml> (accessed: 22.08.2018).
- Varshaver E.A., A.L. Rocheva, N.S. Ivanova (2017). Integratsiya migrantov na mestnom urovne: rezul'taty nauchno-prakticheskogo proyekta [Integration of migrants at the local level: the results of the scientific and practical project] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 5: 110-117.
- Vertovec S. (2007). Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*. 30(6): 1024-1054.
- Vespa J., D. Armstrong, L. Medina (2018). Demographic turning points for the United States: population projections for 2020 to 2060. Population estimates and projections. *Current Population Reports*. URL: https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2018/demo/P25_1144.pdf (accessed: 10.10.2018).
- Waal T. (2018). Is the post-multicultural era pro-diversity // *Comparative Migration Studies*. 6:15. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0084-4> (accessed: 10.10.2018).
- White Paper on Intercultural Dialogue: “Living Together as Equals in Dignity” (2008). Strasbourg: Council of Europe. 61 p.

- Wood P., C. Landry (2008). *The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage*. London: Earthscan. 360 p.
- Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees (2018). Paris: OECD Publishing. 190 p.
- Zapata-Barrero R. (2013). The three strands of intercultural policies: A comprehensive view // GRITIM-UPF Working Paper Series. 17: 37.
- Zapata-Barrero R. (2017). Interculturalism in the post-multicultural debate: A defense // *Comparative Migration Studies*. 5: 14. URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z> (accessed: 10.10.2018).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ООН В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ СТРАН В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ

САЛАВАТ АБЫЛКАЛИКОВ

Настоящий обзор посвящен использованию Базы данных ООН о политике в области населения для исследований политики, касающейся внутренних миграций. Такие миграции более масштабны и, возможно, даже более значимы для экономического, политического, социального и культурного развития общества, чем внешние. Несмотря на то, что многие государства в той или иной степени реализуют (или реализовали в прошлом) меры политики, относящейся к внутренним миграциям, она не всегда выделяется в качестве самостоятельной, а является составной частью других видов политики. В целях обобщения опыта разных стран, проведения международных сопоставлений, определения региональных и глобальных тенденций в реализации политики в сфере внутренней миграции можно использовать Базу данных о политике в области населения. База данных содержит регулярно актуализируемую информацию о ситуации и тенденциях реализации политики в области населения для всех государств-членов ООН и некоторых других территорий. Основным источником информации служат официальные ответы правительств стран и территорий на регулярно рассылаемые опросники Отдела народонаселения ООН. База данных предоставляет доступ к информации о политике в области народонаселения, отдельным демографическим и социально-экономическим индикаторам с 1976 по 2015 г. Веб-интерфейс позволяет составлять картосхемы и графики, скачивать массивы данных о проводимой политике в табличном формате, а также содержит разделы с последними публикациями, в которых используется база данных и полезные ссылки (включая ссылки на другие базы данных по народонаселению). Вместе с тем следует отметить недостаточное раскрытие потенциала базы данных по политике в области населения в отечественных исследованиях внутренней миграции.

Ключевые слова: внутренняя миграция, политика в области населения, миграционная политика, расселение, база данных, ООН.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА – МЕЖДУНАРОДНАЯ И ВНУТРЕННЯЯ

Несмотря на декларируемый рост численности международных мигрантов – в 1960 г. их было 92 млн, в 1990 г. в 1,7 раза, а к 2015 г. уже в 2,7 раза больше [Ozden et al. 2011; Trends in International... 2015] – внутренние миграции являются более масштабными и значимыми. Так, по обобщенным итогам переписей населения раунда 2000 г., численность международных мигрантов (людей, родившихся за границами стран своего проживания) составляла 214 млн (чуть более 3% населения земного шара) [New trends... 2013], тогда как внутристрановых межрегиональных мигрантов (проживающих в своей стране, но за пределами родного региона – административно-территориальной единицы первого уровня) – более 740 млн (или больше, чем каждый десятый житель планеты), и есть все основания полагать, что внутрирегиональных мигрантов в мире еще больше [Bell, Muhidin 2009]. Вполне вероятно, что влияние внутренних мигрантов на экономику, политику, социальное и культурное развитие своих стран проявляется даже в большей степени, чем внешних [Ellis 2012].

Салават Иргалиевич Абылкаликов (sabykcalikov@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Естественно, что при такой массовости явления, со стороны правительств многих стран, и развитых и, еще в большей степени, развивающихся, существует запрос на реализацию определенных мер политики в области внутренней миграции. Но в отличие от политики в области международной миграции, которую традиционно имеют в виду, говоря про «миграционную политику», политика в области внутренней миграции чаще является не самостоятельной, а составной частью других видов политики: экономической, социальной, региональной, в области труда, градостроительной и городского планирования, в последние годы – политики в области устойчивого развития и др., с менее чётким выделением и объекта политики и перечня реализуемых мер [Мкртчян 2011].

Вместе с тем многие страны имеют весьма обширный опыт как проведения, так и последующего свертывания политики, которую можно охарактеризовать как «внутреннюю миграционную» или смежную с ней. С середины XX века значительная часть латиноамериканских государств реализовывала крупные программы по пространственному перераспределению населения и его массовому перемещению в малонаселенные районы. В числе этих стран Мексика, Бразилия, Венесуэла, Аргентина, Колумбия. Большинство программ в 1990-ые годы было закрыто [Пришкольник 1986; Региональная политика... 2015]. Наиболее успешной из них признана программа развития Гуаяны [Ravuti 2001], реализуемая в труднодоступной, но богатой природными ресурсами венесуэльской части Гвианского плоскогорья. В ходе её реализации были освоены обширные пространства, основаны новые города, а сам венесуэльский штат Боливар, которому принадлежит эта территория, даже несколько десятилетий конкурировал со столицей и северными прибрежными штатами в привлечении как внешних, так и внутренних мигрантов [Абылкаликов 2016].

Отечественный опыт проведения политики в области внутренней миграции весьма богат и неоднозначен. Так, политика по ограничению роста крупных городов и стимулирование заселения регионов с неблагоприятными природными условиями привели к заметной деформации территориальной структуры, перенаселенности «северов» и возникновению большого количества моногородов. Многие постоянные поселения в Сибири и на Дальнем Востоке создавались там, где они никогда бы не появились в условиях рыночной экономики [Зайончковская 1991; Пчелинцев 2004]. По оценкам начала 1990-х годов, перенаселенность российского Севера составляла порядка 20-40% [Зайдфудим 1993]. Экономисты Всемирного банка отмечают, что если каждый третий канадец или австралиец живет в одном из трех крупнейших городов своей страны, то население России расселено по стране более равномерно, включая северные территории. Разброс населения по огромной территории и необходимость выплат значительных средств из госбюджета населению территорий с экстремальными климатическими условиями является серьезным вызовом для российской экономики [Новый взгляд... 2009]. В качестве мер развития сельских районов можно отметить кампанию по освоению целины в 1950-1960-х годах и политику ликвидации «неперспективных деревень», проводившуюся в 1960-1970-х годах. Реализация этих мер впоследствии была приостановлена, а итоги подвергнуты критике.

Источники информации БАЗЫ ДАННЫХ О ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЁ ОСНОВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Существует авторитетный источник информации, который может быть полезен при решении непростых задач исследования и обобщения опыта разных стран, проведения международных сопоставлений и определения региональных и глобальных тенденций в реализации политики в сфере внутренней миграции – База данных (БД) о политике в области населения [World Population Policies... 2018], поддерживаемая Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН. База данных содержит регулярно актуализируемую информацию о ситуации и тенденциях реализации политики в области народонаселения для государств-членов ООН (на данный момент их 193), двух стран-наблюдателей (Палестина и Ватикан), а также островов Кука и Ниуэ, не являющихся членами Организации Объединенных Наций. Число стран и территорий, включенных в базу данных, росло от раунда к раунду (от 150 в 1976 г. до 197 к раундам 2013 и 2015 гг.).

Эта БД довольно активно используется отечественными демографами, исследующими вопросы репродуктивного поведения и планирования семьи, изменения численности населения, а также старения [Щербакова 2016; Иванов 2017; Сакевич 2018], но до сих пор мало востребована исследователями миграции, особенно внутренней. В качестве положительного примера можно привести лишь небольшое число научных работ, среди которых обзор Е.М. Щербаковой [2014] о политике в области международной миграции. Вместе с тем БД может быть полезна специалистам, интересующимся и другими проблемами народонаселения, так как охватывает эволюцию взглядов и проводимой политики правительств стран мира по семи основным темам: численность и рост населения; возрастная структура населения; рождаемость; репродуктивное здоровье и планирование семьи; здоровье и смертность; пространственное распределение населения и внутренняя миграция; международная миграция.

Данные в БД приводятся в динамике с 1976 по 2015 г., всего на сегодняшний день доступно 11 контрольных точек (раундов), к которым относится информация. В последнее время обновления происходят примерно раз в два года. Основным источником информации служат официальные ответы правительств стран и территорий (точнее, государственных органов, отвечающих за проведение политики в области народонаселения и социального развития) на регулярные запросы Отдела народонаселения ООН в виде опросников (анкет)¹. На данный момент запущен опросник 12-го раунда (только по модулю «Международная миграция»), причем в последних раундах анкету можно было заполнять как в бумажном варианте, так и в электронном виде. Также используются официальные публикации, нормативно-правовые документы (законодательные акты, государственные программы и др.); доклады и публикации международных организаций, фондов, межправительственных комиссий и др.; научные публикации, материалы исследовательских центров, экспертные оценки и материалы СМИ.

¹ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/Inquiry.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

В одиннадцатом, последнем на данный момент, опроснике содержатся 3 модуля:

1. численность населения, его рост и распределение;
2. рождаемость, планирование семьи и репродуктивное здоровье;
3. международная миграция.

Данные о политике в области внутренней миграции за 2015 г. представлены в первом модуле «Численность населения, его рост и распределение» в разделе D «Распределение населения и урбанизация»; в предыдущих раундах тема «Пространственное распределение и внутренняя миграция» составляла отдельный модуль (а всего в предыдущих раундах модулей было 6-7). Кроме того, в модуле III за 2015 г., посвященном международной миграции, содержится раздел C «Circular and return migration», который в русскоязычной версии анкеты озаглавлен как «Маятниковая и возвратная миграция». По-видимому, здесь речь идет о неудачном переводе, так как в отечественной академической традиции под «маятниковой миграцией» понимаются регулярные перемещения из одного населенного пункта в другой на учебу или работу в течение светового дня (суток), включая внутрирегиональные и межрегиональные в пределах одной страны (например, из Московской области в Москву и обратно), а не международная временная трудовая миграция. Таким образом, этот раздел также относится к политике, регулирующей международную миграцию.

В разделе «Распределение населения и урбанизация» на 2015 г. рассмотрены вопросы географического распределения населения внутри регионов страны, между городом и селом, а также среди городских агломераций. Раздел опросника включает один закрытый вопрос (пп. 1.13 опросника) и три вопроса (пп. 1.14-1.16), в которых надо выбрать из ответов «да», «нет» или «не применимо» по каждому пункту-закрытию (мере проводимой политики или стратегии), а в последний пункт можно вписать свой вариант, если представленные выше в перечне меры политики не подходят. Кроме того, правительствам предложено предоставить копии документов, которые могут быть соотнесены с мерами политики, перечисленными в модуле опросника. По большому счету в последних трех вопросах обобщен и перечислен основной арсенал имеющихся мер политики в области внутренней миграции, поэтому приведем вопросы последней на текущий момент анкеты полностью (таблица 1).

Эти вопросы и ответы со стороны правительств на них и являются информационной основой БД. Как уже отмечено выше, время от времени меняется структура основных модулей базы данных, а также формулировки задаваемых в анкете вопросов. В таблице 2 приведена информация о содержании в БД разных показателей², касающихся политики в области пространственного распределения населения и внутренней миграции. Таким образом, к раунду 2015 г. структура показателей была существенно пересмотрена по сравнению с предыдущими.

² URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/Metadata.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

Таблица 1. Раздел «Распределение населения и урбанизация» опросника ООН по проблемам народонаселения и развития для правительств

<p><i>1.13 Каково мнение правительства о нынешнем территориальном распределении населения в пределах страны?</i></p>
<ul style="list-style-type: none"> • Желательны коренные изменения. • Желательны незначительные изменения. • Удовлетворительно, нежелательны изменения. • Официальной позиции нет.
<p><i>1.14 Приняло ли правительство (в последние пять лет) политику или стратегию, поощряющую любой из следующих видов перераспределения населения?</i></p>
<ul style="list-style-type: none"> a. Снижение миграционного потока (миграции) из сельских районов в города. b. Снижение миграции в крупные городские агломерации. c. Децентрализация крупных городских центров в менее крупные города, пригородные или сельские районы. d. Трудовая миграция, отвечающая потребностям конкретного региона. e. Переселение в малонаселенные районы. f. Переселение из экологически уязвимых или опасных районов. g. Прочее (просьба указать).
<p><i>1.15 Какой из нижеследующих видов политики или стратегий был принят правительством (в последние пять лет) в целях поощрения развития сельских районов?</i></p>
<ul style="list-style-type: none"> a. Создание занятости в сельских районах. b. Стимулы для создания или сохранения производства в сельских районах. c. Перемещение производства из больших городских центров в сельские районы. d. Развитие сельской инфраструктуры и объектов. e. Аграрная реформа. f. Прочее (просьба указать).
<p><i>1.16 Какой из нижеследующих видов политики или стратегий был принят правительством (в последние пять лет) в целях улучшения условий жизни и средств существования в крупных городских центрах?</i></p>
<ul style="list-style-type: none"> a. Повышение энергоэффективности в транспортной области и жилищном секторе. b. Более жесткие предельно допустимые уровни загрязнения для автотранспорта. c. Более жесткие экологические нормы для промышленных отраслей внутри крупных городских центров или вокруг них. d. Совершенствование системы управления ликвидацией твердых отходов. e. Улучшение доступа к паркам, игровым площадкам и другим общественным местам. f. Обеспечение доступа к воде и санитарии для городских бедняков. g. Обеспечение доступа к образованию и медицинским услугам для городских бедняков. h. Обеспечение возможностей землевладения и надлежащие жилищные условия для городских бедняков. i. Обеспечение общественной безопасности. j. Прочее (просьба указать).

Источник: [World Population Policies... 2018].

Таблица 2. Доступность показателей пространственного распределения и внутренней миграции по раундам

Показатели	1976	1986	1996	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015
Мнение правительств о пространственном распределении	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
Политика по пространственному распределению населения											X
Политика в области распределения населения между регионами	X	X	X	X	X						
Политика в области распределения населения между сельскими и городскими районами	X	X	X	X	X						
Политика в области миграции из сел в города	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
Политика в области миграции из сел в села						X	X	X			
Политика в области миграции из городов в села						X	X	X			
Политика в области миграции из городов в города						X	X	X			
Политика в области миграции в городские агломерации	X	X	X	X	X	X	X	X	X		
Политика в области развития сельских районов											X
Политика в отношении условий жизни и устойчивости городских центров											X

Источник: [World Population Policies... 2018].

Веб-интерфейс базы данных позволяет пользователю запрашивать информацию по проводимой политике (Policies³), а также по отдельным демографическим и социально-экономическим показателям/индикаторам (Indicators⁴) как для всех стран мира вместе, так по группам стран и отдельно по конкретным странам за выбранные временные отметки (с 1976 по 2015 г.), создавать графики (раздел Summary Graphs⁵) и карты (Thematic Maps⁶).

Прежде чем начать работать с БД о политике в области населения, следует ознакомиться с определениями переменных политики (Definitions of Policy Variables⁷) и используемых в базе индикаторов (Definitions of Indicators⁸), так как частично меры проводимой политики зашифрованы в неинтуитивном виде. Так, переменная «Политика по пространственному распределению населения» может иметь 3 варианта значений (в соответствующей таблице с ответом на запрос пользователя будут указаны только цифры, а также «ничего из вышеперечисленного» или прочерк при отсутствии данных):

1. сокращение миграции из сельской местности в города;
2. децентрализация крупных городских центров в менее крупные города, пригородные или сельские районы;
3. переселение из экологически уязвимых или опасных районов.

Индикаторы, используемые в БД, по большей части являются общепринятыми. К примеру, плотность населения (измеряемая как отношение среднегодовой численности

³ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/cprofile.aspx?MainMenu&Type=Variables> (дата обращения: 14.12.2018).

⁴ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/cprofile.aspx?MainMenu&Type=Indicators> (дата обращения: 14.12.2018).

⁵ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/charting/graphs.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

⁶ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/charting/worldmaps.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

⁷ URL: https://esa.un.org/PopPolicy/img/Definitions_of_Policy_Variables.pdf (дата обращения: 14.12.2018).

⁸ URL: https://esa.un.org/PopPolicy/img/Definitions_of_Indicators.pdf (дата обращения: 14.12.2018).

населения страны к площади ее территории), индекс человеческого развития (ИЧР, показатель, заменивший ИРЧП). Кроме того, используются и некоторые специфические показатели развития (доля сельского населения, имеющего доступ к электроэнергии, чистой воде, канализации в городах и сельской местности и др.), поэтому ознакомление с определениями используемых индикаторов также является весьма полезным.

База данных позволяет построить картосхемы по выбранным показателям (мерам проводимой политики) на уровне всего мира, а также макрорегионов мира (ООН): Азия, Европа, Африка, Северная Америка, Южная Америка, Центральная Америка, Океания, Ближний Восток с 1976 по 2015 г. Однако у БД есть ограничения: картосхемы можно построить лишь для тех переменных, которые содержат только одну меру политики (при попытке построить картосхему с несколькими мерами политики БД выдает ошибку)⁹, также требуется браузер с поддержкой устаревающей технологии Adobe Flash.

На рисунке 1 представлено мнение правительств о нынешнем территориальном распределении населения в пределах страны на 2013 г. и 3 варианта ответа (желательны коренные изменения; желательны незначительные изменения; удовлетворительно, изменения нежелательны). На рисунке 2 аналогичная информация на 1996 и 2013 г., но в графиках (столбчатых диаграммах).

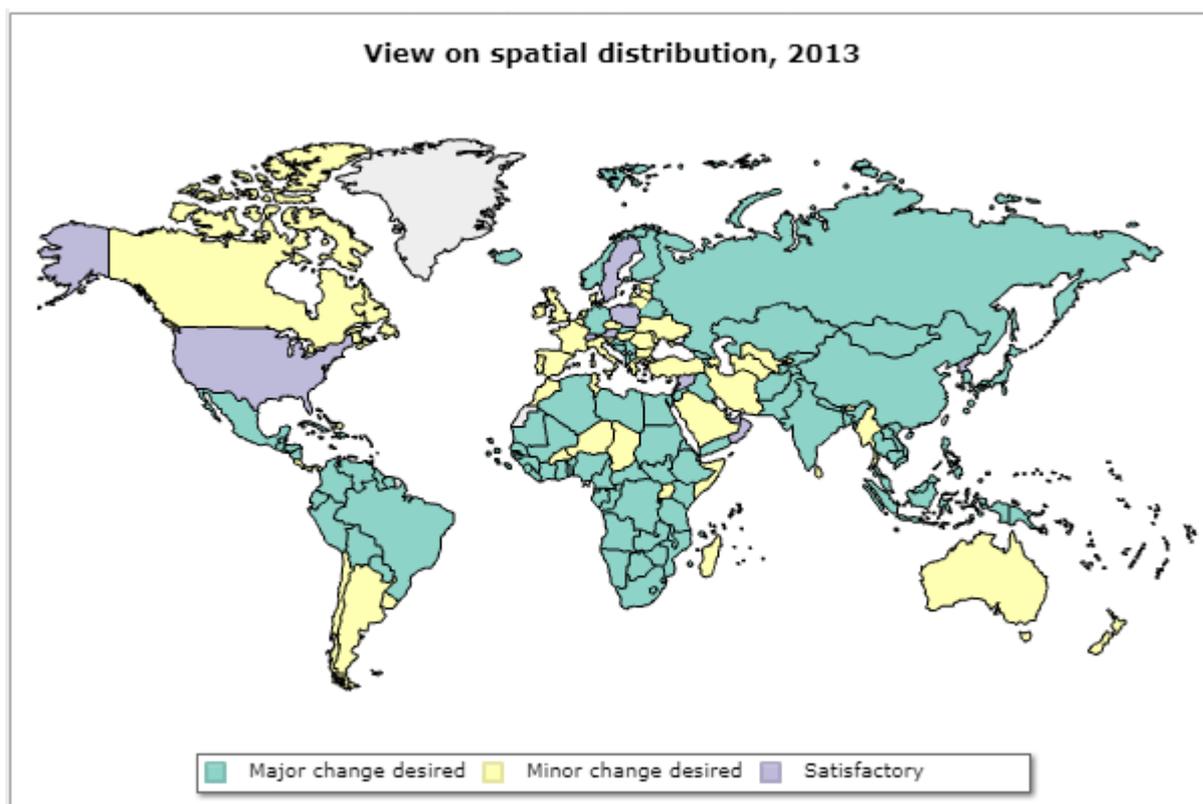

Рисунок 1. Пример построения картосхемы в БД о политике в области населения

Источник: [World Population Policies... 2018].

⁹ По этой причине не удалось построить картосхемы, а также графики по данным за 2015 г.

Создателями БД предусмотрена возможность экспортировать полученные картосхемы и графики в формате PDF и JPG, однако у автора данного обзора попытки экспорта ни в одном из установленных браузеров не увенчались успехом.

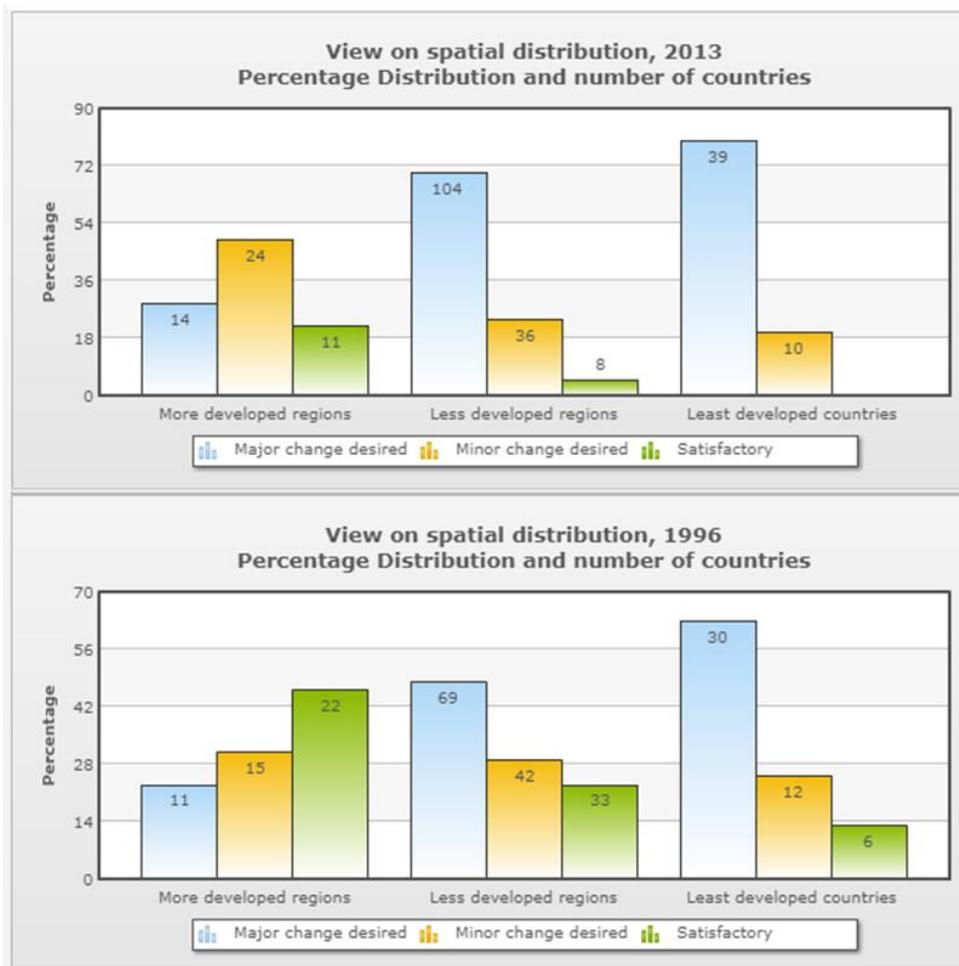

Рисунок 2. Пример построения графиков БД о политике в области населения

Источник: [World Population Policies... 2018].

Кроме того, БД о политике в области населения позволяет скачивать массивы с информацией о проводимой политике по всем странам мира по каждому году как целиком, так и по отдельным тематическим модулям в формате Excel в специальном разделе Population Policies Datasets¹⁰. Это весьма удобно и фактически позволяет скачать базу данных по мерам политики целиком за отдельные раунды. Правда, по социально-экономическим показателям/индикаторам такой возможности нет.

Для наглядной демонстрации возможностей БД приведем таблицу 3, в которой размещена информация о политике в области численности населения, его росте и распределении для Аргентины, Австралии, Канады, Республики Казахстан и Российской Федерации на 2015 г. Названные страны схожи по параметрам пространственной организации общества (огромные территории и небольшая для таких территорий численность населения, вследствие чего для этих государств характерно сочетание низкой

¹⁰ URL: https://esa.un.org/PopPolicy/wpp_datasets.aspx (дата обращения: 14.12.2018).

плотности населения с сильными региональными диспропорциями в распределении населения).

Таблица 3. Политика в области численности населения, его роста и распределения, 2015

Страна	Политика по росту численности населения	Политика по пространственному распределению населения*	Политика в области развития сельских районов**	Политика в отношении условий жизни и устойчивости городских центров***
Аргентина	Нет официальной политики	1	1,2,3	1,2,3,4,5
Австралия	Невмешательство	1,2	1,3	1,2,3,4,5
Канада	Невмешательство	1	1,3	1,3,5
Казахстан	Повышение	1,2	1,3	3,4,5
Россия	Повышение	Ничего из перечисленного	1,3	1,3,5

Источник: [World Population Policies... 2018].

Примечания: * – Варианты ответа: 1. Сокращение миграции из сельской местности в города. 2. Децентрализация крупных городских центров в менее крупные города, пригородные или сельские районы. 3. Переселение из экологически уязвимых или опасных районов.

** – Варианты ответа: 1. Стимулирование создания или развития отраслей экономики в сельских районах. 2. Перемещение отраслей экономики из крупных городских центров в сельские районы. 3. Развитие сельской инфраструктуры и объектов (условий).

*** – Варианты ответа: 1. Повышение энергоэффективности транспорта и жилья. 2. Ужесточение экологических нормативов для промышленности в крупных городских центрах или вокруг них. 3. Совершенствование утилизации ТБО. 4. Обеспечение доступа к воде и санитарии для бедных, живущих в городах. 5. Обеспечение землепользования и достаточного обеспечения жильем для бедных, живущих в городах.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗДЕЛЫ БД

База данных содержит каталог полезных ссылок¹¹ на международные программы, другие базы данных по политике в области народонаселения и ссылки на партнерские международные организации, а также библиотеку последних публикаций¹² по разнообразному спектру тем политики в области населения, в которых используется информация БД об этой политике: низкая рождаемость, аборт и репродуктивное здоровье, международная миграция, пространственное распределение населения (включая урбанизацию и внутреннюю миграцию).

Так, в буклете «Политика в области пространственного распределения и урбанизации» [United Nations... 2016], составленном преимущественно по данным БД о политике в области населения, содержится обобщающая характеристика проводимой

¹¹ URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/usefullinks.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

¹² URL: <https://esa.un.org/PopPolicy/publications.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

правительствами стран политики за последние 5 лет. Отмечается, что в ответ на тенденцию роста урбанизации в странах Африки и Азии (и в целом в мире), в особенности роста агломераций численностью свыше 5 млн человек, 87% африканских и 72% азиатских стран проводят политику по сокращению миграции из сельских районов в города. Правительства менее развитых стран охотнее проводят политику по сокращению сельско-городских миграций (таковых 78% от их общего числа) и политику по децентрализации крупнейших агломераций (47% развивающихся стран), тогда как среди более развитых стран только 51% пытаются сократить сельско-городские миграции (в Европе – 48%). Политику по децентрализации городских агломераций проводят всего лишь в 17% развитых стран.

Почти все страны мира (98%) проводят политику по развитию сельской инфраструктуры. Страны с более высоким уровнем доходов (и большим объемом выбросов CO₂ на душу населения) проводят политику, направленную на повышение энергоэффективности транспорта и жилищного строительства, среди стран со средним уровнем доходов таких большинство, а среди стран с низкими доходами – пока еще меньшинство. С другой стороны, именно в бедных странах правительства декларируют, что уделяют больше внимания политике улучшения доступа к чистой воде и канализации, увеличения доступности жилья и улучшения условий жизни обитателей трущоб, тогда как для более развитых стран такие вопросы уже менее актуальны.

К существенным недостаткам базы данных следует отнести нерешенную проблему сопоставимости содержащихся в ней сведений. Так, понятие «малонаселенные районы» весьма неодинаково для стран с разной численностью и плотностью населения, площадью территории и географическим положением. К примеру, считающиеся малонаселенными территории для Нидерландов или Бангладеш несопоставимы с малонаселенными районами для России или Монголии. Некоторые страны и территории имеют крайне небольшую площадь (менее 200 км²), помимо европейских карликовых государств, это островные Науру, Маршалловы Острова, Тувалу, тогда как Казахстан, Аргентина или Алжир – более 2 млн км². Кроме того, понятия «урбанизация», «городские» и «сельские» районы также по-разному определяются в каждой конкретной стране. Соответственно, перемещения населения, которые считаются миграцией по направлению «село-город» (а также «город-село», «село-село» и «город-город») в одних странах, могут трактоваться по-иному в других. Если для выявления объемов международной миграции используется довольно универсальный критерий рождения в другой стране (а в случае отсутствия такой информации – об иностранном гражданстве), то выявление единого критерия определения внутренних мигрантов представляется более трудной задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

База данных о политике в области населения не удовлетворяет некоторым требованиям «идеальности» [Винник 2012]: она содержит неточности, временами «зависает» и не выдает информацию (особенно при запросе больших массивов данных), имеет не самый дружелюбный интерфейс и не предусматривает возможности сохранения URL-доступа непосредственно к конкретной таблице (показателю). Вместе с тем БД бесплатна, охватывает абсолютное большинство стран мира, регулярно обновляется, а главное,

содержит уникальную информацию, полученную «из первых рук» – от правительств стран, которые непосредственно и реализуют политику в области народонаселения. К сожалению, база данных не дает доступ к самим анкетам (опросникам). Так, исследовательский интерес могли бы вызвать нормативные акты и другие документы, на которые ссылаются государственные органы, непосредственно заполняющие анкеты.

Крупный специалист и создатель нескольких демографических баз данных (включая приложения¹³ демографического журнала «Демоскоп Weekly») Е.Л. Сороко отмечает: «Информация, которую можно почерпнуть в базах данных демографических показателей, выполняет ряд важных функций. Это, прежде всего, «сырье», основа для анализа» [Сороко 2012]. И действительно, в этом плане БД о политике в области населения может послужить весьма полезным источником «сырья» для дальнейших демографических исследований. База данных позволяет провести международные сравнения, а также посмотреть эволюцию взглядов правительств и мер политики в области внутренней миграции (и других проблем народонаселения) за последние четыре десятилетия. Надеемся, что с течением времени востребованность базы данных среди отечественных исследователей повысится.

ЛИТЕРАТУРА

- Абылкаликов С.И. (2016). Как люди переезжают в разных странах: мировой опыт изучения пожизненной миграции // Псковский регионологический журнал. 1(25): 45-58.
- Винник М.В. (2012). Какой должна быть идеальная демографическая База данных? // Демоскоп Weekly. 533-534 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit06.php> (дата обращения: 12.09.2018).
- Зайдфудим П.Х. (1993). Реабилитация жизненной среды российского Севера. М.: Госкомсевер России. 67 с.
- Зайончковская Ж.А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 135 с.
- Иванов С.Ф. (2017). Детерминанты демографического перехода на глобальном Юге // Демографическое обозрение 4(2). URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7102> (дата обращения: 12.09.2018).
- Мкртчян Н.В. (2011). Нужна ли России политика в области внутренней миграции? М.: МАКС Пресс. 36 с.
- Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии 2009 (2009). Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный Банк: 384 с. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_OVERVIEW_RU_Web.pdf (дата обращения: 12.09.2018).
- Пришкольник Д.Б. (1986). Опыт хозяйственного освоения новых районов в Мексике, Венесуэле и Бразилии. Некоторые закономерности и различия // Латинская Америка: хозяйственное освоение новых территорий / Под ред. Тарасова К.С. М.: ИЛА АН СССР. 189 с.

¹³ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 14.12.2018).

- Пчелинцев О.С. (2004). Переход от урбанизации к субурбанизации / Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука: 44-51. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit04.php> (дата обращения: 12.09.2018).
- Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии (2015) / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН. 137 с.
- Сакевич В.И. (2018). Политика в области репродуктивного здоровья в регионах и странах мира // Демоскоп Weekly. 777-778. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0777/barom01.php> (дата обращения: 12.09.2018).
- Сороко Е.Л. (2012). Критерии качества демографических баз данных // Демографическое развитие: вызовы глобализации. Седьмые Валентеевские чтения. Материалы международной конференции / Под общ. ред.: В.А. Ионцева, Н.В. Зверевой, Г.Е. Ананьевой, В. П. Тышкевич. М.: МАКС Пресс: 130-131.
- Щербакова Е.М. (2014). Международная миграция и миграционная политика // Демоскоп Weekly. 597-598. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/barometer597.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).
- Щербакова Е.М. (2016). Старение населения и устойчивое развитие // Демоскоп Weekly. 709-710. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0709/barometer709.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).
- Bell M., S. Muhidin (2009). Cross-national comparisons of internal migration. Human Development Research Paper. 2009/30. New York: United Nations Development Programme.
- Ellis M. (2012). Reinventing US internal migration studies in the age of international migration // Population, space and place. 2(18): 196-208.
- New trends in migration: demographic aspects (2013). Report of the Secretary-General. United Nations, N.Y.: UN.
- Ozden C., C.R. Parsons, M. Schiff, T.L. Walmsley (2011). Where on Earth is everybody? The evolution of global bilateral migration 1960-2000 // The World Bank Economic Review. 1 (25): 12-56.
- Ravuri E.D. (2001). Migration in Venezuela, 1950-1990: A Reassessment of the Guayana Project. University of Cincinnati. 471 p.
- Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision (2015). New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2016). Policies on Spatial Distribution and Urbanization: Data Booklet (ST/ESA/SER.A/394) URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/Data%20Booklet%20Urbanization%20Policies.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).
- World Population Policies Database: The 2015 Revision (2018). URL: https://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (дата обращения: 12.09.2018).

USING THE WORLD POPULATION POLICIES DATABASE TO STUDY INTERNAL MIGRATION POLICY

SALAVAT ABYLKALIKOV

This paper investigates the use of the United Nations World Population Policies Database for research on internal migration policy. Internal migration is more extensive and, perhaps, even more significant for the economic, political, social and cultural development of society than international migration. Internal migration policy is not always singled out as an independent factor, but is generally treated as a part of other types of policies.

In order to summarize the experience of different countries, conduct international comparisons and identify regional and global tendencies in the implementation of policies on internal migration, the World Population Policy Database can be used. The database contains regularly updated information on the situation and trends in the implementation of population policy for all UN member states and some other territories. The main source of information is the official responses of the governments of these countries and territories to regularly distributed inquiries of the UN Population Division.

The database provides access to information about population policy and some demographic and socio-economic indicators from 1976 to 2015. The web interface makes it possible to create maps and graphs and to download datasets of policy data in the Excel format, and also contains sections with the latest publications that use the database and useful links (including links to other demographic databases). At the same time, it should be noted that the potential of the database on population policy for Russian studies on internal migration has not been adequately exploited.

Key words: *internal migration, population policy, migration policy, resettlement, database, UN.*

SALAVAT ABYLKALIKOV (sabykcalikov@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THIS WORK IS AN OUTPUT OF A RESEARCH PROJECT IMPLEMENTED AS PART OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE).

DATE RECEIVED: SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

- Abykcalikov S.I. (2016). Kak lyudi perezzhayut v raznykh stranakh: mirovoy opyt izucheniya pozhiznennoy migratsii [Migration in different countries: world research experience of lifetime migration] // Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal [Pskov Regionological Journal]. 1(25): 45-58.
- Bell M., S. Muhidin (2009). Cross-national comparisons of internal migration. Human Development Research Paper. 2009/30. New York: United Nations Development Programme.
- Ellis M. (2012). Reinventing US internal migration studies in the age of international migration // Population, space and place. 2(18): 196-208.
- Ivanov S.F. (2017). Determinanty demograficheskogo perekhoda na global'nom Yuge [Determinants of the demographic transition in the Global South]. Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 4(2). URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7102> (accessed: 12.09.2018).

- Mkrtchyan N.V. (2011). Nuzhna li Rossii politika v oblasti vnutrenney migratsii? [Does Russia need an Internal Migration Policy?]. Moscow: MAKS Press. 36 p.
- New trends in migration: demographic aspects (2013). Report of the Secretary-General. United Nations, N.Y.: UN.
- Novyy vzglyad na ekonomicheskuyu geografiyu. Doklad o mirovom razvitii 2009 (2009) [World development report 2009: reshaping economic geography]. Washington, DC: Vsemirnyy Bank [World Bank]: 384 p. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_OVERVIEW_RU_Web.pdf (accessed: 12.09.2018).
- Ozden C., C.R.Parsons, M. Schiff, T.L. Walmsley (2011). Where on Earth is everybody? The evolution of global bilateral migration 1960-2000 // The World Bank Economic Review. 1 (25): 12-56.
- Pchelintsev O.S. (2004). Perekhod ot urbanizatsii k suburbanizatsii [The transition from urbanization to suburbanization] / Regional'naya ekonomika v sisteme ustoychivogo razvitiya [Regional economy in the system of sustainable development]. Moscow: Nauka: 44-51. URL: <http://Demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit04.php> (accessed: 12.09.2018)
- Prishkolnik D.B. (1986). Opyt khozyaystvennogo osvoeniya novykh rayonov v Meksike, Venesuele i Brazili. Nekotorye zakonomernosti i razlichiya [The experience of economic development of new areas in Mexico, Venezuela and Brazil. Some regularities and differences] // Latinskaya Amerika: khozyaystvennoe osvoenie novykh territoriy [Latin America: economic development of new territories] / K.S. Tarasov, ed. Moscow: ILA AN SSSR. 189 p.
- Ravuri E.D. (2001). Migration in Venezuela, 1950-1990: A Reassessment of the Guayana Project. University of Cincinnati. 471 p.
- Regional'naya politika: zarubezhnyy opyt i rossiyskie realii [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities] (2015) / A.V. Kuznetsov, O.V. Kuznetsova, eds. Moscow: IMEMO RAN. 137 p.
- Takevich V.I. (2018). Politika v oblasti reproduktivnogo zdorov'ya v regionakh i stranakh mira [Reproductive health policy in regions and countries of the world] // Demoscope Weekly. 777-778. URL: <http://Demoscope.ru/weekly/2018/0777/barom01.php> (accessed: 12.09.2018)
- Scherbakova E.M. (2014). Mezhdunarodnaya migratsiya i migratsionnaya politika [International migration and migration policy] // Demoscope Weekly, 597-598. URL: <http://Demoscope.ru/weekly/2014/0597/barometer597.pdf> (accessed: 12.09.2018)
- Shcherbakova E.M. (2016). Starenie naseleniya i ustoychivoe razvitie [Population aging and sustainable development] // Demoscope Weekly, 709-710. URL: <http://www.Demoscope.ru/weekly/2016/0709/barometer709.pdf> (accessed: 12.09.2018)
- Soroko E.L. (2012). Kriterii kachestva demograficheskikh baz dannykh [Quality criteria for demographic databases] // Demograficheskoe razvitie: vyzovy globalizatsii. Sed'mye Valenteevskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moskva, 15–17 noyabria [Demographic development: challenges of globalization. The Seventh “Valenteevskiye Chteniya”: International Conference. Moscow, November 2012: Proceedings] / V. Iontsev, N. Zvereva, G. Ananeva, V. Tyshkevitch, eds. Moscow: MAKS Press: 130-131.
- Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision (2015). New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2016). Policies on spatial distribution and urbanization: Data Booklet (ST/ESA/ SER.A/394) URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/Data%20Booklet%20Urbanization%20Policies.pdf> (accessed: 12.09.2018).
- Vinnik M.V. (2012). Kakoy dolzhna byt' ideal'naya demograficheskaya baza dannykh? [What should be the ideal demographic database?] // Demoscope Weekly, 533-534. URL: <http://www.Demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit06.php> (accessed: 12.09.2018).
- World Population Policies Database: The 2015 Revision (2018). URL: https://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (accessed: 12.09.2018).
- Zaydfudim P.Kh. (1993). Reabilitatsiya zhiznennoy sredy rossiyskogo Severa [Rehabilitation of the living environment of the Russian North]. Moscow: Goskomsever Rossii. 67 p.
- Zayonchkovskaya Zh.A. (1991). Demograficheskaya situatsiya i rasselenie [Demographic situation and resettlement]. Moscow: Nauka. 135 p.

ДЕМОГРАФИЯ СТЕНЫ ТРАМПА

ДАДЛИ ПОСТОН МЛ., ПИТЕР МОРРИСОН

В статье американских демографов обсуждаются причины, по которым предлагаемое президентом Трампом строительство стены на границе с Мексикой не может быть эффективной мерой, ограничивающей иммиграцию в США.

Ключевые слова: стена Трампа, иммиграция, недокументированная иммиграция.

Одной из главных особенностей президентской кампании Дональда Трампа стало его обещание построить стену на южной границе США, чтобы раз и навсегда остановить «незаконную» иммиграцию мексиканцев и представителей других стран Центральной Америки. Он говорил своим сторонникам, что Мексика заплатит за эту стену. Но сейчас он отказался от этого заявления, за нее будут платить США, а не Мексика. И стена будет недешевой. Министерство внутренней безопасности США заявило, что строительство стены обойдется в 21,6 млрд долларов и займет три года [Ainsley 2017].

В этом коротком эссе мы утверждаем, что стена Трампа не сработает. Она не уменьшит количество недокументированных иммигрантов в США, а даст обратный эффект, увеличит их число. Обратимся вначале к демографическим данным об иммиграции в США как легальной, так и недокументированной.

Лица с просроченной визой в США

По состоянию на 2015 г. в США проживало около 44 млн человек, родившихся за пределами страны. Три четверти из них, или около 33 млн – это законные иммигранты, называемые также «легальными» или «узаконенными» иммигрантами. К ним относятся натурализованные граждане, лица, имеющие законный статус постоянного или временного проживания (например, в качестве рабочих или студентов), а также лица, получившие убежище или принятые в качестве беженцев.

Остальные 25% родившихся за рубежом жителей США или чуть более 11 млн человек – это незаконные, также известные как «нелегальные» или «недокументированные» иммигранты. Об этих 11,1 млн «нелегалов» и говорит все время президент Трамп, именно их он хочет депортировать через южную границу.

Дадли Д. Постон мл. (d-poston@tamu.edu), ТЕХАССКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, США.

ПИТЕР А. МОРРИСОН, ПРИКЛАДНОЙ ДЕМОГРАФ (ПЕНСИОНЕР РЭНД), США.

ПЕРЕВОД ОРИГИНАЛЬНОЙ СТАТЬИ: DUDLEY L. POSTON JR. и PETER A. MORRISON «THE DEMOGRAPHY OF TRUMP'S WALL», ОПУБЛИКОВАННОЙ В БЮЛЛЕТЕНЕ N-IUSSP 3 АПРЕЛЯ 2017 Г. URL:

[HTTP://WWW.NIUSSP.ORG/ARTICLE/DEMOGRAPHY-TRUMPS-WALLE-MUR-DE-TRUMP-ET-SES-CONSEQUENCES-DEMOGRAPHIQUES.](http://www.niussp.org/article/demography-trumps-wall-mur-de-trump-et-ses-consequences-demographiques)

ПЕРЕВОД О. ПЕТРОВОЙ.

По-видимому, президенту Трампу неизвестен тот факт, что около двух пятых из этих 11,1 млн иммигрантов, не имеющих документов, или почти 4,5 млн – это те, кто обладает просроченными визами. Они въехали в США с законными паспортами и действующими визами, но либо остались в стране после истечения срока действия визы, либо нарушили условия въезда в США каким-то иным образом. Большинство из них законно прилетели из Азии, Европы и других континентов и пересекли границу в крупных аэропортах в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Хьюстоне и других городах. Стена Трампа недостаточно высока, чтобы удержать их.

В США в настоящее время нет плана по решению проблемы нелегальной иммиграции, сформировавшейся вследствие просроченных виз. Учетные данные Министерства внутренней безопасности США о прибытии и убытии лиц, въезжающих в США и выезжающих из них, не совпадают между собой. Конгресс принял решение о создании электронной системы учета въезда-выезда более 20 лет назад, но она не была реализована из-за возражений со стороны индустрии туризма и других групп. Система биометрического контроля въезда/выезда, видимо, смогла бы отслеживать большинство людей, въезжающих и выезжающих из США и, вероятно, уменьшила бы число лиц с просроченными визами. Но создание такой системы не входит в планы президента Трампа. Он хочет просто построить стену. А это значит, что число лиц с просроченными визами, видимо, так и останется на уровне около 4-5 млн, несмотря на стену Трампа.

БОЛЬШЕ, А НЕ МЕНЬШЕ БЕСКОНТРОЛЬНО ВЪЕХАВШИХ В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ

А как обстоит дело с остальными 6-7 млн нелегальных иммигрантов в США? Кто они такие? Как они въехали в Соединенные Штаты? Откуда они? Это и есть так называемые «нелегальные» иммигранты, о которых все говорят. Официально иммиграционные власти называют их EWI (entry without inspection), «бесконтрольно въехавшими». Они проникли в

США без досмотра или использовали поддельные документы при пересечении границы. Почти все они въехали через американо-мексиканскую границу, и до недавнего времени большинство из них были выходцами из Мексики.

Почему стена Трампа не станет препятствием для EWI, независимо от страны их происхождения? Почему стена Трампа приведет к увеличению, а не к уменьшению их числа?

Привычный стереотип нелегального иммигранта, пересекающего мексиканско-американскую границу, уже не соответствует современным реалиям иммиграции. На протяжении десятилетий большинство EWI, въехавших в США через южную границу, были так называемыми циркулярными мигрантами. Они приезжали в США в основном на низкооплачиваемые работы в сельском хозяйстве, строительстве и смежных отраслях, оставались в стране несколько месяцев, возможно год, зарабатывали деньги и возвращались домой. Многие из них были сезонными сельскохозяйственными рабочими из Мексики, они, в частности, по мере того, как поспевал урожай, перемещались по стране от Калифорнийской долины до долины Якима в штате Вашингтон [Morrison, Poston 2017].

Дуглас Массей и его коллеги [Massey, Durand, Pren 2016] описали эти иммиграционные модели. Они показали, что усиление пограничного контроля серьезно нарушило циркулярные потоки рабочих, которые приезжали преимущественно в Калифорнию и Техас, а затем уезжали домой. Усиление пограничного контроля «повысило расходы на пересечение границы без документов, заставляя недокументированных иммигрантов дольше оставаться в США, чтобы сделать поездку выгодной». С усилением пограничного контроля и надзора увеличились и расходы на пересечение границы. В результате мигранты минимизировали пересечение границы «не потому что они стали оставаться в Мексике, а потому что теперь они остаются в Соединенных Штатах». Проще говоря, теперь речь идет уже не о циркулярных мигрантах, они трансформируются в постоянно проживающих нелегальных иммигрантов [Massey, Durand, Pren 2016; Hotchkiss 2016].

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ГИПОТЕЗА

Две диаграммы демонстрируют эту связь. На рисунке 1 представлены подготовленные демографами Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*) в Вашингтоне, округ Колумбия, ежегодные оценки числа незарегистрированных иммигрантов в США с 1990 по 2014 г. [Krogstand, Passel, Cohn 2016]. Число незарегистрированных иммигрантов в США выросло с 3,5 млн в 1990 г. до 11,1 млн в 2014 г. За 24-летний период с 1990 по 2014 г. наблюдался феноменальный рост – более чем на 210%.

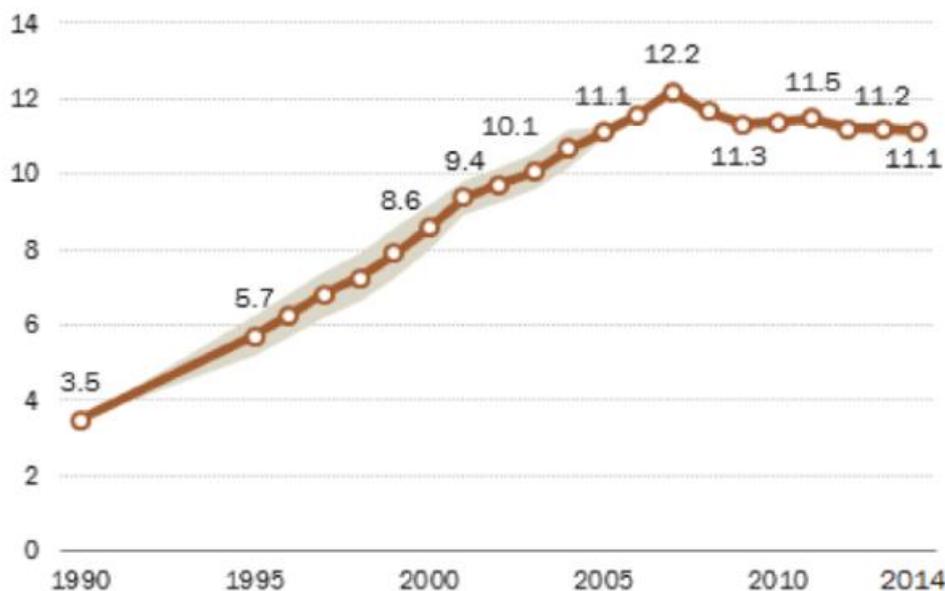

Рисунок 1. Предполагаемое количество незарегистрированных иммигрантов в Соединенных Штатах с 1990 по 2014 г., млн

Источник: [Krogstand, Passel, Cohn 2016].

На второй диаграмме (рисунок 2) представлены данные об ассигнованиях на содержание погранично-патрульной службы США [Argueta 2016]. Они наглядно показывают, что расходы на укрепление и охрану границы неуклонно росли, увеличившись с 263 млн долларов в 1990 г. до 1,4 млрд долларов в 2002 г. и до 3,8 млрд долларов в 2015 г.

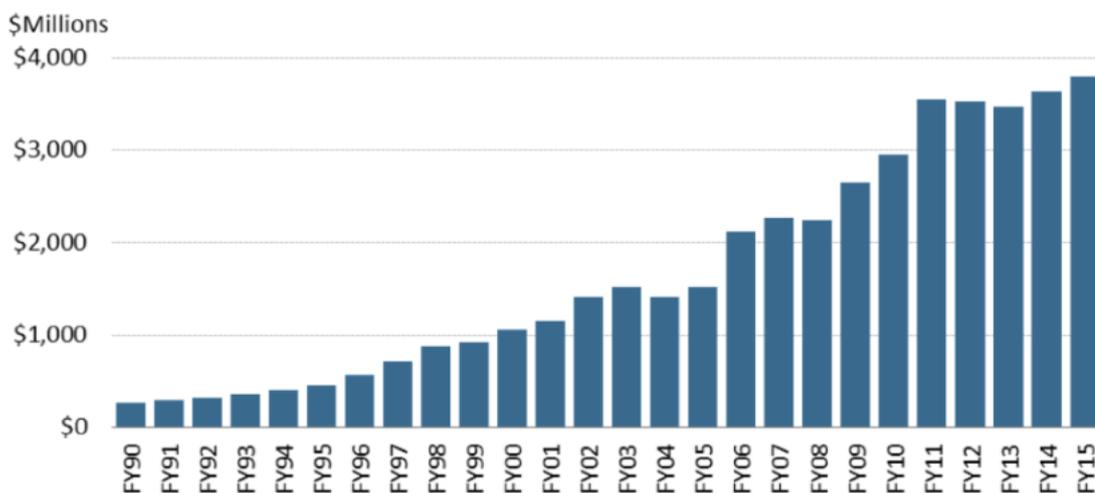

Рисунок 2. Утвержденные годовые бюджеты Погранично-патрульной службы США, финансовые годы (FY) с 1990 по 2015 г., млн долларов

Источник: [Argueta 2016].

Сопоставление данных на первой диаграмме с данными на второй показывает, что стремительная эскалация пограничного контроля и правопорядка, имевшая целью остановить поток нелегальной иммиграции через границу США с Мексикой, не сработала.

Милитаризация границы привела к увеличению, а не к уменьшению числа неразрешенных иммигрантов. Милитаризация превратила недокументированную миграцию в США из циркулярного потока мигрантов в несколько штатов с последующим их оттоком в постоянное население мигрантов практически во всех штатах континентальной части США.

Стена Трампа вполне может сделать эту тенденцию еще более выраженной. Иммиграция в США формируется исключительно из самых стойких и мотивированных. Только самые сильные и наиболее подготовленные попытаются пересечь границу. Демографы хорошо осведомлены о селективности миграции [Poston, Bouvier 2017]. Стена Трампа сделает путешествие в США более опасным, и многие попытки преодолеть стену потерпят неудачу. Но в конечном итоге большинство попыток окажутся успешными. Стена Трампа не мешает целеустремленным, мотивированным и талантливым людям проникнуть в США. Призрак стены Трампа заставит потенциальных циркулярных мигрантов обосноваться в США и *остаться* здесь, а не возвращаться домой в Мексику и другие страны Центральной Америки [Morrison, Poston 2017].

Мы предвидим, что в течение десяти лет после возведения такой стены будет по меньшей мере столько же EWI, сколько сейчас (6-7 млн), а может быть, и на несколько миллионов больше. Это означает, что, наряду с 5 млн лиц с просроченными визами, в США будет не менее 11 млн, а возможно, гораздо больше недокументированных иммигрантов, причем большинство из них превратится в оседлое население, постоянно живущее в США. Таким образом, инвестиции в размере 20 млрд долларов, предназначенные для того, чтобы отгородить людей от США, будут удерживать их в США. Стена Трампа не сработает.

ЛИТЕРАТУРА

- Ainsley J.E. (2017). Trump Border Wall to Cost \$21.6 Billion, Take 3.5 Years to Build: Internal Report // Reuters World News. February 9.
- Argueta C.V. (2016). Border Security: Immigration Enforcement between Ports of Entry// Congressional Research Service. April 19.
- Hotchkiss, M. (2016). Tighter Enforcement along the U.S.-Mexico Border Backfired // Phys.Org News. April 21.
- Krogstand J.M., J.S. Passel, D. Cohn (2016). 5 Facts About Illegal Immigration in the U.S. // Pew Research Center. November 3.
- Massey D.S., J. Durand, K.A. Pren (2016). Why Border Enforcement Backfired // American Journal of Sociology. 121: 1557-1600.
- Morrison P.A., D.L. Poston, Jr. (2017). Three Myths of U.S. Immigration: The Reality? A Border Wall Would Keep Undocumented in the U.S. — Not Out of It // San Antonio Express-News (March 5): F1.
- Poston D.L., Jr., L.F. Bouvier (2017). Population and Society: An Introduction to Demography. 2nd edition. New York: Cambridge University Press.

THE DEMOGRAPHY OF TRUMP'S WALL

DUDLEY L. POSTON JR., PETER A. MORRISON

The article by American demographers discusses the reasons why the construction of a wall on the border with Mexico proposed by President Trump cannot be an effective measure in restricting immigration to the United States.

Key words: Trump's wall, immigration, undocumented immigration.

DUDLEY L. POSTON JR. (d-poston@tamu.edu), TEXAS A&M UNIVERSITY, US.

PETER A. MORRISON, APPLIED DEMOGRAPHER (RETIRED FROM RAND), US.

N-IUSSP, APRIL 3, 2017. URL: [HTTP://WWW.NIUSSP.ORG/ARTICLE/DEMOGRAPHY-TRUMPS-WALLE-MUR-DE-TRUMP-ET-SES-CONSEQUENCES-DEMOGRAPHIQUES/](http://www.niussp.org/article/demography-trumps-walle-mur-de-trump-et-ses-consequences-demographiques/)

TRANSLATED BY O. PETROVA.

REFERENCES

- Ainsley J.E. (2017). Trump Border Wall to Cost \$21.6 Billion, Take 3.5 Years to Build: Internal Report // Reuters World News. February 9.
- Argueta C.V. (2016). Border security: immigration enforcement between ports of entry// Congressional Research Service. April 19.
- Hotchkiss, M. (2016). Tighter enforcement along the U.S.-Mexico Border Backfired // Phys.Org News. April 21.
- Krogstand J.M., J.S. Passel, D. Cohn (2016). 5 facts about illegal immigration in the U.S. // Pew Research Center. November 3.
- Massey D.S., J. Durand, K.A. Pren (2016). Why Border Enforcement Backfired // American Journal of Sociology. 121: 1557-1600.
- Morrison P.A., D.L. Poston, Jr. (2017). Three myths of U.S. Immigration: the reality? A border wall would keep undocumented in the U.S. — not out of it // San Antonio Express-News (March 5): F1.
- Poston D.L., Jr., L.F. Bouvier (2017). Population and society: an introduction to demography. 2nd edition. New York: Cambridge University Press.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ РАКУРС

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «МНОГОЭТНИЧНЫЙ ГОРОД. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ»

ВЛАДИМИР МУКОМЕЛЬ

Книга известных авторов побуждает переосмыслить принципы и практики национальной политики на местах. Авторы аргументируют необходимость переориентации национальной политики на уровень агломераций и крупнейших городов, где вызовы культурного разнообразия размывают городскую идентичность, перенос акцента с выявления степени конфликтности межнациональных отношений на поиск сложившихся механизмов предупреждения конфликтов. На примере трех крупнейших российских городов показано, что различия между ними могут затмевать их сходство. Социальная жизнь, организация социального пространства, структуры ценностей в каждом из них столь специфичны, что не могут игнорироваться при проведении любой из политик (национальной, конфессиональной, миграционной, управления культурным разнообразием).

Ключевые слова: национальная политика, гражданская нация, гражданская культура, культурное разнообразие, управление культурным разнообразием, идентичность.

Когда берешь в руки книгу маститых авторов, посвященную горячей теме, испытываешь некоторые сомнения – окажутся ли авторы на высоте? Не будет ли ощущения неловкости за несбывшиеся ожидания?

Авторы настоящей книги [Вендина, Паин 2018] не нуждаются в представлении. Ольга Вендина – известный и авторитетный специалист в области социальной и экономической географии, расселения в городах. Эмиль Паин – признанный специалист в сфере межнациональных отношений и этнополитики. (Любопытствующим, и тем, кому эти фамилии мало о чем говорят, дана возможность ознакомиться с регалиями авторов на обложке книги). Забегая вперед, уведомляю: авторам удалось – в очередной раз, – взять высоко поднятую планку.

Важно учесть, что книга – своеобразное подведение итогов исследовательского проекта, поддержанного Российским научным фондом, и это накладывает отпечаток как на форму подачи материала, так и на проработку отдельных сюжетов. При этом авторы, оговариваясь, что исследование еще полностью не завершено, формулируют амбициозную цель исследования как «совершенствование методологических основ национальной политики за счет расширения ее предметного поля: (а) включения городов и городских агломераций; (б) углубления понимания причин и механизмов возникновения и, что особенно важно, невозникновения этнополитических конфликтов; (в) осмысления связи национальной политики как с системой государственного и муниципального управления, так и с гражданской самоорганизацией жителей крупнейших городов» [5].

Владимир Изявич Мукомель (mukomel@isras.ru), Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия.

Рецензия поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Насколько оказался продуктивен симбиоз двух столь различных авторов – имея в виду их сферы интересов, подходы и методологии исследований? Вероятно, авторы неспроста делают оговорку, что книга написана в жанре монографического сочинения двух авторов, каждый из которых сконцентрировался на одной из тем общего исследовательского проекта: «При этом Эмиль Паин сосредоточился на проблеме соотношения новой научной парадигмы «управление культурным разнообразием» (УКР) с традиционной для постсоветской России парадигмой «национальная политика», а также на теоретическом анализе роли города в развитии гражданской нации, тогда как Ольга Вендина — на обобщении эмпирических исследований в Перми, Уфе и Ростове-на-Дону, анализе практического опыта УКР в российских городах как политики локальной самоорганизации» [7].

Следует признать: различия в двух разделах книги прослеживаются. Но я бы воздержался от упреков и от бросков камешков на авторскую поляну. Авторы стояли перед сложной дилеммой: больше внимания и времени уделить редактированию, нивелированию стилистических различий в подаче материала, либо оперативно донести до читателя выводы своего исследования. Они сделали выбор, очень логичный и верный, на мой взгляд, выпустив книгу в разгар обсуждения и жарких дискуссий по корректировке Стратегии государственной национальной политики.

Но, по порядку: дьявол, как известно, скрывается в деталях. О чем книга, что в ней нового? Что привлекло внимание? С чем можно поспорить?

В начале своего раздела Управление культурным разнообразием и национальная политика Э. Паин формулирует основные претензии к современной российской национальной политике, плохо, по его мнению, приспособленной к решению городских этнополитических проблем в силу инерционности (ориентации на решение проблем взаимодействия этно-национальных регионов и центра и уже поэтому безразличной к проблемам городов), на этноцентричности (зацикленности на решение проблем межэтнических отношений) и преимущественно командном стиле управления.

Подраздел *Культурное разнообразие и универсальное развитие* посвящен соотношению разнообразия и универсального развития в контексте концепций модернизации. Краткий очерк эволюции теории модернизации, ее движения к новым более гибким версиям, признан обосновать выбор теории множественных современностей (multiple modernities) Ш. Эйзенштадта в качестве теоретического фундамента исследования.

Э. Паин сосредоточивается на концепции «национального единства», развиваемой в 2000-х гг. Фрэнсисом Фукуямой, подчеркивающим важную роль национального государства и национально-гражданской идентичности в современном мире, а также на взглядах известного специалиста по экономике развивающихся обществ Пола Коллиера, который видит главную проблему современных африканских стран в неспособности их элит создать единую национально-гражданскую культуру и идентичность, «перекрывающую» этнические или племенные идентификации.

Акцент на идентичности(ях) и ее (их) роли в имплементации национальной политики прослеживается на протяжении всей книги. Во-первых, оттого что задачи эффективного городского управления (и самоуправления) не могут быть решены без поддержания сравнительно однородной идентичности [5]. Во-вторых, личность рассматривается как носитель множества различных и сравнительно быстро сменяемых идентичностей, индивид самостоятельно определяет себя в социальном и культурном пространстве не только через этническую принадлежность, но и через язык, профессию, класс, политические взгляды, гражданские роли и пр. [13]. Множественность идентичностей, их изменчивость, самоидентификация – важнейшие характеристики такого подхода. Из него логично вытекает тезис, что национальная политика не равнозначна политике гармонизации межнациональных отношений, необходимо расширение ее предметного поля за счет подключения взаимосвязанных «отраслевых» политик – конфессиональной, миграционной, культурной, языковой, образовательной и др.

Идентичность – пожалуй самый употребляемый термин, встречающийся в книге почти сотню раз. Для сравнения: важнейший термин «Укрепление культурного разнообразия» встречается впятеро реже. Признавая важность идентичностей для описания объекта управления, авторы закрепляют идентичность как ключевую характеристику дефиниции УКР: «управление культурным разнообразием (УКР) является функцией публичной власти (public administration), имеющей целью координацию социокультурных отношений, а также практическую разработку мер по обеспечению мирного, взаимоприемлемого общежития и взаимодействия людей с разной культурной (этнической, религиозной, расовой и др.) идентичностью в границах единого политического пространства (государства, региона, города)» [15].

Исключительно важным для первого раздела видится подраздел *Культурное разнообразие и национальное единство*. Рассматривая, казалось бы, не относящиеся напрямую к теме теоретические концепты «гражданское общество», «национальное единство», «гражданская культура», Э. Паин формулирует, следуя за Э. Геллнером, ключевой для дальнейшего анализа тезис: «город – естественная среда развития гражданского общества, гражданской нации и гражданской культуры».

И это понятно: социальная среда развития гражданского общества зависит от относительно развитой рыночной экономики, активного информационного пространства, плотного социального полотна, высококвалифицированного населения. Отсюда логично утверждение, что «эти факторы сосредоточены в городах, и прежде всего крупнейших». [29]. Этим и объясняется столь пространное (и очевидно выстраданное) внимание авторов¹ к теоретическим подходам при изучении гражданского общества.

В подразделе *Эволюция политики культурного разнообразия* последовательно анализируются конкретные политики управления культурным разнообразием: концепция плавильного котла, мультикультурализм (как политический проект) и его эволюция,

¹ Несмотря на то, что две части книги написаны разными авторами, методология, принципиальные исследовательские подходы едины. В тех случаях, когда, по моему разумению, та или иная точка зрения разделяется обоими авторами, я буду ссылаться на них в множественном числе.

концепции в сфере УКР. Э. Паин солидаризуется с позицией академических ученых, а также «политиков респектабельных направлений», которые не оспаривали идеи защиты культурного разнообразия, а выступали против побочных политических следствий мультикультурализма, прежде всего коммунитаризма — государственной политики, которая де-факто поощряет параллельное существование этнических или конфессиональных обществ и усиливает замкнутость культурных групп.

Автор склоняется к версии УКР, базирующейся на идеологии интеркультурализма — общественной интеграции, межкультурного взаимодействия, развития горизонтальных связей и гражданской активности, полагая, что все они чрезвычайно важны для совершенствования российских подходов к регулированию межэтнических отношений.

Подраздел *Управление культурным разнообразием в Стратегии государственной национальной политики РФ* — не столько дань спору с этим документом (хотя Э. Паин никогда не скрывал критического отношения к нему), сколько обоснование предлагаемых новаций национальной политики, как они видятся автору.

Солидаризируясь с задачей развития общегражданского самосознания, поставленной в Стратегии, Э. Паин категорически против сведения ее к социальному конструированию «сверху»: «для утверждения общегражданской идентичности и гражданской активности необходимо не только включение этой тематики в образование и трансляцию системой массовых коммуникаций, но и содействие со стороны государства и муниципалитетов реальным практикам общественной саморегуляции» [41]. Это во-первых. Во-вторых, провозглашается, что «развитие гражданского сознания как цель, поставленная в Стратегии, совершенно не связано в этом документе с городами, являющимися основной средой формирования гражданских институтов и гражданской культуры». [41].

Но ключевая задача данного подраздела, как я понимаю, показать, во-первых, российскую специфику, во-вторых — особую роль неформальных норм и межгрупповых социальных отношений. Российская специфика, по мнению Э. Паина, проявляется не только в ином, чем в унитарных странах, сочетании проблем интеграции мигрантов и гармонизации отношений между автохтонными народами Российской Федерации. Не только в традиционно особой роли российского государства в политической системе России. Еще важнее то обстоятельство, что в многонациональных государствах становление политической нации может отличаться от того, как оно происходило в сравнительно однородных в этнокультурном отношении государствах Европы.

При анализе первого раздела книги может создаться впечатление, что Э. Паин оседлал своего любимого конька — изучение нациестроительства (область, в которой он является признанным авторитетом) — и этот конек свернул с пути, обозначенного авторами в предисловии. Однако это не совсем так, и даже совсем не так: ему важно показать, что для России, как и других многонациональных («составных» по терминологии автора) государств возможна иная траектория развития политической нации, чем та, которая чаще всего наблюдалась в истории сравнительно однородных в этнокультурном отношении государств Европы: «В составных же государствах неизбежна селективная, очаговая и поэтапная последовательность развития наций. В этом случае в рамках формируемой политической нации долго будут сохраняться не только разнообразные этнические и

религиозные идентичности, но и разный уровень развития гражданской культуры, а также неодинаковый уровень сохранности и влияния традиционных отношений» [38-39].

Логичен следующий шаг – убедить читателя в необходимости перенесения акцента исследований и политики на уровень города как средоточия культурного разнообразия, так как именно в городе вызовы разнообразия размывают городскую идентичность, способствуют снижению доверия между разными группами населения и ослабления городской солидарности (подраздел *Город как субъект управления культурным разнообразием*).

Исходя из посылки, что в разных культурах степень внутригрупповой сплоченности неодинакова и складываются разные практики согласования интересов («исторически сложившиеся механизмы саморегуляции», «прагматическая толерантность»), автор обосновывает выбор объектов исследования: Уфы, Ростова-на-Дону и Перми.

Здесь же вкратце анализируются отдельные итоги исследования, выделяются типичные подходы («политики») к управлению культурным разнообразием в центрах агломераций: косвенного ограничения культурного разнообразия за счет селективного подхода к миграционным потокам; форсирования культурного разнообразия на локальном уровне с целью недопущения формирования в городах замкнутых моноэтнических или моноконфессиональных кварталов приезжего населения; ограничения культурной неопределенности за счет мер по ориентированию мигрантов относительно культурного своеобразия города, базовых культурных ценностей его жителей, их представлений об «общем благе» [46].

Отдавая должное этому анализу, позволю себе заметить, что эта часть раздела, как и завершающий его подраздел *Предложения по корректировке методологии национальной политики*, кажутся здесь не вполне органичными: насколько уместно их присутствие в данном разделе, а не в завершающей части книги – в конце второго раздела, где формулируются «десять заповедей управления культурным разнообразием города», или, может быть, в послесловии?

Второй раздел *Этнокультурное разнообразие и обыденный опыт регулирования межэтнических взаимодействий* (на примере городов Пермь, Ростов-на-Дону и Уфа) посвящен процессам самоорганизации городского населения, позволяющим справляться с вызовами этнокультурного разнообразия, практикам сосуществования групп, межгрупповым контактам и восприятию друг друга. Ключевой вопрос для автора: каковы механизмы, позволяющие избегать насилия и обеспечивать бесконфликтное сосуществование групп, разделяющих разные системы ценностей и идентичности?

Изменение оптики анализа межэтнических отношений в городах, перенос главного акцента с выявления степени их конфликтности на стратегию и тактику взаимного приспособления требуют пересмотра исследовательской позиции. И О. Вендина формулирует исходные тезисы анализа и обоснование выбора городов в двух последующих подразделах, соответственно и озаглавленных. Исходных тезисов для анализа три:

1. Крупнейшие города — это в высшей степени динамичная среда, в которой процессы интеграции и дезинтеграции населения неразделимы и взаимозависимы, а сходства и

различия — производятся и воспроизводятся, причем значительное влияние на складывающуюся ситуацию оказывает власть.

2. Признание сложности социального устройства города, наличия множества разнородных сообществ, обладающих разным происхождением и опытом городской жизни. Возникновение новых групповых идентичностей не обязательно способствует вытеснению или «стиранию» старых, они сосуществуют, соперничают и смешиваются, отражая преемственность и культурные различия поколений. «В результате высококомобильные социальные среды, выдвигающие запрос на новые формы жизни и межкультурные коммуникации, тесно переплетены в городах с маломобильными (даже застойными), поддерживающими и консервирующими привычный порядок» [54].
3. Изучение причин не-возникновения конфликтов в городах и не-перерастания вербальной агрессии в физическую предполагает разграничение «конфликтов интересов» и «конфликтов ценностей». В первом случае, спорные вопросы могут обсуждаться на языке общепринятых норм, правил и процедур. Во втором — приверженность собственным взглядам и отказ признавать убеждения и моральные нормы других делают политический торг малопривлекательным. Главным инструментом снижения напряженности этнокультурных и межрелигиозных отношений становится толерантность. Наделение «другого» статусом равной политической субъектности превращает плюрализм ценностей из досадного препятствия на пути реализации поставленных целей в условие культурной продуктивности города и развития общества.

На характер межэтнических взаимодействий в городах влияют, по мнению О. Вендиной, во-первых, этнический состав населения, длительность опыта совместного проживания разных народов, распространенность практики межэтнических браков и совместной деятельности. Во-вторых, уровень развития институтов гражданского общества и гражданского сознания. В-третьих, лояльность государству и осознание своей национально-государственной идентичности. В-четвертых, близость к границам, «горячим точкам» или опыт участия в межэтнических конфликтах. В-пятых, «местный патриотизм».

Пример Перми дает возможность оценить, в какой мере наличие гражданского самосознания позволяет сглаживать этнополитическое и этносоциальное неравенство жителей. Кейс Ростова - влияние длительного опыта совместной жизни разных этносов, роль этнокультурных и социальных институтов, включая неформальные нормы и связи, в выстраивании межэтнического согласия, значение геополитических и этнополитических факторов для складывающихся отношений. Уфа же, где совместно проживает три крупных российских этноса: русские, татары и башкиры, по мнению О. Вендиной, позволяет говорить о роли этнокультурного плюрализма в выстраивании отношений между жителями города, разделяющими разные идентичности.

В Перми авторов больше интересовала социально-профессиональная дифференциация населения и ее проекция на межэтнические отношения; в Уфе — феномен этнокультурного плюрализма; в Ростове-на-Дону — влияние геополитической ситуации и наличие ресурсов преодоления дистанции, существующей между общегражданской и этногрупповыми идентичностями. Это наложило отпечаток на методологию качественных исследований, которая была специфицирована применительно к каждому из объектов

исследования. В Перми проводились фокус-группы с волонтерами и активистами, ориентированные на организацию социальных «сервисов», рабочими крупных промышленных предприятий, молодыми менеджерами. В Ростове – с русскими, армянами, казаками, представителями северокавказских диаспор. В Уфе – с русскими, татарами и башкирами.

Названия каждого из подразделов, посвященных анализу специфики города, отражают его отличительность, как она видится автору: *Пермь: философия жизни как фильтр восприятия действительности*, *Ростов-на-Дону: город как коалиция коалиций*, *Уфа: соперничество как способ поддержания межэтнического согласия*.

На ситуацию в Перми наложила отпечаток, во-первых, особая мифология города, базирующаяся на переселенческом нарративе (колонизация, волны притока интеллигенции в годы Первой и Второй мировых войн, тема ссылки), во-вторых, то, что «в индустриальной культуре Перми, все *этническое* воспринимается как *экзотическое* или фольклорно-сельское, принадлежащее доиндустриальной эпохе» [65].

По наблюдениям автора, в Перми, во-первых, выявились три разные философии жизни со своими базовыми принципами и отчетливая связь между ценностными установками людей, их восприятием возможности межэтнических конфликтов и выбираемой тактикой реагирования на конфликтные ситуации.

В разговорах «гражданских активистов» постоянно звучала тема сочувствия людям, а сами люди представлялись открытыми и расположенными к другим. Тема этнических различий между людьми, живущими в городе, для данной группы была второстепенной. Для «рабочих» же житель Перми — это просто пермяк, безотносительно этнической принадлежности. Главное — что он включен в городскую жизнь, знает соседей, общается с разными людьми. Городское сообщество Перми, с точки зрения рабочих, выглядит не слишком дифференцированным и скорее объединенным, нежели разьединенным. Автор констатирует: «Сочетание коллективистских и индивидуалистских установок «рабочих» подводит к мысли о неустойчивом конформизме их реагирования на рост этнокультурного разнообразия города» [72]. Для пермских «менеджеров» ключевым в определении межличностных и межгрупповых отношений была «конкуренция», понимаемая как борьба за выживание и доступ к ограниченным ресурсам. Городская идентичность крайне низка, а городская среда наделялась многочисленными негативными определениями.

Во-вторых, влияние общегражданской (национальной) идентичности как фактора социальной (надэтнической) интеграции ограничено не только чувством этнической принадлежности, но и мировоззрением людей, их восприятием положения страны, испытываемыми чувствами гордости, ответственности или стыда. «Рабочие», сохраняющие установки коллективизма, и «активисты», опирающиеся на гражданские ценности, вызывают в Перми уважение, чего не скажешь о «менеджерах». Высокая самооценка последних не совпадает с внешним восприятием их роли в социальной жизни.

В-третьих, немногочисленные этнокультурные группы в Перми не обладают большим социальным влиянием, но их политическая активность и идейный плюрализм

пермского общества позволяет лидерам этнокультурных сообществ мобилизовывать поддержку «несогласных» пермяков.

Принципиально иная ситуация в Ростове (подраздел *Ростов-на-Дону: город как коалиция коалиций*), где формируется плотная паутина персональных и межгрупповых связей, возникают патрон-клиентские сети и коалиции интересов, «свои» группы авторитетных людей. Есть в городе и место, где оформляются неформальные договоренности, это Левбердон (левый берег Дона) – «пространство, свободное от социальных запретов» [95].

Восприятие города различается у разных групп респондентов. Для «русских» город — это арена борьбы за выживание, которую усугубляют пыль, жара и коррупция. Для «армян» Ростов — это убежище, уютный дом, место, где живут друзья и близкие. Он, конечно, не свободен от криминала, но это прощительный порок. Для «казаков» Ростов — это прежде всего статус. Даже блатное «Ростов-папа» звучит в их интерпретации как достижение.

Насколько я понимаю позицию автора, в Ростове существуют прекрасные отношения между русскими и местными армянами, если и есть конфликтогенный потенциал – то между этой коалицией и казаками, а также с северокавказскими землячествами. (Автор выделяет также евреев, которые, учитывая их малочисленность, из реальных членов городского сообщества, влияющих на его жизнь, стали для армян, так же как и для русских, референтной группой, определяющей верхнюю планку достижительных мотиваций. Забегая вперед – аналогично оценивается роль евреев в социально-экономической жизни города и в Уфе).

Достаточно напряженная ситуация, традиционная для армяно-чеченских отношений, базируется на столкновении бизнес-интересов. Как отмечает автор, на групповых дискуссиях чеченцы дистанцировались ото всех, демонстрировали свою самодостаточность и особость и одновременно наличие сильного внутригруппового контроля.

Автор, констатируя сложность ростовского социума, множественность, смешение и переплетение идентичностей его жителей, приходит к следующим выводам. Во-первых, – отсутствие в городе межэтнических иерархий [96]. (Правда далее автор пишет, что участники каждой из фокус-групп декларировали собственное превосходство над «другими» в значимых для себя вопросах, одновременно признавая у них и наличие определенных достоинств. На мой взгляд, это не очень согласуется с тезисом об отсутствии межэтнических иерархий. К тому же в другом месте автор прямо пишет о наличии этнической иерархии в Ростове – [154]).

Во-вторых, «все разнообразие повседневных практик населения Ростова можно свести к нескольким моделям социальной организации, которые учитывают как формально установленные в обществе нормы, так и неформальные правила, принятые в каждой из групп. Сочетание формальных и неформальных институтов варьируется от группы к группе. Жители города хорошо ориентируются в различиях, существующих между разными системами правил и понятий, учитывают особенности их применения.

Благодаря этому разные группы приходят к определению сферы общих интересов и добровольно объединяются ради достижения поставленной цели. Такие временные межгрупповые союзы можно определить как коалиции коалиций» [109].

В-третьих, «ростовская идентичность формируется в двух смысловых оппозициях: одна связана с моральным отторжением столицы, а другая — с противостоянием внешнему миру (граница, цивилизационный разлом и пр.). Антимосковские и антизападные настроения являются фактором негативной мобилизации населения. Они влияют на внутреннюю жизнь города и используются как политический ресурс. Позитивная коллективная идентичность ростовского населения поддерживается идеей культурного плюрализма, присущего городу изначально и определяющего его уникальность. Она считается заданной «по определению» и не нуждающейся в дискурсивной поддержке, что превращает Ростов в «инкубатор» новых идентичностей, в том числе и противоречащих идеям культурного плюрализма» [115].

Опыт Ростова, по мнению автора, показывает, сколь значительную роль в регулировании этнополитических взаимодействий (межэтнических и межконфессиональных) играют неформальные коалиции и отношения, на которые опираются власти при принятии решений. Это означает необходимость при принятии управленческих решений ориентации на локальные сообщества и использование коалиционных техник управления.

И совершенно иная ситуация в Уфе (подраздел *Уфа: соперничество как способ поддержания межэтнического согласия*). Практика управления этнокультурным разнообразием, в Уфе иная, хотя в ее основе, как и в Ростове, также лежит принцип плюрализма. Но если в Ростове многообразие социальных порядков явилось следствием самоорганизации населения, а согласование их интересов — результатом формирования коалиций элитных групп, то в Уфе ключевая роль принадлежала государству, а не местным элитам, постоянно конкурировавшим и стремившимися утвердить свой приоритет.

О. Вендина формулирует три тезиса, характеризующих специфику управления культурным разнообразием в Уфе.

Во-первых, социальный симбиоз разных этнокультурных групп и идеал бесконфликтной городской жизни достигаются благодаря не только мировоззренческому консенсусу. Сопrotивление культурной унификации и гибридизации, противостояние попыткам установить культурное доминирование одной из групп обеспечивают *status quo* для всех жителей города.

Автор, на базе проведенных качественных исследований, разъясняет различия в восприятии своего места в социальном пространстве города представителями разных этнических групп. Оценки «русских» отличались философским спокойствием и ироничностью, они занимали позицию как бы включенного наблюдения. Этническая конкуренция воспринимается русскими исключительно как конкуренция башкир и татар: «Говоря об этнической конкуренции, русские говорили не о себе, а о башкирах и татарах». [135]. Башкиры видели причину возникающих противоречий и межэтнического соперничества в том, что «другие» сомневаются в праве башкир быть «хозяевами» на своей

земле, определять здесь социальные нормы и правила поведения. Высказывания «татар» отражали их положение как меньшинства — меньшинства в стране, меньшинства в республике и меньшинства среди татар. Они отчетливо разделяли башкирских и казанских татар, считали себя не «диаспорой» Татарстана, а коренными жителями региона.

Этнокультурная мозаичность региона, сохранность родоплеменных отношений, неоднократная ситуативная смена идентичностей, множественность продвигаемых проектов национального единства (русский, советский, российский, татарский, башкирский, болгарский, исламский и пр.), удерживают людей от искуса этнического национализма [137].

Межэтническое согласие достигается как благодаря поиску союзников и выстраиванию коалиций интересов, ограничивающих притязания наиболее влиятельных групп, так и рационализацией этничности, бросающей вызов традиционным общественным предписаниям и переводящей стрелки конфликта с межэтнического сценария на межпоколенческий или межличностный [139].

Второй тезис автора: «Не только приверженность общегражданской идентичности («россияне») жителей Уфы, но и незримое присутствие «третьей силы» в межгрупповых взаимодействиях позволяет избегать обострения межэтнических противоречий и удерживать равновесие интересов. Чаще других в этой роли выступают русские благодаря своей многочисленности и относительной индифферентности к проблеме этнического статуса» [140].

Значительное присутствие русских в городе рассматривалось как социально желательное и татарами, и башкирами. Это объясняется не только развитыми семейно-родственными или дружескими связями, но и предпочтительным социальным порядком и социальной организацией, которые связывается с русскими.

Третий тезис: наличие выраженной и устойчивой уфимской идентичности является важным фактором интеграции населения города. Она конструируется преимущественно на позитивных основаниях. Существенную роль играет гордость за свой город и признание культурного плюрализма в качестве ключевого достоинства Уфы [144].

Интересно наблюдение, что в условиях снижения мобилизационной роли экологических протестов на фоне нарастания социально-экономических проблем, невозможности консолидации общества на почве совместной истории и культуры и препятствования властей любым формам гражданской активности, на первый план в качестве консолидирующего фактора вышло пристрастие жителей Уфы к развлечениям: «Любые городские мероприятия, от Дня города до Дня ветеринара, собирают большое количество участников и являются эффективным средством объединения людей и коммуникации власти и населения». Это стало одним из механизмов «взаимной адаптации не только разных культур, но и разных людей через многочисленные контакты, имеющие позитивную эмоциональную окраску. Огромную роль в этом процессе играют развитые публичные пространства, всегда насыщенные городской жизнью» [148-149].

По мнению О. Вендиной, соперничество мировоззренческих установок приводит к тому, что традиционные и современные представления состыкуются в жизни людей. И в

политике управления культурным разнообразием необходимо использовать «пригодные» традиционные инструменты поддержания согласия в обществе, не противоречащие современным нормам. Кроме того, институциональный плюрализм приводит к тому, что ни один из акторов («агентов межэтнических взаимодействий») не обладает всей полнотой власти, чтобы обеспечить их регулирование. Основной задачей государства в этой ситуации становится поддержка сложившегося этнокультурного плюрализма, обеспечивающего формирование и переформирование коалиций интересов. [155].

В *Заключении* раздела формулируются «десять заповедей управления культурным разнообразием города». На мой вкус, называть их «заповедями» или «некоторыми правилами» не совсем уместно. Это рекомендации, благопожелания без четко обозначенного адресата, тогда как почти все библейские заповеди — а автор явно апеллирует к ним, — запреты, имеющие четкого адресата.

Завершая раздел, автор пишет: «Аналитическая очевидность невозможности «тотальной» интеграции мультикультурного города на принципах идеологического согласия и иерархии, предполагающей отведение каждому своего места, заставляет видеть в городе слабо интегрированное сообщество, состоящее из сообществ с более сильными идентичностями. Объединяет этот социум наличие, с одной стороны, гуманистических представлений о социальной справедливости и равенстве, а с другой — прагматичных индивидуальных заинтересованностей в жизни именно в этом месте. Такое сочетание составляет главный ресурс политики управления культурным разнообразием, поскольку позволяет выстраивать коалиции разных интересов, ориентируя их на достижение общих целей и признаваемых большинством населения идеалов» [169].

Автор не сводит межэтнические проблемы в городах к межгрупповым отношениям и взаимодействиям, а включает их, во-первых, в контекст городской жизни и, во-вторых, в систему властных отношений. Проблемы межэтнических отношений в городах, по ее мнению, связаны не исключительно с этническими различиями их жителей, но и с функционированием в рамках одного социума нескольких равноположенных социальных порядков (социально-нормативных моделей поведения, реализующихся в повседневной жизни), которые «структурируют поведение людей и определяют характер взаимодействия человека с окружающим миром» [97]. Конечно, было бы интересно проследить, как эти социальные порядки формируются в разных социально-территориальных средах города (центр, спальные районы, «плохие районы»), но, видимо, автор, будучи видным специалистом в этой области, в данной работе не ставил перед собой такую задачу.

Главное, что удалось продемонстрировать в настоящем разделе: российские города существенно различаются — вплоть до того, что различия между ними могут затмевать их сходство («Что ни город, то нор» — это давно подмечено). Социальная жизнь, организация социального пространства, структуры ценностей в каждом из них столь специфичны, что не могут не приниматься в расчет при проведении любой из политик (национальной, конфессиональной, миграционной, управления культурным разнообразием). Унификация политики имеет пределы, установленные общностью цели и задач, принципами, на которых она базируется. Но ее имплементация применительно к

конкретному объекту предполагает «штучность» политики, учет конкретики городского пространства и адаптацию к ней.

В Послесловии авторы приводят аргументацию и выводы, ранее оформившиеся в заключениях к каждому из разделов.

О сомнениях. Перенос акцента исследований проблем политики межнациональных отношений и механизмов ее реализации на уровень крупнейших городов и агломераций – безусловно, верный и важный аспект. Но я бы воздержался утверждать, что национальная политика, как она реализуется ныне, не уделяет внимания проблематике городов и городских агломераций [9] или, как еще более категорично сформулировано, «российская национальная политика... безразлична к проблемам городов» [10].

Во-первых, мониторинг межнациональных отношений – ключевой инструмент – политики, ведется как на региональном уровне, так и на уровне муниципальных образований. Во-вторых, ответственность за состояние межэтнических отношений вменена руководству органов местного самоуправления. (Авторы цитируют неведомого «известного эксперта», утверждающего, что: «У муниципалитетов ныне нет (а) полномочий, (б) возможностей и (в) интереса для регулирования межэтнических отношений» [44]. Это не так: полномочия есть, есть и интерес – ответственность за состояние межэтнических отношений. Нет возможностей? – Да когда это сдерживало федеральный центр? – Идеология, организация местного самоуправления в России и строятся на том, что компетенции имеются, но возможности их реализовать (финансовые ресурсы) – ограничены или вообще отсутствуют. Такое вот выморочное местное самоуправление).

В-третьих, в большинстве регионов имеются региональные программы гармонизации межнациональных отношений. И реализуются они, преимущественно в административном центре региона. Еще один аргумент авторов: из трех городов лишь в Перми была принята муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Перми», «выявить какие-либо следы реализации» которой авторам не удалось. (Хотя Пермская городская Дума регулярно публикует отчеты об исполнении бюджета города, в котором подробно расписано исполнение программы по ведомствам и административным районам города). Многое зависит от сложившейся системы управления регионом, взаимодействия региональных властей с органами муниципального управления, системы расселения. В Ростовской области, например, при отсутствии программы гармонизации межнациональных отношений в областном центре, приняты соответствующие программы (подпрограммы) в г. Новочеркасске и г. Шахты.

Иногда, в публицистическом запале, авторы – на мой взгляд, излишне, - увлекаются хлесткими, но спорными утверждениями. Например, в предисловии сказано: «"толерантность", установленная властью в одностороннем порядке» [4]. Какая власть? О каком периоде речь? – Если о 1990-х – согласен. О начале 2000-х – да. Позже – категорическое нет. Федеральная целевая программа толерантности (официальное название более пространно), рассчитанная на 2001-2005 годы, была закрыта в 2004 г. «в связи с исполнением» (!?) Затем, почти на десятилетие, полное игнорирование

межнациональных вопросов федеральным центром, сбросившим ответственность за их состояние на регионы.

Насколько уместно сравнение и поиск различий между гражданской нацией и городским сообществом? В книге формулируются несколько аргументов в пользу такого подхода: 1. Нация — это обобщенное, воображаемое сообщество, в то время как городское общество куда более конкретное. 2. Национальное единство «перекрывает» большинство различий и разногласий, для того чтобы зафиксировать *базовые принципы*, такие как отношение общества к государству, представление о его границах, об отечественной истории, о месте государства и нации в мире. На уровне города гораздо больше противоречий, и они воспринимаются как норма. 3. Если для общества в целом создание условий для национального единства, в его базовых основаниях, выступает одной из важнейших предпосылок функционирования политической системы демократического типа, то городское сообщество не предполагает поиск общего консенсуса, это пространство локальных взаимодействий, диалогов и компромиссов.

По каждому из вышеназванных тезисов можно найти возражения: и городское сообщество в известной мере фантом, и противоречия между взглядами и интересами граждан не меньше, чем среди горожан, и не есть что-то экстраординарное², и городское сообщество нуждается в общем консенсусе относительно целей развития, инструментов их реализации.

Есть вопросы к структуре книги. Помимо Предисловия и Послесловия, в каждом разделе книги имеются собственное Введение и заключающая часть. При таком подходе повторов было сложно избежать.

Подведем итоги. Главное, на мой взгляд, что настоящая книга, меняющая ракурс исследований, построенных на новых методологических подходах, побуждает переосмыслить принципы и практики национальной политики на местах. Авторы убедительно аргументировали необходимость перенесения акцента на уровень агломераций (с чем я готов был согласиться и до прочтения книги). Продуктивна и «смена оптики исследования», перенос акцента с выявления степени конфликтности межнациональных отношений на поиск сложившихся механизмов предупреждения конфликтов и взаимного приспособления. Но еще им удалось растворить мой скепсис в отношении концепций «управления культурным разнообразием» и «интеркультурализма». Наконец, я получил эстетическое удовлетворение от проработанности методик исследования конкретных городских сообществ, интересных наблюдений и полученных авторами результатов.

Нельзя не отдать должное и гражданской позиции авторов. Прочитав последний абзац книги: «Города — важнейшие драйверы развития гражданской нации, но они и часть российской политической системы. Без перехода ее от нынешней сугубо этатистской «государство-центрической» парадигмы к «общество-центрической» потенциал городов

² Все-таки национальное согласие в базовых ценностях и целях развития не равнозначно отсутствию противоречий в их трактовке и, особенно, способах достижения.

как источника развития «горожанства» и гражданства (гражданской культуры, институтов гражданского общества и гражданской нации) не может быть использован в полной мере» [173]. По сути, это манифест строительства гражданской нации «снизу».

Так что - рекомендую. Не будете разочарованы.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина О., Э. Паин (2018). Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор. 184 с.

ETHNIC POLICY: A NEW PERSPECTIVE

REVIEW OF THE BOOK «A MULTI-ETHNIC CITY. PROBLEMS AND PROSPECTS OF CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT IN THE LARGE CITIES»

VLADIMIR MUKOMEL

The book, by famous authors, encourages a rethinking of the principles and practices of ethnic policy. The authors argue for the need to reorient ethnic policy to the level of agglomerations and large cities, where the challenges of cultural diversity erode urban identity, and to shift the focus from identifying the degree of conflict between ethnic relations to the search for existing mechanisms of conflict prevention. The example of the three largest Russian cities shows that the differences between them can overshadow their similarity. The social life, organization of social space and structure of values in each of them are so distinctive that they cannot be ignored when carrying out any policy (ethnic, religious, migration, cultural diversity management).

Key words: *ethnic policy, civil nation, civic culture, cultural diversity, cultural diversity management, identity.*

VLADIMIR MUKOMEL (mukomel@isras.ru), INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE FCTAS RAS, RUSSIA.

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

Vendina O., E. Pain (2018). *Mногоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах* [A multi-ethnic city. Problems and prospects of cultural diversity management in large cities]. Moscow: Sektor. 184 p.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ В ЕВРОПЕ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE ON GENDER, FAMILY AND HEALTH IN EUROPE»

ОЛЬГА ИСУПОВА

Книга посвящена взаимному влиянию форм семейной жизни и здоровья людей в разных возрастных категориях (и в разных поколениях, ведь в течение последних десятилетий молодежь экспериментирует с формами семейного устройства). Основным содержанием книги является метаанализ различных количественных исследований, сопоставляющих здоровье людей и их семейное положение в европейских странах. Выводы оказываются в достаточной мере неожиданными: выяснилось, что наиболее неблагоприятно для здоровья положение одиноких матерей, а также многодетных матерей, причем последнее даже в случае очень хороших отношений с детьми и поддержки с их стороны. В меньшей степени неблагоприятно влияет на здоровье положение сожительства партнерши, лучше всего здоровье замужних женщин с одним-двумя детьми, однако в старшем возрасте их здоровье ухудшается в связи с уходом за партнером, если он болен. Отсутствие детей и партнера значимо не влияет на здоровье женщин. Новые семейные формы благоприятны для здоровья мужчин, прежде всего в случае сожительства и в молодом возрасте.

Ключевые слова: здоровье, формы семейной жизни, взаимное влияние.

Формы семейной жизни существенным образом влияют на благополучие, здоровье и саму жизнь людей, причем по-разному для мужчин и для женщин. На уровне здравого смысла это, казалось бы, давно известно. Но возникает вопрос, в чем именно выражается это влияние и кого конкретно оно затрагивает, как сказываются изменения последних десятилетий в связи со вторым демографическим переходом, или не в связи с ним — ведь кто-то отвергает эту объяснительную гипотезу, но никто не может отрицать, что изменения есть? Всем этим проблемам взаимодействия факторов в треугольнике здоровье-семья-гендер посвящена крайне интересная и важная книга, о которой полезно проинформировать демографическое сообщество.

Старшие поколения везде в Европе живут в более традиционном семейном окружении, люди чаще состоят в законном браке, и официальный статус их брака тесно связан с (низким или высоким) качеством их жизни. В то же время, молодые поколения уже несколько десятилетий экспериментируют с новыми семейными формами. При этом в одних странах такие формы распространены очень широко, в других всё ещё встречаются относительно редко.

ОЛЬГА ГЕНРИХОВНА ИСУПОВА (oisupova@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В СЕНТЯБРЕ 2018 Г.

В молодом возрасте распределение оплачиваемой и неоплачиваемой работы внутри семьи по-прежнему гендерно структурировано очень неравномерно. Прежде всего это относится к семьям с детьми, что объясняется необходимостью ухода за ними. С возрастом многое меняется, уход за детьми и работа за деньги теряют свое значение, появляются пенсии, и, хотя во многих странах значительная часть пенсионеров продолжает работать, забота о других членах семьи принимает иные формы, ее объем резко уменьшается (поскольку превалируют несемейные формы ухода за престарелыми) и перестает быть настолько важным для членов семьи. Но появляется нарастающая необходимость заботиться о втором партнере, и она также в большинстве случаев имеет гендерную окраску.

Вплоть до самых старших возрастов, однако, остается плохо понятным, как разные формы семейной жизни и партнерства сказывается на здоровье, поскольку вариации внутри возрастной когорты в этом отношении низки. Непонятны также пути, по которым люди приходят к тем или иным состояниям здоровья в старшем и самом старшем возрасте, как эти пути ведут к более раннему или более позднему возрасту смерти, к тем или иным причинам смерти.

Кроме того, молодые поколения в Европе очень гетерогенны по своему этническому происхождению, и надо исследовать, как влияет этот фактор, прежде всего в связи с опытом миграции и различиями в культурных нормах и ценностях, на их семейную жизнь и здоровье. Пока трудно судить также и о том, насколько универсальны выявленные авторами закономерности, в какой степени они зависят от режимов социальной политики, а в какой — от национальных особенностей, истории и культурных традиций изучаемых европейских стран.

В старшем поколении вариативность состояния индивидуального здоровья увеличивается, поскольку старение людей происходит в разных условиях. Становится очень важным состояние здоровья партнера, могут проявиться многочисленные и сильные взаимозависимости с собственным состоянием здоровья. Здесь уже можно анализировать путь, по которому индивид пришел к тому или иному состоянию в конкретный момент времени, в том числе семейную историю, партнерскую траекторию, историю внезапных изменений, например, расставаний и потерь близких родственников. Интересным исследовательским вопросом становится выяснение того, в чем долго живущие вместе партнеры становятся похожи друг на друга по состоянию здоровья и становятся ли.

Также интересна дистанция между членами семьи как эмоциональная, так и географическая, и ее влияние на здоровье.

Крайне актуальна тема влияния родительства на здоровье мужчин и женщин в молодости, и отложенное воздействие некоторых его аспектов на здоровье в старшем возрасте. Впрочем, влияние новых форм семьи может сказываться уже в молодом и среднем возрасте, и это тоже подвергается изучению.

Представленные в книге исследования показали, что среди всех изученных поколений молодого и среднего возраста наилучшее здоровье, возможно, вопреки ожиданиям энтузиастов новых семейных форм, наблюдается у живущих с партнером в

зарегистрированном браке или долговременном сожительстве с двумя или (чуть) более детьми. Это справедливо для всех режимов семейной политики, как показали в своем исследовании Доблхаммер и Гума, а в случае, например, Германии это оказалось верным как для мигрантов, так и для родившихся в стране (Джордж, Крефт и Доблхаммер). При этом выигрыш в здоровье несколько больше для женщин, чем для мужчин, да и вообще в целом здоровье женщин более значительно зависит от характеристик домохозяйства (Доблхаммер и Гума).

Новые формы семейной жизни в той или иной степени, но во всех изученных случаях приводят к проигрышу в отношении здоровья для женщин, а величина этого проигрыша варьируется в зависимости от режима семейной политики, т.е. от характера и масштабов поддержки государства. Австрийское исследование (Бубер-Эннсер и Ханалпи) позволяет увидеть, что эти закономерности становятся еще более явными при лонгитюдном подходе, учитывающем распады союзов, всегда приводящие к несколько худшему здоровью. В Австрии женщины, живущие в семейном союзе, любой член которого имеет хотя бы одного ребенка от предыдущего союза, вне зависимости от того, живет ли этот ребенок в домохозяйстве, имеют худшее здоровье (Бубер-Эннсер и Ханалпи). Аналогичный результат получен и из сравнительного исследования нескольких европейских стран, показавшего, что женщины, проживающие в консенсуальном союзе, с детьми или без детей, имеют худшее здоровье по сравнению с замужними (Доблхаммер и Гума). Всё это, с другой стороны, может быть связано с финансовыми проблемами, поскольку учет соответствующей переменной частично или полностью снимает наблюдаемые эффекты. Интересно, что худшие показатели здоровья в непервобрачных семьях особенно заметны у людей с относительно низким уровнем образования и отсутствуют у более образованных. Может иметь значение и социальный климат по отношению к новым формам семьи — там, где новых форм больше в процентном отношении, негативный эффект их воздействия на здоровье уменьшается или даже почти исчезает. Эффекты в отношении состояния здоровья мужчин, живущих в непервобрачных и/или консенсуальных союзах, также негативны, но гораздо меньше и статистически незначимы. При этом финансовые трудности имеют меньшее значение, и в целом сожительствующие мужчины чувствуют себя в финансовом отношении лучше, чем женатые.

Одинокие матери во всех изученных странах имеют худшее состояние здоровья по сравнению с состоящими в любом партнерстве. В наибольшей степени это связано с финансовыми проблемами, социальная приемлемость тут не играет никакой роли. Сожительствующие матери чувствуют себя лучше в тех странах, где их сравнительно больше, но для одиноких матерей такой эффект отсутствует (Доблхаммер и Гума). Напротив, чем больше в обществе одиноких матерей, тем выше негативное влияние этого состояния на их здоровье. Их особенно много в странах Северной Европы, где вся система способствует наличию в семье двух полноценных доходов, — именно в этой ситуации одинокие матери оказываются в наиболее невыигрышном положении. Также именно в этой относительно равноправной среде отсутствие партнера может сказываться и на нехватке повседневной помощи в уходе за детьми и хозяйственных домашних делах.

Партнеры, живущие отдельно, были изучены в австрийском контексте (Бубер-Эннсер и Ханалпи). Оказалось, что такое жизненное устройство лучше для здоровья как

женщин, так и мужчин, но для последних эффект сильнее и статистически значим, причем все это не зависит от финансового положения партнеров.

Количество поколений, живущих вместе, также влияет на здоровье членов семьи. Например, среди семей мигрантов в Германии крайне редко встречаются новые формы формирования супружеских союзов, зато они заметно отличаются по поколенческому составу семьи: у них чаще встречаются многопоколенные семьи (Джордж, Крефт и Доблхаммер). Исследование показало, что, практически вне зависимости от этнического происхождения, пары, живущие в двухпоколенной семье с двумя или несколько более детьми, имеют лучшее здоровье по сравнению как с теми, кто живет в однопоколенных (у них здоровье хуже всего), так и в трех- и более поколенных домохозяйствах. Живущие без партнера в домохозяйстве с любым числом поколений имеют относительно худшее здоровье независимо от этнического происхождения и опыта миграции, причем во всех случаях и позитивные, и негативные эффекты выше для женщин. У этого может быть два объяснения. С одной стороны, социальная структура германского общества и государственная семейная политика в Германии, система здравоохранения и господствующие нормы и ценности оказываются важнее этнических различий. С другой стороны, в данном случае изучались мигранты из Турции и стран Восточной Европы, которые живут в Германии уже давно и могли существенно ассимилироваться во многих отношениях, принимая нормы и ценности местного населения в отношении здоровья и семьи.

Как мы увидели, в молодые и средние годы жизнь в традиционной семье «выгоднее» для здоровья женщин, чем мужчин. В старшем возрасте это соотношение меняется, и здоровье мужчин оказывается в той же степени зависимым от состава семьи и домохозяйства, что и здоровье женщин. Это показывают итальянское (Томазини, Ди Джесса и Эгиди) и шведское (Доблхаммер, Петерс, Риццутто и Велмер) исследования, несмотря на то, что две страны очень сильно отличаются по режимам семейной политики и семейным ценностям. Методология исследований также была существенно различной. Третье, тоже итальянское, исследование (Джанантонни и Эгиди) также подтверждает, что чем старше партнеры, живущие вместе, тем более похожими становятся показатели их состояния здоровья.

Взаимоотношение между рождаемостью и здоровьем в старшем возрасте в итальянском контексте, где именно семья заботится в том числе и о пожилых, молодые чаще живут вместе с родителями, а гендерные роли относительно более традиционны (Томазини, Ди Джесса и Эгиди) для женщин, оказалось даже более существенным, чем в других европейских странах. Во-первых, это может быть связано с селекцией наиболее здоровых женщин в партнерство и, соответственно, в рождаемость, так как в более традиционном обществе брак «престижнее» и оставляет «за бортом» именно менее здоровых женщин. С другой стороны, заметнее и сильные негативные эффекты очень большого бремени семейной заботы на здоровье женщин. Большое число детей в семье сказывается не только на матерях, но и на отцах, чья роль кормильцев в данном случае более важна. Оказалось, что наилучшим здоровьем в старости обладают матери одного или двоих детей; большое число детей разрушает здоровье матерей в старости и до некоторой степени и отцов тоже. Разрушительный эффект не становится меньше, если выросшие дети часто

общаются с матерью и отцом. Шведское исследование (Доблхаммер, Петерс, Риццутто и Велмер) показало, что наличие детей однозначно связано с лучшим здоровьем в старости для отцов, но не обязательно для матерей.

В Италии бездетные представители старшего поколения не оказались менее здоровыми, чем имеющие детей, несмотря на предполагаемую селекцию более здоровых в родительство, - возможно нагрузки, связанные с родительством, могут перевешивать изначальное преимущество будущих родителей в состоянии здоровья. С другой стороны, возможно, что среди бездетных только наиболее здоровые доживают до старшего возраста. В Швеции бездетные, состоящие в партнерстве, теряли здоровье наиболее быстро по сравнению с одинокими бездетными.

Итальянское исследование также показало, что социальные факторы могут модифицировать воздействие доказанных биологических факторов на здоровье в позднем периоде жизни. Во-первых, не обнаружено никакого негативного воздействия беременностей с небольшим интервалом, возможно, потому что родителям удобнее во многих отношениях растить близких по возрасту детей, может быть, за исключением самого раннего периода жизни последних. Во-вторых, очень раннее материнство оказалось позитивным для здоровья женщин в старости в Южной Италии и негативным — в Северной, что может быть связано с разными социальными механизмами детерминации возраста материнства и разным социальным окружением матерей в разных частях страны.

В этом же итальянском исследовании здоровье оказалось в большей степени связано с текущим брачным состоянием, чем с брачной историей. Состоящие в браке на момент исследования имели лучшее здоровье. Шведское исследование показало, что в старшем возрасте состояние в союзе более благоприятно для здоровья мужчин, чем женщин, для которых оно даже может нести разрушительный эффект. Среди мужчин самым плохим здоровьем отличались одинокие и бездетные, а самым хорошим — женатые и имеющие детей. Для женщин влияние наличия детей несущественно позитивно, наличия партнера — негативно.

Само по себе домохозяйство также является интересным уровнем для анализа. Показано, что здоровье членов одного и того же домохозяйства тем более гомогенно, чем меньше в домохозяйстве людей, причем гомогенность увеличивается с течением времени при совместной жизни, что связано, скорее всего, с однотипным образом жизни.

При этом есть огромное количество исследований, демонстрирующих, что роль члена семьи, заботящегося о больных и престарелых, сокращает самому заботящемуся жизнь и ухудшает его здоровье, особенно если это делается из чувства долга, а не добровольно.

Социальный статус, финансовые затруднения и поведение в отношении здоровья объясняют часть выявленных различий и сходств.

Финансовые обязательства более негативно влияют на здоровье женатых отцов по сравнению с сожительствующими. В Германии женатые с детьми ведут наиболее здоровый образ жизни по сравнению с другими группами сверстников, причем наиболее здоровым этот образ жизни становится с появлением второго ребенка. Это касается диеты, курения,

физической активности и потребления алкоголя (вон дер Липпе и Раттэй). Курение чаще характерно для вдовствующих и разведенных любого социального статуса, а здоровая диета женатых характерна, скорее, для людей более высокого социального статуса. В любом случае питание становится более здоровым с появлением первого ребенка, курение исчезает с появлением второго, это характерно и для мужчин, и для женщин.

Одиноким матери — это группа, которая чаще всего курит и потребляет алкоголь, но физически они более активны. В целом совокупность факторов риска для здоровья у одиноких матерей наивысшая.

Родители большего числа детей дошкольного возраста отличаются наиболее здоровым поведением. Здоровое поведение чаще соотносится с материнством, чем с отцовством, что может иметь отношение к различным гендерным ролям.

Далее авторы предполагают изучать различия в «хрупких» и «прочных» союзах, а также включить в исследование историю партнерств и рождений. Предполагается, что люди более молодых поколений, имея более сложные семейные истории, могли иметь и соответствующие разным их этапам периоды здорового и нездорового поведения, поэтому интересно понять, каким будет результат в конце жизни, какое влияние окажут такие колебания, какими будут продолжительность жизни и здоровье именно у людей с разными видами нестабильности в брачной и родительской биографии, равно как и гендерное измерение всего этого в разном возрасте. Кроме того, сочетание семейных форм и поведения в отношении здоровья может измениться в будущем. Можно предположить, что наиболее здоровые изначально уже не будут селекционироваться исключительно в форму «женатые пары с небольшим числом детей», что также может привести к изменениям паттернов. Важно также учитывать историю миграций индивидов в соотношении с брачно-семейной историей.

В целом рецензируемая книга представляет собой важный шаг сближения демографов, занимающихся здоровьем и смертностью, и тех, кто занимается семьей и рождаемостью. На пересечении этих исследовательских направлений уже получены крайне интересные результаты, а при более тесном сотрудничестве их будет еще больше, и они будут еще интереснее и неожиданнее. Безусловно, к этому необходимо добавить также инсайты от демографов, специализирующихся на миграции, тогда сотрудничество станет еще более плодотворным.

Ну а пока получается, что все-таки самым лучшим оказывается здоровье женщин, живущих в традиционной семье с одним-двумя детьми, с партнером, но без старшего поколения, не обремененных уходом за больными и престарелыми.

Для мужчин «выгоды» в отношении здоровья от традиционного нуклеарного семейного устройства начинают, в отличие от женщин, сказываться в старшем возрасте. Женщинам в старшем возрасте, напротив, несколько легче без партнера.

Бездетность не является настолько разрушительной для здоровья, насколько многодетность, особенно для женщин, и вред для здоровья матери от многодетности не поправим ничем.

Среди женщин худшим оказывается здоровье одиноких матерей и тех, кто ухаживает за больными и престарелыми родственниками из чувства долга. Среди мужчин — одиноких и бездетных, но только в старости.

Уже эти результаты наводят на размышления относительно того, что могло бы предпринять в этой связи государство, если оно претендует на то, чтобы называться социальным и озабочено продолжительностью жизни людей; а также о том, как будет меняться общество в будущем в поисках нового равновесия интересов всех его членов в области здоровья, если уж от модели доминирования «традиционной» семьи оно, похоже, медленно, но давно и безвозвратно уходит.

ЛИТЕРАТУРА

- Doblhammer G., J. Guma, I. Buber-Ennsner, G. Di Gessa, V. Egidi, D. Georges, P. Giannantoni, D. Hanappi, K. Hank, I.E. Kotowska, D. Kreft, A. Oksuzyan, L.Sz. Oláh, S. Peters, P. Rattay, R. Richter, D. Rizzuto, A. Steinbach, C. Tomassini, E. von der Lippe, A.-K. Welmer (2018). A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe / G. Doblhammer, J. Guma, eds. Springer Open. 302 p.
- Giddens A. (2009). Sociology (6th edition). Cambridge, UK. 1194 с.

A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE ON GENDER, FAMILY AND HEALTH IN EUROPE

REVIEW OF THE BOOK «A DEMOGRAPHIC PERSPECTIVE ON GENDER, FAMILY AND HEALTH IN EUROPE»

OLGA ISUPOVA

The book is concerned with the mutual influence of family forms and health in different age groups (and in different generations, since during the last few decades young people have been experimenting with new? different? family forms). The book consists mainly of a meta-analysis of various quantitative studies comparing people's health and family forms in different European countries. The conclusions are rather unexpected: the worst health is to be found among single mothers and mothers of many children, irrespective of the quality of their relationship with their children. The health disadvantage for cohabiting women is less significant. The health of married mothers of 1-2 children is the best, until it deteriorates at older ages due to the necessity of caring for an ill partner. The health of childless women without a partner differs little from the latter group, and at older ages is even better. Men get health advantages from new family forms, especially when cohabiting and at a young age.

Key words: health, family forms, mutual influence.

OLGA ISUPOVA (oisupova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

- Doblhammer G., J. Guma, I. Buber-Ennser, G. Di Gessa, V. Egidi, D. Georges, P. Giannantoni, D. Hanappi, K. Hank, I.E. Kotowska, D. Kreft, A. Oksuzyan, L.Sz. Oláh, S. Peters, P. Rattay, R. Richter, D. Rizzuto, A. Steinbach, C. Tomassini, E. von der Lippe, A.-K. Welmer (2018). A demographic oerspective on gender, family and health in Europe / G. Doblhammer, J. Guma, eds. Springer Open. 302 p.
- Giddens A. (2009). Sociology (6th edition). Cambridge, UK. 1194 p.